

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

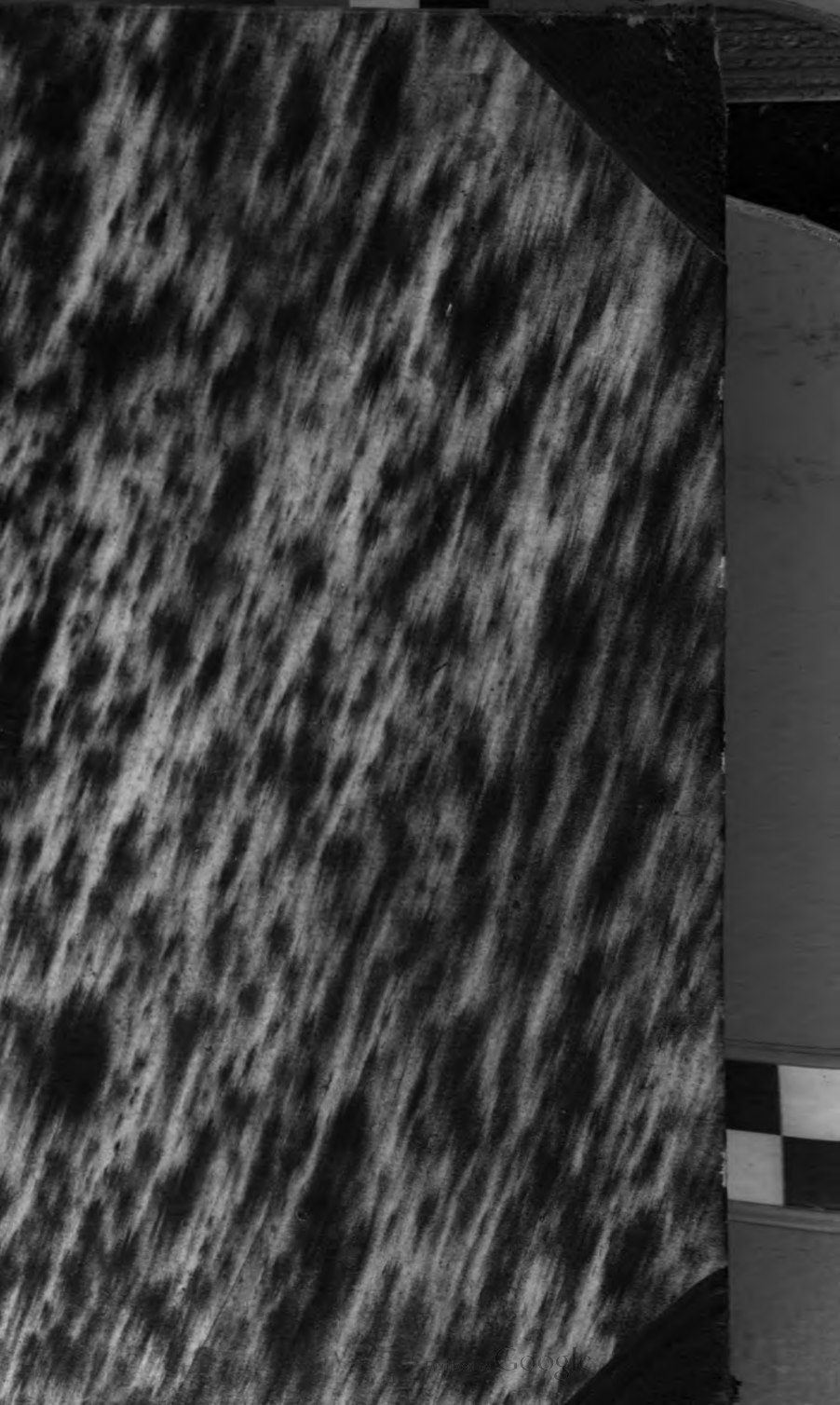
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

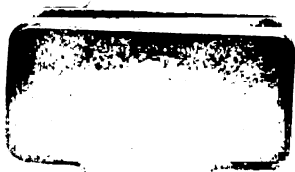
- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Biogr. 3255 ^u₍₁₎

21338/12

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЛОМОНОСОВЪ. .

I.

МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Гусенофонта Полеваго.

№ 696

III Томъ I.

1—2

МОСКВА.

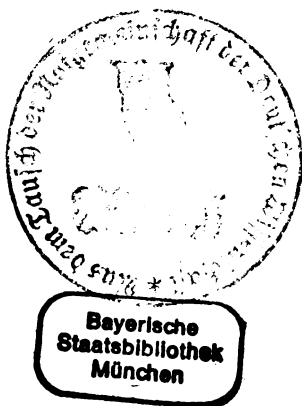
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чѣмъ по оппечатаваніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
Мая 4 дня 1835 года.

Ценсоръ Лазаревъ.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ДОМОХОСОВЪ.

Глава I.

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники отмороживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ деревни распѣвавъ свои жалобы на голодъ. Замѣпливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму пшеницы на лешу падали мерзвыя, и что ласпочки густыми клубками скрывались на самомъ днѣ рѣкъ, гдѣ, видно, искали онѣ пріюта отъ холода. А рѣки? О, рѣки задымились рано, и скоро толстая кора льду покрыла ихъ. Русскіе люди однакожь не боялись этого: они какъ будто рады были своей обычной гостѣ, копорая на полгода превращаетъ въ камень все окружающее ихъ. Русскій человѣкъ безъ зимы, точно какъ Итальянецъ безъ огненного лѣта. Русскіе сѣверяне особенно любовались бѣлыми

равнинами и проложили по нимъ свои любимыя зимнія дороги. По этому естественному шоссе они дѣшпелно лепали въ легкихъ кибипкахъ, и шерпѣливо двигались длинными обозами.

Въ одну лунную ночь, когда утренняя заря уже боролась со свѣсомъ пошухавшаго спутника нашей старой земли, обозъ съ рыбою плынулъ верспахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ возовъ шелъ, припрыгивая и пошукивая руками, закушанный въ овчинный шулупъ и въ поярковый армякъ, обозный прикащикъ. Сдѣлавъ еще одно выразительное антрша, онъ повернулся къ шедшему подлѣ него извощику, и промолвилъ :

Ну, брашъ Терѣха : жарко ! »

— Да, Пимень Никипичъ, благодаренье Богу : морозецъ !

« Кажись, ужъ и деревня на виду ? »

— Версты при осталось еще, родимый.

« Видно, много нашего брата ѣдетъ эшою зимой; смопри сколько полозьевъ проѣхало послѣ вчерашняго снѣгу : разъ, два, три. . . Да, что эшо ? Алъ кто изъ вашихъ опспалъ ? »

— А что ? кажись, кому бышь !

« Да, видишь, позади насъ : такъ кшо-по рысью и улепѣшываешъ ! »

— Нѣтъ, родимый, наши всѣ тушъ; не вѣдаю кто, а только не нашъ. Ванькѣ! А что, яго шаго, кшойшъ?

« Ай-ша? » закричалъ вопросительно другой мужикъ, шедшій подлѣ задняго воза. « А что-йшъ? »

— А вишь яго: кшо-йша догоняйшъ? »

« А Хриосъ его зная! »

Въ это время, то бѣгомъ, то шагомъ, приблизился къ самому обозу парень, лѣтъ семнадцати, пріятный наружношью, высокій, спройный, и полуокоченѣвшій ошъ холода, потому что онъ былъ одѣшъ въ одинъ нагольный шулупъ, совсѣмъ не по дорожному. На головѣ его была вешхая шапка; на ногахъ, сверхъ онучъ, надѣшны кошы; онъ былъ даже не опоясанъ. Поровнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и, какъ гусь въ чужомъ спадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратишся. Пименъ Никипишъ оглянулъ раза два, но видя, что ошъ этого любопытству его не легче, и что молодой человекъ не говоришъ ничего, ни съ кѣмъ, ошановился, и дождавшись шого воза, подлѣ котораго шелъ новый сопутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

« А что, брашъ, шебѣ надобно? » спросилъ онъ у молодаго человека.

— Мнѣ? ничего.

« Какъ ничего! Да куда ты идешъ? »

— Коли ваша милоспѣ позволишъ, шакъ иду въ Москву. . . .

«Въ Москву? Да кшо ты шакое? ошкуда.»

— Я Денисовскій креспянинъ. Вы чай и бапюшку моего знаеше.

«Денисовскій креспянинъ? Мы прешяго дни изъ Денисовскаго. А какъ зовушъ ошца швоего?»

— Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ какъ вы нагружали рыбу въ нашей деревнѣ, и съ бапюшкой моимъ говорили.

«Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ-же ты идешъ въ Москву? и какъ дойдешъ шуда?»

— Ваша милоспѣ! позволше мнѣ иди подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служишъ дорогой, и въ Москвѣ гошовъ рабошашъ; шолько позволше иди съ вами!

«Да ты, брашъ, не ряхнулся-ли. Чшо тебѣ занадобносъ въ Москву? Ошецъ, чшо-ли послалъ? Только эшому бышъ не лзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешъ въ Москву?»

— Да.... шакъ.... мнѣ хочешся посмошрѣшъ Москву....

«Э, э, брашъ! шакъ ты, видно, безъ опцовскаго позволенія махнулъ! ты убѣжалъ опъ ошца?»

— Сказашъ правду, шакъ убѣжалъ. . . . Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

« А кшо себя знаешъ ! Безъ опцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходяшъ. Вижу, брашъ, я, чшо ты малый шалунъ, забулдыга. Дѣлашъ тебѣ въ Москвѣ нечего — ешъ шамъ много вашей брашъи ! Воропись-ка добромъ къ ошцу, а не по, я тебя шурну инымъ порядкомъ. »

— Ваша милость !... не гонише меня ! право, я заслужу вамъ !

« Пошелъ ты, негодяй, со своими услугами ! Да чшо я за сумасшедшій, чшо возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку ! Пошелъ ! »

— Ахъ, Г. купецъ ! право я не какой нибудь негодникъ !

Тутъ грозный прикащикъ хопѣлъ поворопишъ бѣднаго мальчика назадъ полчками, но замѣшивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ :

« А эшо чшо у тебя подъ мышкой ? »

— Эшо.... да эшо я взялъ съ собой....

« Вижу, чшо ты эшо взялъ съ собой, а по просшѣ сказашь укралъ !... Да говори: чшо у тебя въ узелкѣ ? »

— Господинъ купецъ ! Я не укралъ эшого, пошому чшо эшо сполько-же мое, какъ моя голова. Только голову даешъ человѣку Богъ, а эшо мнѣ опдали добрые люди.

« Ахъ, ты, краснобай деревенскій ! Видно, у тебя голова-шо начинена такъ-же какъ эшошъ

узелъ! Да что въ немъ? чья казна? или изъ опцовскаго сундучка кошны?»

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно было, что ихъ не морозъ выжалъ; горе спѣснило его дыханіе. Онъ останоуился и былъ такъ изумленъ словами прикащика, что въ недоумѣніи глядѣлъ на него, и не говорилъ ни слова.

Казалось, это сдѣлало впечатлѣніе на допросчика, но, какъ человекъ опытный, Пименъ Никипичъ скрылъ свою тайную мысль, и также останоуившись вскричалъ на парня:

«Ну? не правду-ли я говорилъ, что ты воршка? Что-же ты ошоропѣлъ?»

— Не ошоропѣлъ, а одурѣлъ отъ твоихъ словъ, Г. купецъ! Я воръ? Я укралъ деньги, казну?... Господи Боже мой! — Съ этими словами онъ зарыдалъ, и бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

«На, посмотри что я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣшѣ: дойду и безъ тебя до Москвы.

Желая вполне выдержашъ роль человека ошорожнаго, Пименъ Никипичъ поднялъ узелокъ, и развернувъ его пробормошалъ съ удивленіемъ:

« Чтò это? книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянъ? Тамъ, брашъ, не дадутъ гроша за это. »

— Да я и не возьму за нихъ тысячи рублей! Эти книги мнѣ дороже всего своего обоза.... Тебѣ чудно это, Г. купецъ? Видно, что милы онѣ мнѣ, когда я для нихъ-шо оставилъ отца и родимую спорону!...

« Чудно! » сказалъ Пименъ Никишичъ. « Ну, пойдешь до первой упряжки, а тамъ увидимъ. »

Хотя вся эта схватка прикащика съ незнакомымъ юношею кончилась въ немного минушъ, однакожь возы, передразнивая своимъ движеньемъ время, ушли довольно далеко впередъ. Прикащикъ пошелъ за ними скорымъ шагомъ въ догонку, а молодой человекъ спалъ завернувшись въ узелокъ свои книги, и невольно отсталъ отъ него. Вскорѣ однакожь они опять поровнялись. Нѣсколько минушъ длилось молчанье; наконецъ прикащикъ заговорилъ снова:

« Теперь вижу я, что ты не шаковъ, какъ думалъ я сначала; но я все-таки не догадаюсь: зачѣмъ ты идешь въ Москву? »

Въ глазахъ юноши спало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ — отвѣчалъ онъ — чтò со мной спанелся въ Москвѣ; но мнѣ тошно спало жить въ нашей не людной споронѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ-бы мнѣ хотѣлось,

и не у кого спросить, о чемъ-бы подумалось. По эшимъ книгамъ, кошоры видѣла ваша милость, выучился я грамошъ, да Ариемешикъ; хочешся знашь еще больше, а ошъ кого и какъ узнаешъ? Вошъ я и рѣшился идни въ Москву: шамъ, говоряшъ, много людей ученыхъ, и ешъ училища, для всякаго кшо вздумаешъ учишься. Заговаривалъ я объ эшомъ ошцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнушъ чего я хочу, и еще началъ поносишъ книги и книгоцѣевъ. Я рѣшился убѣжашъ, когда увидѣлъ чпо съ нимъ не сговоришъ. Хочу въ Москвѣ учишься.

« Я, дружекъ, самъ человекъ, не хвасповски сказапъ, грамошный, » ошвѣчалъ Пименъ Никишичъ. « Спросилъ-бы пы у меня, шакъ я-бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужъ шеперь поздно: видно, шакова швоя часпъ. Все Богъ! »

— Богъ меня и не ошпавишъ! — примолвилъ юноша съ робкою довѣренностью. — Позвольше-же спросишъ вашу милость: гдѣ вы обучались?

« Какъ гдѣ?... у людей.... у духовныхъ. Гдѣ же еще нашему брапу учишься. Да вѣдь и въ вашемъ селѣ ешъ дѣячекъ; чпо-же пы не учился у него?

— Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамошы ничего не знаешъ.

« А чпо-же еще тебѣ надобно? Развѣ пы въ

попы хочешъ? или хочешъ чипать на Нѣмецкихъ языкахъ?

— Да, мнѣ-бы хощѣлось этого.

«О, о, дружище! шакъ вошъ какой ты гусь!... Взялъ-бы тебя, да опвалялъ хорошенько лозами, шакъ дурь-то изъ головы и вышла-бы. Въ Нѣмецкіе языки пускайся!...»

Послѣ такога объясненія, у молодаго чело-вѣка оппала охоша разговаривать съ ученымъ его спутникомъ. Мальчикъ зналъ по опыту, до чего доводятъ съ подобными грамошѣями разгово-ры объ ученѣѣ. Однакожъ спутникъ вызвалъ его на опвѣшъ, воскликнувъ:

«Вѣдь заберется-же въ голову шакая блажь, просши меня Господи! Мужикъ, охреанъ, за-думалъ въ ученые!...»

— Я думаю, Г. купецъ — опвѣчалъ юно-ша — что ученымъ никшо не родипся; а кшо учипся, да хорошо, шакъ пошъ и будетъ ученый.

«Да шебѣ-то что до ученья? На шо есть дворянскія дѣшки, да поповичи. Однимъ надо бытъ грамошнымъ, чтобы чипать приказныя бумаги, да полковатъ Государскіе законы, а другимъ чтобы говорипъ проповѣди; да знатъ что поюпъ и чипаюпъ. А шебѣ на что шакая ученость?

— Да я не шакой учености хочу.... — Молодой чело-вѣкъ не зналъ какъ выразишь свою

мысль, хотя очень понималъ о чемъ говоришь. Онъ по неволѣ остановился на не конченной рѣчи.

« Ну, что? по-то, братъ! зналъ-бы ты опцовскій неводъ, да счесть въ рыбъ! А деньгу-то сосчитать можно и безъ Московскаго ученя.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня. Тотъ молчалъ и шѣмъ больше заставлялъ своего сопутника вѣрить, что въ словахъ его заключалась вся премудрость опытности.

Въ это время одинъ изъ воевъ закатился въ глубокий ухабъ: лошадь затарасилась съ нимъ, и вся эта неспроуная громада съ шрескомъ остановилась.

— Та-па, ай-па! — закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ сторонъ. — Э-а-па, Терѣхъ! Ванькъ!

Всѣ бросились подымать лошадь и выпаскивать возъ.

Пименъ Никипитъ, какъ человекъ, который хочетъ доказать свою философію на дѣлѣ, бросился, впрочемъ безъ всякой нужды, помогать другимъ, и шупъ-же, кряхтя и крича, перся около воза. Онъ думалъ найдши въ этомъ доказательство, какъ должно сохранять возы и заботиться о рыбѣ, и практически пояснилъ молодому безумцу, въ чемъ заключается му-

дросшь жизни. Когда порядокъ былъ возс-
новленъ и возы пошли впередъ, онъ обернулся
къ юношѣ, также помогавшему другимъ во
время сумашохи, и опряхивая снѣгъ съ своего
армяка, сказалъ :

— Вошь, брашъ! не поидетъ на умъ уче-
нось. А ?

« Да, правда! » отвѣчалъ пошъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій прѣхали на мѣ-
сто роздыха. Сѣверное нарѣчіе зашумѣло, ко-
гда извозчики, а съ ними и обозный прика-
щикъ, сѣли за сполъ и начали работать за го-
рячими щами. Новый сопутникъ ихъ, удалив-
шись въ уголъ, и вынувъ изъ кармана кусокъ
самаго не роскошнаго хлѣба, хопѣлъ имъ по-
обѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого.
Одинъ изъ мужиковъ, кошораго лицо уже го-
рѣло какъ на огнѣ, опъ множеству проглочен-
ныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ :

« А чпо-жь ты, родимый, не поѣшь съ нами?
Садись-ко благословясь! »

Молодой человекъ раздумывалъ.

« Садись, голубчикъ, садись! Опъ хлѣба-соли
не опиѣкиваются, » примолвилъ Пименъ Ники-
шичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоеди-
нилъ къ другимъ, и не ошспалъ опъ нихъ.

« Ну, вошь, оно-шко и повеселѣе! » сказалъ

одинъ изъ извозниковъ, помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми спѣнами.

— Да, вошъ, ребяпа! — началъ Пименъ Никишичъ. — Малый идешъ въ Москву, Хриосось его знаешъ зачѣмъ, а ѣспъ у него нетего. Возьмемъ, что-ли, его?»

«Почто нѣшъ!» отвѣчалъ одинъ извозникъ.

— Вѣспимо! пускай себѣ идешъ! — примолвилъ другой.

«Да я одинъ плашишь за него не буду!» поспѣшилъ сказать Пименъ Никишичъ.

— Ну, съ-обчѣ заплашимъ! — проговорилъ еще одинъ извозникъ.

«Съ орпели заплашимъ!» примолвилъ другой. «Пожалуй, пы хопъ и не плаши.»

— Нѣшъ, и я съ вами! — сказалъ прикащикъ.
— Ну, вошъ.... какъ шебя зовушъ, пріятель?...
— продолжалъ онъ.

«Михайломъ!» отвѣчалъ юноша.

— Ну, вошъ, Михайло, шеперь пожалуй иди съ нами. Только уговоръ лучіе денегъ: въ Москвѣ, брашъ, все дорого; шамъ ищи себѣ хлѣба гдѣ хочешъ. Мы шамъ за шебя не плашельщики.»

Михайло благодарилъ своихъ сопушниковъ, какъ умѣлъ.... за благодарѣніе! Надобно знашь, что деревенскій обѣдъ на десятерыхъ споилъ погда нѣскольکو копѣекъ; слѣдовапельно Михайло Ломоносовъ не могъ спойшь сопушни-

камъ своимъ до Москвы болѣе немногихъ копѣекъ. Но, какъ важно было это въ его положеніи! Онъ, беззащитный, безпріютный бѣглецъ опшеческаго дома, уже два дни не зналъ, до этой минушы, чѣмъ будешь уполяшь свой голодъ. До Москвы надобно было идти мѣсяцъ! Денегъ не было у него ни сколько. Кусокъ хлѣба, взяпный имъ изъ дому, и возбудившій въ его сопутникахъ состраданіе, былъ у него единственнѣмъ запасомъ. А теперъ! какъ ободрился онъ! Какія надежды и мечты заиграли въ его пламенной головѣ. Онъ воображалъ Москву раемъ, а людей, живущихъ въ ней, какими-то ангелами, кошорые примушь его съ распростертыми объятіями, поглядяпъ по головкѣ за любовь къ ученью, или по крайней мѣрѣ не станушь преслѣдовапъ, какъ грубые Архангельскіе земляки.

Однообразное путешествованіе нашихъ спранствовашель не представляло больше ничего замѣчательнаго. Иногда, правда, падали возы, сбивались съ ногъ лошади, а провожапше ихъ часто ошмороживали себѣ по щеки, по носы, однако все это было въ томъ порядкѣ вещей, кошорый и нынѣ, черезъ сто лѣтъ, повшоряется безпрестанно въ сѣверныхъ споронахъ. Обозные ѣхали, шумѣли, успадали, пили, ѣли, пакъ-же какъ и нынѣ дѣлаюшь все это другіе люди. Бѣглецъ-юноша раздѣлялъ ихъ шруды, за-

боши, и успѣлъ заслужить пріязнь почти всѣхъ своихъ товарищей. Время шло какъ по сказанному, по писаному; день наспавалъ и оканчивался. Напослѣдокъ, въ одно утро, солнце освѣтило для глазъ Михайлы Ломоносова златые верхи Московскихъ церквей.

Есть что-то чрезвычайно живое въ томъ чувствѣ, которое волнуешь душу пришельца изъ дальней Руси, при первомъ взглядѣ его на Москву. Въ дальнихъ городахъ и селахъ, Москву почишають какимъ-то палладіумомъ, средоточіемъ всего хорошаго, умнаго и великаго. У всякаго свой взглядъ: простолюдинъ воображаетъ Москву чужь-ли не изъ золоша сдѣланымъ городомъ; человѣкъ, немного повыше простолюдина, представляетъ себѣ ее вмѣсплищеніемъ всѣхъ чудесъ образованности, мѣспомъ забавъ и радостей; образованный юноша думаетъ о ней, какъ о такомъ городѣ, гдѣ можешь онъ увидѣть и узнать все просвѣщеніе, всю славу своего отечества. И всѣ единодушно зовутъ и почишають Москву матерью священной Руси! Это нераздѣльно съ сердцемъ каждаго наспоющаго Рускаго.

Что чувствовалъ Ломоносовъ при взглядѣ на шомъ городъ, куда такъ долго и шакъ неперпѣливо лешали его мысли? Какъ билось его сердце, когда наконецъ онъ увидѣлъ ту желанную цѣль, къ кошорой бѣжалъ черезъ снѣга, въ

нагольномъ овчинномъ шулупѣ , неся съ собой, вмѣсто всѣхъ средствъ, одинъ богатый запасъ перпѣнія и волю сильной души? Можно объяснить чувства людей обыкновенныхъ , когда они находясь въ подобныхъ положеніяхъ , не этого сына рыбака.

Глава II.

Зимнее солнце, эпошь рѣдкій гость нашего неба въ печеніе полугода, эпошь праздникъ нашей морозной атмосферы, выкапилось на горизонтъ, роскошно и величественно, равно свѣшло и привѣшливо для богатаго Князя и для безпріютнаго, бездомнаго спранника; но не для всѣхъ, о, не для всѣхъ одинаково радостны свѣшлые лучи его!

Архангельскіе пріѣзжіе нѣсколькими часами предупредили появленіе солнца. Въ день своего пріѣзда они успѣли свалишь въ лавки полъ-обоза рыбы, или *товару*, какъ всякій называетъ шо, что продаетъ онъ. Мѣсто подвиговъ ихъ въ Москвѣ было памъ, гдѣ и теперъ продають свѣжую рыбу, подлѣ Москвы рѣки, вблизи церкви Василя Блаженнаго и Спасскихъ воротъ Кремля. Въ продолженіе перваго дня, Михайло оставался караулишь возы, между шѣмъ какъ дорожные соупшники его занимались складкою рыбы съ другихъ воевъ. Въ

последній разъ, и какъ-бы въ вознагражденіе за караулъ, пригласили его поужинать въ харчевнѣ; послѣ этого, позволили ему переночевать въ однѣхъ саняхъ, гдѣ уже не было рыбы. Усталость дала сонъ юному шѣлу, но не воображенію, не сердцу Михайлы. Рано, очень рано проснулся онъ, и, закушанный въ свой шулупъ, лежа въ саняхъ началъ размышлять о самомъ себѣ.

Положеніе его было спрашно. Безъ крова, безъ пріюта, безъ копѣйки денегъ, на чужой сторонѣ, куда приклонишь ему горячую свою голову? Гдѣ искать того пуши, на котораго влекло его шемное чувство, для котораго оставилъ онъ отца, и, какъ бѣглець, приехалъ въ Москву? И какой это пушь? Гдѣ великодушные люди, которые примутъ, приголубятъ пришельца и утолятъ его жажду науки. Таковы всегда бывають позднія сознанія наши!... Бѣжимъ за призракомъ, думаемъ схватить его рукой.... вотъ онъ, кажешся, передъ глазами.... Какъ свѣшель, привѣшливъ, увлекатель! какая улыбка на устахъ его.... Опомнись, неопытный юноша! Правда, ты ушелъ впередъ; но призракъ исчезнешъ, и ты останешься въ пустынѣ, далеко отъ крова ошеческаго. Ты.... знаешь-ли? только удалился отъ прежняго; ты еще далекъ отъ цѣли: ты на распутии. О, какъ тягостны эти распушія! Какъ не выно-

симы эти чистилища нашего духа! Тогда человек, не зная куда приведешь его жребий, подобенъ слѣпцу, брошенному жестокосерднымъ вожааемъ въ незнакомомъ лѣсу; тогда онъ чувствуетъ всю слабость своихъ одинокихъ силъ (потому что человекъ только въ обществѣ бываетъ могучъ не звѣриною силою); тогда онъ вынужденъ жалѣть о прошедшемъ.

Въ такомъ положеніи былъ Михайло Ломоносовъ. Онъ зналъ, что въ наступающій день ему надобно разсѣяться съ Пименомъ Никипичемъ: эшопъ знашокъ свѣща напередъ велѣлъ ему не надѣяться въ Москвѣ на его помощь. Михайло былъ изумленъ великолѣпіемъ и шумомъ окружавшей его Москвы, и со срахомъ думалъ, въ кошоры изъ богатыхъ палатъ посмущишься онъ просить себѣ хлѣба и крова? потому что о наукѣ онъ уже не смѣлъ и думать: прежде всего надобно было не умереть голодною смертію. Люди, которыхъ въ опдаленіи ночивалъ онъ столь радушными ко всему доброму, и столь привѣтливыми къ нему самому, шеперь представлялись ему жестокими, холодными, спрашными! Угрюмая пѣнь ночи умножала его грусть и тоску. Сердце, долго спрадавшее, и долгимъ томленіемъ пригошовленное къ скорби, не выдержало болѣе: Михайло, въ горести, вскочилъ съ своего холоднаго ложа, спалъ на холмѣи и зарыдалъ!... Нѣсколько минутъ дли-

лось это шагосное для него сосшояніе души; но вдругъ, среди сумрака приближающагося дня, онъ разглядѣлъ передъ собою огромную Спасскую башню, и лампаду, уже сполѣвшія шеплящуюся передъ образомъ Спасителя, Отца всѣхъ людей. Благоговѣйный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ; онъ почувствовалъ себя какъ-бы воскреснувшимъ. Не перемѣняя положенія, стоя на колѣняхъ въ санихъ, онъ съ теплою мольбою обратился къ образу Спасителя, и горячія, утѣшительныя слезы смѣнили его слезы горести.... Елей утѣшенія канулъ на чистую душу, и распроганный юноша кончилъ свою молитву съ надеждою, почти съ весельемъ въ сердцѣ.

Между тѣмъ зашевелились его поварищи, и ночной лай собакъ заглушился шумомъ и движеніемъ пробудившейся Москвы. Пименъ Никишичъ двинулъ ошапокъ своего обоза къ рыбнымъ лавкамъ, и первое домовище Ломоносова близъ Спасскихъ ворошъ не ошавило послѣ себя никакого слѣда. Это опять навело шоску на сердце юноши, и въ шакомъ-то расположеніи, въ раздумьѣ, въ грусти, хотя и смягченной вѣрою въ Провидѣніе, встрѣпилъ онъ зимнее восходящее солнце, и вшоры сушки своего жишья въ Москвѣ.

Весь этотъ день провелъ онъ вмѣстѣ съ рыбаками, пособляя имъ складывашъ рыбу, поды-

мая сани, опшводя лошадей. Великъ-ли и весь день Русской зимы? Когда на Спасской башнѣ ударило пять часовъ, уже было темно. Движеніе въ лавкахъ начинало уменьшаться, и Пименъ Никишичъ спѣшилъ на постоялый дворъ, сначала углубиться въ расчеты о сданной рыбѣ, о барышѣ, о деньгахъ за провозъ, и потомъ отдохнуть. На прощанье, перекликался съ лавочниками и съ извозчиками, онъ замѣтилъ подлѣ себя Михайлу.

— Ну? что-же, ты куда? — спросилъ онъ его. Пока собирался отвѣчать ему спрошенный, онъ прибавилъ съ необыкновеннымъ для него добросердечіемъ: — Пойдемъ-ка, братъ, со мной. Вѣдь я знаю, что тебѣ нѣкуда приклонить голову, такъ ужъ я покаместъ *ублажотворю* тебя.

Едва вѣрнулъ ушамъ своимъ изумленный Михайло, и безъ всякихъ дальнихъ соображеній пошелъ за Пименомъ Никишичемъ. Ему конечно не могло придти въ голову, что эшотъ гордившійся передъ нимъ знаніями челоѣкъ, эшотъ опытный философъ, замѣтилъ въ сынѣ рыбака большую способность къ *счету* и знаніе въ *грамотѣ*, то есть, въ продолженіе дороги онъ видѣлъ нѣсколько разъ, какъ легко разрѣшалъ плошъ задачи о плашежѣ за овесъ и ѣду, и какъ бойко прочишывалъ изъясненія лубочныхъ каршинокъ, кошорыми украшались спѣсны

въ крестьянскихъ избахъ. Вспревоженный огромношью своихъ расчетовъ, Пименъ Никишичъ пѣмъ охопиѣ рѣшился взять съ собою Ломоносова, что воспользовавшись его способностями, онъ еще могъ придашь этому и видъ благодѣянія. Такимъ образомъ, эшо былъ первый чловѣкъ, невольно одѣнившій способности генія, копорому дивишся попомство.

Весь вечеръ прошелъ въ умспвенныхъ занятіяхъ Пимена Никишича. Крупными каплями пошѣлъ онъ и перялся въ помъ, что Михайло соображалъ въ нѣсколько минушъ и долго располковывалъ ему. Наконецъ, когда разрѣшены были всѣ запруднеція и объяснены всѣ вопросы о количесшѣ сданнаго товару, о суммѣ за провозъ, о дорожныхъ издержкахъ, о числѣ рогожъ и цѣновокъ, Пименъ Никишичъ былъ шакъ доволенъ, что пригласилъ Михайлу ужинашъ съ собой.

— Вошъ, и уголъ ешъ у тебя! — сказалъ онъ сидя за споломъ и прихлебывая капусту. — Только, брашъ, я вѣдь здѣсь не надолго. Не вѣдаю, какъ ты приспособишся. Даромъ кормишъ никто не будетъ. Право, лучше тебѣ оставишъ свои запѣи, да приняшся-бы, напри-мѣръ, за коммерцію. Слава тебѣ Господи! Иной спишъ да видишъ. Эшо, ей Богу, шакъ! А по какую тебѣ пурусу учить? Да и на что? Правда, что ученье свѣшъ, неученье шма; да, вѣдь,

хорошо, брашъ, учишься пому, у кого есть что жевашъ. Ну, а тебѣ-ли за другими? Тупъ и я пособишь не могу. А порекомендовашъ хорошему человѣку — пошто нѣтъ! Гошовъ. Да, вошъ, хошъ-бы Сидору Пафнушьичу, кому товаръ-то мы сдавали: у него дѣла большія, человѣкъ онъ хорошій, и шолько будь самъ хорошъ, шакъ у него-бы тебѣ жишье-то было завидное. А мое слово онъ уважитъ.

Это нравственное увѣщаніе запилъ онъ большою кружкою квасу, и продолжалъ:

— Право, брашъ, лучше будешъ. Вспомнишь мое слово, да ужъ поздно будешъ. Мое дѣло спорона; сыпный голоднаго не разумѣешъ, говоришь пословица; да, видно, ты не вѣришь ей.

«То-то, Пименъ Никишичъ, что я пришелъ въ Москву насыщать не чрево, а голову.»

— А знаешь-ли ты — возгласилъ съ поржесивомъ самозванный мудрецъ, опривши въ память своей присказку, когда-то слышанную имъ опъ какого-то книгоцѣя — знаешь-ли ты, что когда руки и прочіе шѣлесные члены не захошѣли повиноваться чреву, то вмѣстѣ-же съ нимъ и погибли?

«Нѣтъ, это было какъ нибудь да не шакъ — возразилъ Михайло.» Голова всему голова; а мнѣ моя велишъ думашъ не объ одномъ насущномъ хлѣбѣ: она сама пребуешъ пици.

— Ну, такъ шебѣ и книги въ руки! — отвѣчалъ нѣсколько оскорбленный Пименъ Никишичъ. — Пропадай съ голоду, коли не хочешь слушанъ добрыхъ совѣтовъ.

«Я никогда не забуду вашего добра ко мнѣ,» сказалъ юноша. «Я не смѣю думать, что когда нибудь приведетъ Богъ меня распахнуться съ вами; но, право, на эшотъ разъ не могу послушать вашего совѣта.

— Да на кого-же ты надѣешься?

«Во-первыхъ: на Бога! Онъ не оставитъ меня. А потомъ, я гошовъ пасъ въ ноги нашей Царицѣ, и молишь Ее о заспуленіи.

— А я опять скажу шебѣ пословицу (вѣдь ихъ сочиняли мудрые люди): до Бога высоко, а до Царя далеко. Царица живешь въ Пишерѣ, такъ вѣдь не снова шебѣ идти съ обозомъ шуда. Успѣешь и здѣсь умереть съ голоду.

Послѣдній аргуменшъ Пимена Никишича за-спавилъ Михайлу задуматься. Онъ, какъ дитя, уличенное въ шалости, защищался онъ опытно-ности своего прошивника, и на возраженіе его не сдумѣлъ отвѣчать. Онъ вѣрилъ одному внуш-реннему чувству своему, но вѣрилъ крѣпко и былъ убѣжденъ, что онъ поступаетъ такъ, какъ должно было ему поступать. Подобно Колумбу, онъ гошовъ былъ спорить съ цѣлымъ міромъ современниковъ своихъ, что шамъ, за

океаномъ препятствій, естѣ, непретѣнно, спра-
на свѣта , къ которой спремишя душа его ;
но онѣ не могѣ указати имѣ на эту спрану,
не могѣ даши имѣ осязати ея свѣта. Полувоз-
душна носилась передѣ нимѣ надежда, вѣрная
сопущница челоѣка во всѣхъ невѣрныхъ об-
спояшельспвахъ , но и сущеспвенность угне-
шала его своею свинцовою спажеспью. Онѣ не
согласился съ Пименомѣ Никипичемѣ , но и не
вѣрно опшводилѣ удары его логики , передѣ су-
домѣ самосознанія.

Помолились Богу, и Ломоносовѣ легѣ спашѣ
въ самомѣ груспномѣ расположеніи : въ недо-
вольспствѣ самимѣ собой. Чшобы опровергнушѣ
всѣ возраженія , онѣ въ самомѣ дѣлѣ былѣ го-
шовѣ еще совершишѣ спаккой-же пушѣ , какой
уже оставилѣ за собою. Но идиши спакѣ далеко
не случилось ему.

Слѣдующій день провелѣ онѣ на поспояломѣ
дворѣ , думая о своей будущности, и не при-
думывая ничего. Да , впрочемѣ , и можешъ-ли
семнадцатилѣтній мальчикѣ , не знающій ни
людей, ни свѣта , имѣшѣ опредѣленные , вѣрные
намѣренія о будущемѣ? Можешъ-ли онѣ упромѣ
сказати о шомѣ , что свершишя съ нимѣ вече-
ромѣ , когда почи каждый челоѣкъ силенѣ
имѣшѣ вліаніе на судьбу его ? Ломоносовѣ ду-
малѣ , собспвенно не думая ничего , пошому
что онѣ крѣпко вѣрилѣ Провидѣнію и былѣ

твердо убѣжденъ въ правотѣ своихъ поступковъ; онъ ожидалъ чего-то; ожидалъ чуда, или ангела-спасителя въ видѣ чловѣка. Эта вѣра въ лучшую будущность, эта увѣренность въ собственныхъ силахъ, не смотря ни на что окружающее, бывающъ исключительною принадлежностью души чистой и воли неуклонной, неуспрашимой, первой принадлежності всѣхъ необыкновенныхъ людей. Исполнители подвиговъ великихъ, они или вѣрно провидящъ будущее, повинувась гаданію души своей, или, жертвы своей увѣренности, погибающъ на пути не конченномъ, но не ослабѣвающъ въ цѣлой нравственной силѣ, которая самой гибели ихъ даетъ знаменіе величія.

На веселѣ, въ разгулѣ возвратился Пименъ Никишичъ домой, уже вечеромъ. Онъ привелъ съ собой гостя, какого-то господскаго прикащика, и привелъ его сколько по дѣламъ, которыхъ у нихъ были, сколько-же и для того, что-бы весело заключить день, то есть, по Русскому обычаю, попить съ нимъ хорошенько, на свободѣ.

Впрочемъ, гость былъ совсѣмъ не похожъ на Пимена Никишича. Высокій ростомъ, дородный, свѣжій мужчина среднихъ лѣтъ, одѣтый не богато, но хорошо, онъ во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ рѣчахъ своихъ показывалъ какую-то чинность, какое-то приличіе и сдержанность,

можешь быть переняпши имъ опъ господъ своихъ.

Поговоривъ о дѣлахъ, собесѣдники незамѣтно обратились къ предметамъ постороннимъ. Михайло былъ нупъ-же и слушалъ ихъ. По временамъ онъ прислуживалъ Пимену Никипичу, принося желаемое угощеніе, то естъ пиво и медъ.

— А чшо, благодѣшель — спросилъ госнъ, въ то время когда Михайло вышелъ за чѣмъ-то изъ комнашы — эшошь молодець прѣхалъ съ тобой?

«Да!» отвѣчалъ Пименъ Никипичъ. «Нашелъ его на дорогѣ: спало жаль бѣдняка, и я шворю ему добродѣшель.»

— Чшо-же? ты взялъ его въ услугу себѣ? Одолженіе-то средней руки.

«Какое въ услугу: кормлю и пою, бапюшка, Пешръ Калиспраповичъ; а за чшо и самъ не знаю. Гоповаго поѣсъ да попишь я могъ-бы и безъ его помощи. Ну, да о добромъ дѣлѣ жалѣшь я не люблю.»

Тушь онъ пересказалъ въ нѣсколькихъ словахъ встрѣчу свою съ Ломоносовымъ, и заключилъ рассказъ слѣдующимъ нравоученіемъ: «Видно, было написано ему на роду сдѣлаться бродягой; видно, родилели не умолили Бога. Всѣ мы люди грѣшны!»

— Правда — ошвѣчалъ Пётръ Калиспраповичъ — шолько эиотъ малый не похожъ на негодая. Мы, брашъ, все на эиотъ свѣпъ бродяги, пока не придемъ къ шихому приспанищу. Помогашь нищимъ и проходимъ нашъ долгъ; онъ прохожій: не нищій; пусшь себѣ идетъ своей дорогой; долгъ всякаго помочь ему и науществовать хлѣбомъ-солью и добрымъ словомъ.

«Да какъ-же ему безъ опцовскаго благословенія? . . . »

— Оно шакъ, но я сужу еще и вопшь какъ: если-бы онъ безъ опцовскаго благословенія пусшился на поклоненіе угодникамъ Московскимъ; не хорошо что пошелъ безъ воли родительской, но благо что идетъ на доброе дѣло. Въдь и уйдши для науки, не то что на худое дѣло уйдши. Да и намъ-ли судишь о шомъ, что уже сдѣлано? Нашъ долгъ помочь ему. Не въ худомъ дѣлѣ заспаю его, и гошовъ пособишь добрымъ совѣиномъ. Знаешь-ли что? Мнѣ еще сдается, что я видалъ его когда-то. По-разговорюсь-ко я съ нимъ.

«Чудодѣй ты, Пётръ Калиспраповичъ!» сказалъ Пименъ Никишичъ, улыбаясь и качая головою.» Охоша тебѣ занимаешься эшимъ пуспозвономъ! Доканчивай-ко лучше свою кружку.

Михайло возвратился, и Пётръ Калиспраповичъ обрапилъ къ нему рѣчь.

— Слышу, братъ, я, что ты прїѣзжій изъ Архангельска; памъ я не бывалъ, но мнѣ здаепся, что я видѣлъ тебя гдѣ-то. Въ первый разъ въ Москвѣ?

Ломоносовъ смутился нѣсколько опъ этой рѣчи. Ему пришло въ голову: не опяшь-ли хопяшь подозрѣвать его въ чемъ нибудь? не опяшь-ли хопяшь видѣшь въ немъ самозванца? Онъ вспомнилъ о нападеніи Пимена Никипича, и, вооружившись всѣмъ своимъ мужеспвомъ, сказалъ голосомъ пвердымъ:

— Въ Москвѣ я въ первый разъ; вашей милоспи не видывалъ никогда; но васъ знаю по лицу, пошому что лицо ваше не закрываетъ вашей доброй души. Всѣ добрые люди не шолько мнѣ знакомы, но и съ родни: на нихъ-шо я и надѣюсь, за нихъ-шо и буду прежде всѣхъ молишься Богу.

« Не много-же, Михайло, найдется у тебя родныхъ! — перебилъ его Пименъ Никипичъ, кошорый любилъ щегольнушь словцомъ.

— По крайности я съ родни ему! — возразилъ Пепръ Калиспрашовичъ. — Ты, Михайло, сказалъ то, что я думалъ; шолько сказалъ ты покрасивѣе нежели мерещилось это въ моей башкѣ. Ты сказалъ правду, и я, какъ родню, беру тебя къ себѣ. . . . коли позволишь Пименъ Никипичъ.

— Сбылась пословица! — примолвилъ пошъ съ коварною улыбкою: — «Тома въ Москву пришелъ, да скоро и родню нашелъ!» Онъ былъ восхищенъ своею новою оспрошою. Однакожъ, дивись спранныспи прошиворѣчій въ человѣхъ! . . . Ему было досадно, что Пепръ Калиспраповичъ такъ великодушно, и такъ скоро, слѣдственно два раза великодушно, вызвался дать пріюстъ Михайлѣ. Онъ не понималъ этого поступка, однако въ сердцѣ его было какое-то не зрячее чувство, что это дѣло доброе, слѣдственно похвальное, а всякія похвалы желалъ-бы онъ привлеканъ на самого себя. Онъ понималъ также, какъ не умѣстно было при этомъ бѣдное его оспроуміе, и принявъ на себя важную осанку, просяжно сказалъ :

«Пепръ Калиспраповичъ! Мѣшай доброму намѣренію не буду. Только вспомни, что ты самъ человѣкъ, такъ скажешь, подчиненный: живешь въ барскомъ домѣ, и хопъ на почѣстѣ, и хопъ у добраго господина, однакожъ все-таки не въ своемъ углу. Вѣдь и я подумывалъ, какъ-бы помочь Михайлѣ, попому что, право, жалъ малаго: пропадешь за даромъ; ну, да что я могу сдѣлать? Вѣдь и я занимаюсь, хопъ-бы коммерціею, по-же по чужой милости, чужимъ добромъ, и самъ гляжу въ глаза другимъ. Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ, какъ говорятъ. . . .

— Я въ дѣлѣ, я и въ опѣшѣ, Пименъ Никипитчъ! — перервалъ его гость. — Чтò цушъ толковашъ! Конечно, я не на банкетъ приглашаю Михайлу: дамъ ему уголь да кусокъ хлѣба; вошъ все чтò могу сдѣлать. А вѣдь ты говоришь, что и этого не можешь. Да оно такъ и есть: ты человекъ прѣзжій. . . .

« Ну, самъ ты знаешь! — прибавилъ одобри-
тельнымъ голосомъ Пименъ Никипитчъ! — Я опъ
добраго дѣла не прочь, да. . . .

— Спало бытъ, коли Михайлѣ въ угоду, такъ
я и милоспи прошу его къ себѣ! — сказалъ
Пепръ Калиспрашовичъ. — Покуда, брашъ, по-
живешь въ нашей дворнѣ, а тамъ подумаемъ.

Глубокимъ поклономъ опблагодарилъ Михай-
ло за добрый вызовъ Пепра Калиспрашовича.
Онъ не зналъ чтò такое значила дворня Рус-
скаго барина! По крайней мѣрѣ онъ могъ бытъ
увѣренъ, что существованіе его обезпечено на
сколько нибудь времени. Въ несвязныхъ сло-
вахъ выразилъ онъ признашельность свою за
благодѣяніе, о копоромъ не имѣлъ ни какого
понятія. Бѣдный мальчикъ! Подобно щепкѣ сре-
ди бунтующихъ волнъ, онъ былъ среди океана
людскихъ спрасстей и опиошеній. Выносаясь изъ
глубины падающей волны другою волною, ко-
торая возносятся для того только, чтобы
наспъ подобно своей предшесшвенницѣ, онъ

думалъ , что ему лучше на этой обманчивой выси. Но таковы-то наши стремленія! Онъ лешѣлъ къ міру свѣта, и уносясь въ міръ слугъ, считалъ , *долженъ былъ* считаясь это благодареніемъ.

Между тѣмъ разговоръ собесѣдниковъ ожилъ, и чудеса мудрости лились изъ устъ Пимена Никишича!

— Право — говорилъ онъ — надо помогать бѣднымъ! И душѣ-то опрадно, и Богу угодно, да и людямъ-то не худо! Нашъ-то братъ самъ испыталъ все: бывалъ и на конѣ и подъ конемъ. Все Богъ, башюшка, Пепръ Калиспрашовичъ! Онъ пашаетъ и пшицы небесныя!

«Что и говоришь объ этомъ, Пименъ Никишичъ! Правда, правда.»

— Да ей Богу такъ , Пепръ Калиспрашовичъ! Живемъ, живемъ, шрудимся, шрудимся: а для чего? Ну, право такъ! хоть умереть не сходя съ мѣста! Доброму человѣку вездѣ хорошо. Такъ-то бываетъ подъ часъ горько, что кажется и не расхлебнешь! А нѣ мудрость-то наша человѣческая! Истинно такъ , Пепръ Калиспрашовичъ! Богъ меня убей, коли не правда! Вѣдь что-бы кажется!... Ну, а все не то! Право такъ!

«Миръ вамъ!» возгласилъ кто-то понкимъ голоскомъ.

Въ дверяхъ стоялъ монахъ.

— Ба, ба, ба! — воскликнулъ Пименъ Никишичъ вскакивая со скамьи. — Опець Порфирій! Покорнѣйше прошу, опче свяшій! Да какими это судьбами? . . .

«Да шакъ, двумя ногами! Шелъ, шелъ, да и пришелъ!» отвѣчалъ веселый монахъ. «Миръ вамъ и мы къ вамъ!» примолвилъ онъ усаживаясь около сполоа.

— Испинно благодаренъ вамъ, опче! — сказалъ Пименъ Никишичъ, споя передъ нимъ и кланаясь. — Да какъ вы ошыскали-по меня?

«Какъ-же не ошыскашь спараго пріятеля!» продолжалъ монахъ. «Былъ въ рыбныхъ лавкахъ: вѣдь у насъ скоро праздникъ, шакъ опець экономя просилъ сходить за покупкой. Вдругъ слышу, что изъ Архангельска пришелъ обозъ съ рыбой? Чей? такого-то. А кто пріѣхалъ съ обозомъ? такой-то. Гдѣ остановился? Мы и указали пупъ. Вопъ я и направилъ спопы свои къ шебъ, Пименъ Никишичъ! Съ пріѣздомъ!... Да какой-же холодъ сдѣлался къ вечеру!» примолвилъ монахъ пожимаясь.

— Дозвольте-же пошогрѣшь васъ, опче свяшій! — сказалъ Пименъ Никишичъ, наливая большую кружку пива.

«Лишнее, Пименъ Никишичъ!» возразилъ монахъ, взявшись за кружку. «За здоровье прі-

взжаго!» прибавилъ онъ, и прильнулъ къ кружкѣ губами.

—Вопъ какая еще оказія! — сказалъ Пименъ Никишичъ, обратившись къ Петру Калиспрашовичу. — Вопъ сей часъ только пришло въ голову мнѣ, что отецъ-шо свяшой можешъ помочь нашему Михайлѣ. Право такъ!

« Опъ всего сердца! » проговорилъ монахъ, поспавивъ кружку. « А что эшо за Михайло, о копоромъ говорише вы? »

—Да вошъ видише. . . . поди сюда, Михайло! — продолжалъ Пименъ Никишичъ. — Вопъ-съ, онъ, отецъ Порфирій. Малый добрый, и пришелъ въ Москву учитьсѣ. Богъ вѣсть, какъ эшо пришло ему на умъ. Рыбачьему сыну, казалось-бы, и не кшаши принимаешьсѣ за книги; ну, да ужъ шеперь далеко ворочаешьсѣ въ Холмогоры. Охота пуще неволи!

« Учитьсѣ? доброе дѣло! » сказалъ монахъ. « Ты, голубчикъ, хочешъ учитьсѣ? »

—Точно такъ-съ! — робко и радостно опивчалъ Ломоносовъ.

« Хорошо, мы объ эшомъ подумаемъ. Для Пимена Никишича я готовъ постараться о тебѣ. »

Эти слова привели въ гордый воспоргъ Пимена Никишича. Онъ былъ вознесенъ до облаковъ опзывомъ монаха о своей значительной

спи, и желая въ то-же время показашъ Пепру Калиспрашовичу, что мы-дескашъ умѣемъ дѣла дѣлашъ поважнѣ вашихъ, пустился хвалишъ умъ, способности, доброту Ломоносова, о кошоромъ прежде не случилось ему и подумашъ хорошо. Онъ почишалъ его безумцемъ, или, лучше сказать, не почишалъ ничѣмъ; но пеперь подспрекнутое самолюбіе сдѣлало его жаркимъ ходашаемъ за безвѣснаго пришельца.

Монахъ, задобренный пивомъ и медомъ, и въ самомъ дѣлѣ склонный къ добру, невольно увлекся въ общаніе спарашся о помѣщеніи Ломоносова въ Заиконоспасское училище, одно изъ немногихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, находившееся въ зданіяхъ монастыря, къ кошорому принадлежалъ отецъ Порфирій.

— Вошъ что называется: шелъ да нашель! — воскликнулъ довольный Пименъ Никипитъ. — Бѣдный охъ, а за него Богъ! Кланяйся, Михайло, отцу Порфирію: онъ швой испинный благодѣтель; я, братъ, только навель его на доброе дѣло, а ужъ ему честь и хвала.

«Не грѣши, спарый знакомый!» возразилъ монахъ. «Бѣсъ гордыни есть самый злой бѣсъ: не возноси меня своимъ дѣяніемъ. Я еще не сдѣлалъ шущъ ничего, и только еще думаю помочь ему, а ты ужъ сдѣлалъ это. Надѣюсь,

что Богъ пособишь мнѣ исполнишь швою просьбу и желаніе сего юноши; но вѣдь будущее вѣдомо одному Всевышнему.

— Оно такъ, отецъ Порфирій!— сказалъ Пименъ Никишичъ, съ довольною улыбкою подливая пива въ кружку монаха. — Но намъ-ли грѣшнымъ людямъ пворишь добро? Мы и на свѣпѣ-шо живемъ вашими святыми молишвами. Чпѣ я сдѣлалъ? Кормилъ голоднаго, давалъ ему пріюпѣ, покуда могъ, и наконецъ попросилъ заступленія швоего: конечно, дорогà милоспѣня въ день скорби.... Ну, да, я не горжусь эшимъ; ей Богу, такъ!

Петръ Калиспрашовичъ морщился слушая эпо хвасповспво. Ему спрахъ какъ не правилось самохвальспво благодарѣніемъ, которое приписывалъ себѣ Пименъ Никишичъ. Ему было особенно жаль Михайлы, игравшаго при эпомъ самую спрадалѣческую роль. Бѣдный юноша, не постигая всей пустошы рѣчей Пимена Никишича, имѣлъ однакожъ сознаніе, чпо его унижающъ излишне. Лицо его выражало покорноспѣ судьбѣ; но и чувспво собспвеннаго достоинспва не шускнѣло въ свѣшлыхъ, хопя и пошупленныхъ очахъ его.

— Однако — молвилъ наконецъ Петръ Калиспрашовичъ—покуда свяпшой отецъ будетъ ходапайспвованъ о добромъ дѣлѣ, малый дол-

женъ побыть у меня. Это, кажется, дѣло рѣшеное, Пименъ Никишичъ?

«Коли тебѣ угодно, я согласенъ; а, право, радъ и самъ помогать ему, чѣмъ Богъ послалъ. Истинно шакъ, Пепръ Калиспраповичъ.

— Вѣрю и знаю, что ты говоришь правду — отвѣчалъ господскій прикащикъ. — Но, по прежнему своему слову, я возьму Михайлу съ собой.

«Да не лучше-ли ужъ завтра; Пепръ Калиспраповичъ? Я самъ и приведу его къ тебѣ, и ошдамъ съ рукъ на руки.»

— Ну, пожалуй, пусть будетъ по своему!... Однако, пора и до дому. Завтра присылай или приводи Михайлу. Доброго здоровья!»

Съ этими словами Пепръ Калиспраповичъ вспалъ, помолился образу, и, раскланявшись со всѣми, вышелъ. Монахъ шо-же поднялся, и, отвѣчая на безконечные поклоны Пимена Никишича желаніемъ ему всѣхъ благъ, подтвердилъ свое обѣщаніе, спарашься о помѣщеніи Михайлы въ Законоспасское училище. Михайло не зналъ кого и благодарить. Низкими поклонами выражалъ онъ свою признательность при каждомъ обращеніи къ нему, при каждомъ словѣ о немъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой нечаянный дождь одолженій, если не благодарній, пролился на него! Откуда, изъ какихъ благопворныхъ плучъ

лестѣль онъ? Чтò было причиной этого благопріятнаго сполкновенія добрыхъ спихій? Запроганное самолюбіе Пимена Никилича, пріятная наружность Михайлы, понравившаяся Пепру Калиспрашовичу, и нечаянный приходъ монаха. Да и гдѣ-же искашь изъясненія многихъ дѣлъ, непоспихимыхъ при первомъ взглядѣ?

Какъ-бы то ни было, но за Ломоносова вдругъ явилось приходящая: Пепръ Калиспрашовичъ, кошорый безъ всякихъ видовъ вызвался дать пріюстъ ему, Пименъ Никиличъ, не захошѣвшій, какъ говорится, опспастъ отъ другихъ, и монахъ, задобренный угощеніемъ и связанный даннымъ словомъ.

Чтò-то они сдѣлають!

А между тѣмъ наспалъ новый день, и Пименъ Никиличъ, пошатавшись въ разныхъ мѣстахъ, подѣлавши и поговоривши разныхъ дурачеспвъ, возвратился домой и велѣлъ Михайлѣ слѣдовать за собой къ Пепру Калиспрашовичу. Ему хошѣлось и сохранишь нѣсколько копѣекъ, кошорыя могъ стоить нахлѣбникъ, и погордиться еще разъ добрымъ дѣломъ. Таковы были мудрые расчепы его. Да и не шаковы-ли расчепы многихъ мудрецовъ?...

Съ невольною робостью и неохотой вспушил Михайло за своимъ жожаемъ въ огромный господскій домъ, гдѣ жилъ Пепръ Кали-

спрашовичъ. Домъ эшотъ состоялъ изъ главнаго каменнаго корпуса, съ узкими окнами, желѣзными ставнями, и приспроеннымъ деревяннымъ крыльцомъ, да изъ нѣсколькихъ ошдѣльныхъ, неправильно разбросанныхъ по двору, то-же каменныхъ зданій, какія и нынѣ еще есть въ нѣкошорыхъ спаринныхъ Московскихъ домахъ. По двору бродило множесшво слугъ, разнаго возраста и вида. Изъ нихъ, ине были въ лохмошьяхъ, испачканы, гадки, другіе одѣшны чутелами, въ неловкихъ кафшанахъ, съ галунами, и знакомъ приближенности къ своему барину, то есть съ какою-то изысканностию, чопорностию въ нарядѣ.

Петръ Калиспрашовичъ жилъ въ одномъ изъ небольшихъ спроеній, и комнаша его была родъ подвала, перегороженнаго на двое. Когда пришли къ нему жданные госпи, онъ сидѣлъ за бумагами, углубленный въ расчешы о привезенномъ господскомъ *добрт*. Подлѣ дверей сполла шолпа мужиковъ, съ глупымъ подобоспращіемъ ожидавшая его изрѣченій. Онъ пригласилъ Пимена Никишича садиться, и вскорѣ опспусшивъ мужиковъ, началъ разговоръ.

—А ко мнѣ вдругъ пожаловалъ въ ночь господинъ; кашипъ изъ Пипера, и привезъ съ собою дворовую челядь; надо всѣхъ ублаготворить, угоспипъ. . . . Я-же люблю чшобъ все было въ спрунку выпшнуто! Голова не вернешся! А къ

тому, она пуска и опъ пвоего вчерашняго угощенія, Пимень Никипитъ !

«Такъ по пословицѣ: мы къ тебѣ не въ пору гости, хуже Тапарина!» подхвашилъ нашъ орапоръ.

— Чтò ты, пріятель! я всегда радъ тебѣ. Да, не взыщи: теперь занимаешься-шо недосугъ. Ужъ я, вошъ, поощдѣлаюсь, шакъ самъ приду къ тебѣ съ зовомъ на вечернюю бесѣду.

Еще было обмѣнено нѣсколько такихъ-же сухихъ фразъ, и Пимень Никипитъ увидѣлъ, что ждашь ему нечего. Онъ указалъ на Ломоносова и произнесъ поржесшвенно :

— А вошъ тебѣ и еще хлопоты, Пепръ Калиспрашовичъ! Люби да жалуй! Самъ, братъ, вызвался.

«Позабочусь, Пимень Никипитъ!» отвѣчалъ потъ наморщившись. «Поди, братъ, Михайло, пока въ кухню.

Съ поклономъ вышелъ Михайло изъ комнапы Пешра Калиспрашовича и началъ бродить по двору. Грустно было на душѣ его. Онъ видѣлъ, что новый благодѣтель шакъ-же мало радъ ему, какъ и прежній. Дипя! Пивной воспоргъ и пустое щекошанье грубаго сердца почелъ онъ радушіемъ и доброшой души! Слова, которыя сосшавляютъ ходячую монету ежедневныхъ разговоровъ, принялъ онъ за драгоцѣнную сущесшвенность! Жди опять спеченія стасшпливыхъ

обстоятельствъ , и меньше надѣйся на людей , а между тѣмъ испытывай ихъ беспыдную наглость. Въ самомъ дѣлѣ, толпа слугъ окружила его, и начала спрашивать, кто онъ, откуда, зачѣмъ, кто его привелъ въ домъ, надолго-ли?..

Онъ былъ готовъ бѣжать изъ этого дому, проживши въ немъ одинъ день. Пётръ Калисраповичъ едва успѣлъ сказать ему, чтобы онъ ходилъ обѣдать и ужинать со слугами Но куда-же опять приспашъ самовольному изгнаннику? . . .

Нѣсколько дней прошли для него въ самомъ печальномъ бездѣйствіи.

Г л а в а ІІІ.

Высоко-прекрасна жизнь челоѣка, посвятившаго себя единому служенію Богу! Оздѣленный опъ міра, и не сполько оградю пихой обипели, сколько разрывомъ со всѣмъ, увлекающимъ слабую чувспвенность нашу въ море заботъ и мученій свѣта, жипель монаспыря есть на землѣ образъ того спокойствія, кошорое ждепъ насъ за дверями здѣшней жизни. Эпо мерпвецъ шѣломъ : спѣны монаспыря могила его брennaго соспава. Но при венарушимомъ спокойспвіи внѣшней жизни, онъ обладаетъ всею дѣяспельноспію, всѣми сокровищами жизни духовной. Только сбросивъ ломкія вериги жизненныхъ опношеній начинаепъ челоѣкъ жипъ духомъ, соединяпъся съ Богомъ, жипъ въ Богѣ. Тогда онъ подобенъ тонкому вещеспву, разлипому въ видѣ невидимаго эспира, и проникающему всю вселенную. Переставая жипъ въ мірѣ, онъ живепъ во вселенной ;

оканчивая жизнь личную, онъ существуесть въ жизни всеобщей; онъ тогда идетъ прямо къ своему назначенію. Жизнь монашеская естъ одна изъ самыхъ высокихъ идей, проявившихся когда либо въ нашемъ мірѣ.

Но не такъ смотрѣли на нее двое собсѣдниковъ, въ теплой кельѣ Законоспасскаго монастыря, разсуждавшіе о сущѣ всего подлуннаго.

— Нѣтъ, брашъ, Пименъ Никипитъ, ты не знаешь нашего жипья-быпья, и попому такъ похваливаешь его. Заперъ-бы я тебя на вѣкъ въ эту келью, такъ вспомнилъ-бы ты о привольной жизни.

«Да позволше-же, опецъ Порфирій, доложипъ вамъ, что наша, какъ вы изволите называшъ, привольная жизнь, мученье безконечное! И праведная душа не спасеня въ эпомъ шреволненномъ помыканіи.»

— Полно, брашъ! Да ужъ хопъ Славянскимъ-то языкомъ не говори! Скажи проспо, по-Русски: вѣдь не промѣнялся-бы со мной? А?

«Да гдѣ-же мнѣ, грѣшному человѣку, налагашъ на себя шакое бремя неудобоносимое!

— То-то, брашъ! Вспомнилъ-бы и жену и дѣшей. Чтѣ вѣдь, чай, у тебя ужъ дочка-то на возрастѣ? Не-бось, скоро и за-мужъ спашешь снаряжашъ?

Тутъ монахъ, сидѣвшій облокопясь на столъ обѣими руками и закрывъ лицо, началъ пропирать глаза и расправлялъ мускулы.

Пименъ Никипитъ, не измѣняя своего важнаго вида, отвѣчалъ:

— Да, отецъ Порфирій, ужъ ей около двухъ десяшковъ. Да человѣкъ-то я, видите, не богатый. Бога не гнѣвлю: насущный хлѣбъ есть; да вѣдь нынче этого мало. Вошь моя Анюшка и сидитъ дома.

«Да, да!» подхвалилъ монахъ съ живосью. «Анюша! да, Анюша! Чтò, вѣдь она, чай, въ мапушку, такая-же красавица?»

— Гдѣ нашимъ дочерямъ бытъ красавицами — скромно промолвилъ Пименъ Никипитъ.

«Полно, братъ, скромничай-шо! Я вѣдь самъ не вѣкъ былъ монахомъ. Глаза-то глядѣли съ малыхъ лѣтъ. Помню еще свою супругу дѣвушкой; нечего сказать: лебедь была! Вѣдь я и самъ былъ хватъ! Бывало, надѣнешь синій кафтанъ, да подпояшешься краснымъ кушакомъ, да и пойдешь по городу. . . . Ну, да шеперь, братъ, все прошло.

— Житіе ваше, отецъ Порфирій, истинно сказать, то есть по числой совѣсти, ей Богу не лгу. . . . то есть. . . .

«Нѣтъ, братъ, я ужъ привыкъ къ нему; успарѣлъ, одрахлѣлъ до поры до времени; а ны-бы

конечно убѣжалъ опсюда, какъ воптъ эптотъ малый изъ Холмогоръ.... однако, что эпто нашъ Семенъ не ведешъ его? Я ужъ давно послалъ.

—Я, шо есптъ, могу сказать, и не могу объяснить вамъ, опецъ Порфирій. ...

«Кшо шамъ?» громко сказалъ монахъ, услышавъ шорохъ около дверей.

— Я-сца! — опвѣчалъ грубый голосъ. Кто-то опворилъ немного дверь, и просунулъ голову. И что эпто была за голова! Нечесаная, со включенною бородою, съ свинными глазами.... она принадлежала монастырскому служкѣ, Семену.

«Что-же? привелъ ты его?» спросилъ монахъ.

— А привелъ-сца! — опвѣчалъ служка, не перемѣняя положенія.

«Такъ веди его сюда.»

— Да ужъ онъ здѣсь-сца. Куда-же еще веспи?

«Экой безшолковый!» сказалъ монахъ. «Введи его сюда, ко мнѣ.»

— Сюда-сца? къ тебѣ? Хорошо.

Дверь медленно заскрипѣла, и Семенъ растворилъ ее такъ, что она спукнула въ ближнюю спѣну. За нею открылся Михайло. «Войди сюда, голубчикъ,» сказалъ опецъ Порфирій, съ смиренно-ласковымъ видомъ обратившись къ Ломоносову. Тотъ вошелъ и поклонился ему.

«Ну, вотъ видишь-ли,» примолвилъ монахъ :
«я говорилъ о тебѣ Рексору. Онъ такъ мило-
спивъ, что согласенъ принять тебя и помѣ-
стить въ училище.»

Слезы радости сверкнули въ глазахъ изум-
леннаго своимъ счастьемъ Михайлы. Въ недо-
умѣніи, въ восторгѣ, не зная что дѣлать, онъ
бросился къ ошцу Порфирію, спалъ передъ нимъ
на колѣни, и хрипѣлъ цѣловать его руку.

«Не надо, не надо !» сказалъ монахъ. «Благо-
дари Бога, и молись за великую Государыню. Мы,
грѣшные люди, только милостію Бога и Ца-
рицы можемъ помогать алчущимъ и жаждущимъ.
Рексоръ велѣлъ представить тебя къ себѣ
сегодня вечеромъ, и попому-то я послалъ за
тобой. Нечего время шеряшь : пойдемъ. Уже
скоро къ вечерней прापезѣ будущъ звонить.
Поблагодари Пимена Никишича, молодой че-
ловѣкъ : онъ былъ первымъ за тебя ходатаемъ
и навелъ меня на доброе дѣло.»

Восхищенный юноша не могъ ничего выго-
ворить. Онъ бормошалъ несвязныя слова, обра-
щаясь къ Пимену Никишичу. Этотъ человѣкъ,
при всей грубости чувствъ своихъ, при всемъ
превращенномъ понятіи о сдѣланномъ имъ доб-
рѣ, распрогася, можетъ быть первый разъ въ
жизнь свою, ибо чувство добра всегда возвы-
шаетъ человѣка, равня даже дикаго сына при-
роды съ образованнымъ гражданиномъ новыхъ

обществѣ. Сказавъ нѣсколько обыкновенныхъ своихъ наставленій, копоры почиталъ онъ нужными для Ломоносова, Пименъ Никипитъ началъ подвигаться къ дверямъ, безпрестанно кланяясь ошцу Порфирію, и наконецъ вышелъ.

Монахъ повелъ Ломоносова черезъ монастырскій дворъ, въ комнаты Ректора. Вспунивши въ нихъ, онъ оставилъ молодаго человека въ передней комнатѣ, а самъ пошелъ доложить о немъ.

Михайло былъ въ неизъяснимомъ восторгѣ, котораго даже не лзя называть радостью: это было какое-то безотчетное, превожное состояніе духа, когда человекъ не знаетъ, что именно ждетъ его, но чувствуетъ, что въ немного минутъ должна рѣшиться судьба его, и рѣшиться къ лучшему. Онъ не замѣчалъ окружающихъ его предметовъ, не имѣлъ никакого понятія объ училищѣ, о Ректорѣ, и радовался только мыслию, что наконецъ онъ близко желанной мѣпы своихъ давнихъ, непрерывныхъ помышленій.

Скорыми шагами возвратился отецъ Порфирій, и далъ ему знакъ слѣдовать за собой.

Прошедши еще одну комнату, они были передъ лицомъ Ректора. Почтенный видомъ, пожилой человекъ сидѣлъ на софѣ, передъ раскрытую книгу, копорую, по видимому, читалъ

онъ не за-долго. Поглядѣвъ съ минушу на Ломоносова, онъ началъ говоришь :

«Ты пришелъ сюда учишься, какъ мнѣ сказывалъ отецъ Порфирій. Намѣреніе доброе, и я гошовъ помочь тебѣ выполнишь его. Но, напередъ должно знашь, изъ какого ты званія?

— Я крестьянинъ. . . .

«Ну, вошь первое препяшствіе!» сказалъ Рекшоръ, обратившись къ опцу Порфирію.

— Да, эшо правда. . . . ошвѣчалъ шопъ.

«Скажи-же, пожалуйста, какъ эшо пришла тебѣ мысль приняишь за ученье? Кшо внушилъ тебѣ охоту къ книгамъ?

—Эшого я и сказаиъ не умѣю—ошвѣчалъ Михайло.—Съ малыхъ лѣтъ выучился я церковной грамотѣ; перечисалъ всѣ книги, какія были у нашихъ духовныхъ; искалъ и спарался добыиъ новыхъ, да нашелъ только Славянскую Грамашуку и Ариемешуку; выучилъ и шѣ наизуспъ; да мнѣ еще хотѣлось знашь. . . .

Тутъ онъ ошановился.

«Ну, что-же?» спросилъ Рекшоръ.

Юноша не могъ продолжати далѣе: глаза его наполнились слезами, онъ задыхался ошъ удерживаемыхъ рыданій.

«Что съ тобой сдѣлалось?» спросилъ снова Рекшоръ.

д*

Оправившись нѣсколько, Михайло продолжалъ: — Я рѣшился бѣжать опѣ опца. . . . но, право, я ужъ много разѣ послѣ видѣлъ самѣ, что сдѣлалъ не хорошо. . . . Можешъ бышъ и Ваше Высокопреподобіе спанеша гнѣвашся на меня . . . и попому я рѣшился прежде всего сказать вамѣ обѣ эпомѣ. Накажише меня, но не опсылайше назадѣ, и позволѣше учѣшся здѣсь.

Рекпоръ не измѣнялъ своего важнаго вида; но опытный мужъ эпомѣ понялъ, изъ немногихъ словъ, и доброе сердце, добрыя правила бѣглеца, и жаркое спремленіе его къ наукѣ. Къ пому-же, ошкрышый, пріятный видѣ, и умныя глаза молодого человѣка понравились ему. Онѣ рѣшился прѣнять его непременно, и хотѣлъ только не дашъ вида одобренія пому, чего въ самомѣ дѣлѣ не лѣзя было похвалишъ.

«Послушай, молодой человѣкъ: не было-ли другой какой нибудь причины, которая заставляла шебя уйдши изъ опеческаго дома? Не сдѣлалъ-ли ты какой нибудь шалости?»

—Ей Богу, нѣшъ, Ваше Высокопреподобіе! — опвѣчалъ просподушно Ломоносовѣ, и спрахъ лишишся благорасположенія Ректора развѣзалъ ему языкѣ. — Если было что нибудь еще, шакѣ эшо моя матиша, которая била меня за то, что я чѣшалъ книги, навѣдила опца на разныя спрогосши, и хотѣла чтобы я женился; а я умерѣ-бы опѣ эшого. Мнѣ всегда хотѣлось

знашь и вѣдашь то , что вижу. Да у насъ-же такая сторона , что чудеса на всякомъ шагу: и море, и зимы, безъ солнца а свѣшлыя, и лѣса непроходимые ; а въ лѣсахъ сколько дивнаго!... Человѣкъ не звѣрь , который живетъ только для того, чтобы пропитать себя. Ему надобно знашь , что для чего создано.... А гдѣ я могъ научиться всему этому и узнать многое другое? ... Судите меня сами....

«Ну , а если-бы я велѣлъ тебѣ воротиться домой? ...»

— Ваше Высокопреподобіе ! неужели вы сдѣлаете это? А если сдѣлаете , такъ я убѣгу въ другой разъ , и въ Холмогорахъ не останусь. Особливо теперь , мнѣ шамъ и жишья не будетъ.

« Но ты видишь , что мнѣ прудво принять тебя въ наше училище : во-первыхъ потому, что ты бѣглець , а во-вторыхъ потому, что у насъ не принимающъ въ ученіе крестьянскихъ дѣтей.

Ломоносовъ задумался. Не обращаясь ни къ кому , онъ произнесъ какъ будто невольно : — Такъ неужели потому , что я родился крестьянскимъ сыномъ , мнѣ уже не лзя и учиться ?

« Да , почти такъ ! » примолвилъ Ректоръ. « Однакожъ я возьму тебя на свою ошвѣщшвен-

нось, если ты будешь уменъ, добрѣ, послушливъ. Въ тебѣ видна излишняя горячка, молодой человѣкъ! А ты будешь подчиненъ людямъ, которые выше всего почищаютъ смиреніе.

— Я буду повиноваться всякому; только позвольте мнѣ учиться, Ваше Высокопреподобіе.

«Ну, скажи-же мнѣ: ты знаешь церковную грамоту?»

— Знаю и гражданскую.

«И гражданскую? А что еще знаешь ты?»

— Службу церковную, уставы церковные; знаю еще Ариемешнику Магницкаго.

«О, бращецъ, да ты преученый человѣкъ!» сказалъ Рекшоръ улыбувшись. «Однакожь у насъ не вѣряшъ сказанному; надо доказашъ слова свои на дѣлѣ. Ты долженъ выдержишъ экзаменъ.

— Не знаю о чемъ вы говорише; но я готовъ на все.

«Опецъ Порфирій!» сказалъ Рекшоръ обращаясь къ монаху: «ты можешь самъ сдѣлать это: проэкзаменуй его, и потомъ передай Медосшу Ипполишовичу.

Смираннымъ поклономъ отвѣчалъ монахъ. А Ломоносовъ? Онъ не зналъ, къ Богу-ли обращаться съ первымъ благодареніемъ, или къ по-

кровишельному Рекшору. Онъ не умѣлъ выразишь воспорага своего ни словами, ни движеніями; но если Рекшоръ умѣлъ чиниашъ языкъ души, выражаемый лицомъ, то конечно благодарность Ломоносова показалась ему краснорѣчивѣе всѣхъ благодарственныхъ рѣчей, чинанныхъ имъ на Лапинскомъ языкѣ схоластиковъ.

На другой день, упромъ, ошець Порѣирій явился къ Рекшору, Герману Концевичу, и послѣ обычного привѣтствія сказалъ:

—Почитаю долгомъ извѣстишь Ваше Высокопреподобіе, что мальчикъ, мною представленный, оказался оплично-хорошимъ чтецомъ, и во всѣхъ опвѣпахъ своихъ показалъ смѣшливоспъ большую. Ариѣмепику Магницкаго знаетъ онъ наизуспъ; Граммапику Смошрицкаго шо-же.

«Право?» съ довольнымъ видомъ произнесъ Концевичъ. «Спало бытъ видъ его не обмануль меня. Да опъ чего-же онъ знаетъ и Граммашику и Ариѣмепику наизуспъ?»

—Онъ говоришь, что эшо были у него единыя книги. Онъ все чиниалъ ихъ, до шого что наконецъ знаетъ наизуспъ.

«Чудное дѣло!... Надобно-же пристроишь его. Не знаю шолько какъ? . . . Поговорю съ Пре-

фекшомъ. А между пѣмъ пусть онъ ходишь въ Лашинскій классъ къ Медосшу Ипполиповичу.

— А куда-же прикажете помѣстить его? по есть въ какое ошдѣленіе?

«Вопъ, эшо опяшь вопрошь. Въ малолѣтныи, спранно, а съ большими, будешъ обидно пѣмъ: вѣдь онъ еще ничего не знаешъ. Пусть однако живешъ съ малолѣтними.

— Онъ скоро догонишь большихъ!

«Видно, что ты заступникъ за него, брашь Порфирій.

— Не опъ шого слова мои. Вижу, что эшо молодой орелъ, Богъ знаешъ какъ вскормленный между сѣверскими воронами; надобно только дашь ему расправишь крылья.

«У шебя всегда охота къ фигурѣ сравненія! Дай-же и мнѣ сказашь, что орлу надобно высокое лешаніе, а Богъ вѣсть куда полешить эшопъ орелъ, когда подрастунъ у него крылья. Намъ не орлы надобны, а домашнія пшцы. Онѣ полезнѣ. Надобенъ и присмотръ за нимъ.

— Я беру эшо на себя — сказалъ опецъ Порфирій. — Богъ не далъ мнѣ бытъ великимъ ученымъ, но за шо далъ охоту къ добру. Я беру на себя присмотръ за Ломоносовымъ.

«Благословляю на доброе дѣло!» сказалъ Ректоръ.

И такъ пламенный сынъ рыбака уже въ училищѣ! Какое спеченіе обстоятельствъ благоприятныхъ было необходимо, чтобы онъ достигъ эшого! И кто не согласился, что одна увѣренность и, можно сказать, легкомысленная надежда, будто люди поймутъ его, примутъ его, была душевною звѣздою его въ эшомъ трудный періодъ жизни? Онъ ошибся. Люди не понимали его, какъ обыкновенно не понимаютъ они не бывалаго; однакожь онъ воспоржесествовалъ надъ препяшствіями. Приписывайте эшо случаю! Но берегитесь, безъ сильной воли, безъ увѣренности генія, пускайтесь въ опасный путь. Вы замерзнете на дорогѣ изъ Холмогоръ, васъ не примутъ продавцы рыбы, вы не найдете спутниковъ въ Москвѣ, вы не заславише справокъ человѣческихъ поссориться и сдѣлать вамъ добро невольно. Всѣ эши успѣхи принадлежатъ генію: только онъ преодолеваетъ все. А мы дивимся, откуда успѣхъ эшому человѣку!

Ломоносовъ былъ радъ еще и тому, что избавился отъ окружавшихъ его *неутей*, потому что, какъ онъ полагалъ, въ спѣнахъ училища обитаютъ одни ученые мудрецы. Посмотримъ, какъ они примутъ его. Между шѣмъ началось ученье.

Законоспасская Академія, куда поступилъ Ломоносовъ, доспомята для насъ, какъ

первое мѣсто его образованія , какъ первый пріютъ , гдѣ началъ развиваться мощный его геній.

Только въ проспорѣчїи называлась она *Законоспасскою* , оуѣ мѣстоположенія Спасскаго монастыря , въ кошоромъ помѣщалась , *за иконными лавками* , существующими и донинѣ . Ее называли даже , въ помятѣ числѣ самъ Ломоносовъ , *Спасскими школами* , попому , можетъ бытъ , чшо иногда бывала тушъ не одна школа . Но когда онъ поступилъ въ нее , она уже именовалась *Московскою Славяно-Греко-Латинскою Академіею* . Вопшъ какъ возникла она .

При Царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ , брашѣ Великаго Пепра , безсмертномъ уничтожилелѣ мѣстничества и драгоцѣнномъ своею любовію къ просвѣщенію , пришелъ въ Москву изъ Іерусалима Іеромонахъ Тимоѣей . Онъ былъ природный Рускій , но живши много лѣтъ въ Палестинѣ , хорошо изучилъ Греческій языкъ . Царь пожелалъ видѣтъ пришельца , услышалъ оуѣ него , въ какомъ бѣдспвенномъ соспоаніи находится просвѣщеніе Греческихъ Хрисіанъ , и великодушно рѣшился помочь своимъ Хрисіанскимъ брашьямъ , чшобы хошъ нѣсколько вознаградишъ для попомковъ благодаріе предковъ , освѣтившихъ Россію ученіемъ истиннаго Бога . Тому-же Іеромонаху Тимоѣею повелѣлъ онъ учредишъ Греческую школу , и при содѣй-

свѣи Пашпріарха Іоакима школа учредилась около 1680 года, въ шипографскихъ зданіяхъ. Число учащихся въ ней проспиралось до 40 мальчиковъ всякаго званія. Тошъ-же Іеромонахъ былъ ихъ Ректоромъ, а Греческому языку обучалъ Грекъ Мануилъ и послѣ него Греческій монахъ Іоакимъ. Царь и Пашпріархъ обращали особенное вниманіе на свою небольшую школу, и почти каждую недѣлю сами осматривали ее, входили во всѣ подробносши и награждали учащихся и учащихся. Царь хотѣлъ распрощранить ее по обширному плану и заготовилъ для этого великолѣпную грамаху, гдѣ видна вся благолюбивая душа его. Въ то-же время онъ писалъ къ Вселенскимъ Пашпріархамъ о своемъ намѣреніи, и просилъ ихъ прислать, для замышляемой имъ Академіи, искусныхъ въ Греческомъ и Лашинскомъ языкахъ мужей. Но вскорѣ онъ скончался; настали политическіе перевороты, Спрѣлецкій бунтъ, разныя неуспройсшва, и намѣреніе Θεодора оставалось безъ исполненія. Между шѣмъ, Вселенскіе Пашпріархи прислали двухъ избранныхъ ими мужей, незабвенныхъ въ Исторіи образованія Россіи: это были два брата, Греки, Іоанникій и Софроній Лихуды. Цари Іоаннъ и Пешръ Алексѣевичи приняли ихъ благосклонно, и повелѣли имъ взять изъ Греческой школы нѣсколько спаршихъ учениковъ, копорые и были помѣ-

щены въ особенной школѣ, при Богоявленскомъ монастырѣ. Черезъ два года опданы имъ въ обученіе и всѣ оспальные, для поспешеннаго преподаванія разныхъ наукъ на Лашинскомъ и Греческомъ языкахъ. Школа увеличилась пріемомъ 40 человекъ боярскихъ дѣшей, и кромѣ того нѣсколькихъ разночинцевъ. Лихуды пользовались уваженіемъ всѣхъ, понимавшихъ важность труда. Въ 1685 году Іеродіаконъ Мелепій завѣщадъ имъ 2000 рублей, на поспроеніе Академіи. Она была поспроена въ Законоспасскомъ монастырѣ, куда и переселились Лихуды со всѣми своими учениками. Это было самое цвѣтущее состояніе Академіи при Лихудахъ. Около 1690 года, на нихъ возспавили спрашное гоненіе Спроишель Законоспасскаго монастыря Сильвеспръ Медвѣдевъ и Бояринъ Шекловишій; зло и клевета просперлись до того, что несчастные брашья были сосланы въ Коспромской Ипашевскій монастырь. Такимъ образомъ судьба ихъ ошдѣлилась ошъ судьбы знамениаго ихъ училища, изъ котораго уже начинали выходить ученые молодые люди. Двое изъ эшихъ, Николай Семеновъ и Ѳедоръ Поликарповъ сдѣлались преемниками Лихудовъ въ учительствѣ, и пяшь лѣтъ были почти единспвенными преподавателями всѣхъ наукъ въ Академіи. Ѳедоръ Поликарповъ, извѣстный и въ Липшерапурѣ, еще извѣстнѣе въ

пнпографскомъ искусствѣ: онъ былъ справщикомъ и наконецъ Директоромъ Типографіи Духовной, въ которую перешелъ изъ Академіи. Премниками его и Семенова были опять ученики Лихудовъ: Іовъ, Чудовскій монахъ, и попомъ Палладій Роговской. Наконецъ Пешръ Великій повелѣлъ преподавать въ Законоспасской Академіи полный курсъ наукъ на Лашинскомъ языкѣ, и вслѣдствіе этого Спешанъ Яворскій, правившій тогда нашіаршимъ пресполомъ, вызвалъ новыхъ учителей изъ Кіевской Академіи. Они совершенно преобразовали ученіе и ввели преподаваніе схоластическое, внесенное въ Кіевъ во время Польскаго владычества.

Лихуды, послѣ многихъ испытаній судьбы, находились тогда опять въ Москвѣ, и обучали Греческому языку на Казанскомъ подворьѣ. Но въ 1717 году Іоанникій Лихудъ умеръ, а братъ его Софроній былъ произведенъ Архимандритомъ въ Рязанскій Солопчинъ монастырь. Новая Греческая школа ихъ существовала до 1724 года, когда повелѣно было соединить ее съ Академіею. Послѣднимъ учителемъ Греческаго языка въ ней былъ Грекъ Леонасій Скіада; въ Законоспасской Академіи должность эту занялъ ученикъ Лихудовъ, Алексій Барсовъ.

Вошъ изъ какихъ элементовъ составилось училище, въ которомъ помѣстился наконецъ

Ломоносовъ! Надобно сказать, что оно было тогда не совершенно церковное или духовное училище: въ него принимали и дворянъ. Помощу-то, когда Ректоръ согласился принять къ себѣ Ломоносова, онъ записалъ его дворяниномъ, и только не велѣлъ ему говорить объ этомъ съ товарищами.

Глава IV.

Но чему и какъ учили тогда въ Законо-спасской Академіи? . . . И теперь любопытно заглянуть въ тѣ школы, гдѣ еще не оставлена привычка къ спарому; любопытно, пошому что это противоположно съ нашими понятіями, какъ прошедшее съ настоящимъ, какъ жизнь и смерть.

Ломоносова учили весьма просто, или весьма мудрено, какъ будемъ глядѣть на это. Просто пошому, что такъ учили всѣхъ, мудрено пошому, что кто хочешь извлечь изъ такого ученія сколько нибудь пользы, шому надобно употреблять всѣ силы ума.

Ломоносову было около семнадцати лѣтъ, когда посадили его за Лапшинскую азбуку. Тверди, будущій геній, дивные знаки и звуки! Учителемъ его былъ на первый случай добрый Іеромонахъ Медосѣъ Ипполиповичъ. Онъ никакъ не могъ понять, что черезъ нѣсколько дней полудикій Михайло зналъ азбуку и про-

чишывалъ слова не хуже его.» Тверди, мой другъ, шверди!» говорилъ добрый монахъ.

— Да ужъ я знаю все это — отвѣчалъ Михайло.

« Тверди. »

— Дайше мнѣ что нибудь новое швердишь.

« Тверди спарое: Repetitio est mater studiorum. Понялъ-ли ты что сказалъ я?

— Нѣтъ-съ.

« Повтореніе матеръ ученія (шакъ перевелъ Лапинскую фразу Медоспъ Ипполишовичъ).

И Ломоносовъ швердилъ, шо еспъ повпюралъ шо что зналъ уже очень хорошо. Лѣнь другихъ радовалась шакому повторенію, а онъ досадовалъ, шо на училея, шо на себя, попому что приписывалъ своей шупоспи немилосердые школьные обычаи. Еще больше приводили его въ недоумѣніе шоварищи своими насмѣшками. Правда, они были ему шоварищи не по лѣпамъ, однакожъ онъ думалъ, что и въ мальчишкахъ найдешъ радушныхъ совѣтниковъ и сопрудниковъ. Онъ обращался иногда къ нимъ съ вопросами о зашрудненіяхъ своихъ въ азбукѣ, но вмѣсто отвѣта слышалъ одинъ язвительный смѣхъ. Опскакивая опъ него, они кричали съ хохоломъ: «Экой болванъ! лѣпшъ въ двадцать пришелъ учиться Лапины! Мужикъ съ азбучкой возишся!»

Досада и грусть сжимали его сердце. Нѣсколько разъ случалось, что выведенный изъ перпѣнія шалунами-поварищами, онъ кидался бить ихъ; но шолпа разлещалась дождемъ, и еще больше горькія насмѣшки осыпали его. «У, у! И, и!» кричали ему со всѣхъ споронъ и передразнивали его шѣлдвиженіями. Ломоносовъ увидѣлъ, какъ глупо было положеніе его, и далъ себѣ неизмѣнное слово не обращать вниманія на шолпу оборванныхъ, ошипанныхъ шалуновъ, вооруженныхъ шолко дерзоспью и шумною веселоспью. Наружное безспраспие къ нимъ сдѣлалось щипомъ его. Мальчики не уни-мались, но уже не шакъ охошно преслѣдовали его, пошому что и въ эпомъ возрастѣ любящъ опличащъя шрудными подвигами, а легкое, доступное для всѣхъ, дѣлается пошлымъ, скучнымъ, ничпожнымъ.

Хошите-ли видѣть живое изображеніе пова-рищей Ломоносова? Подише когда нибудь, ча-су въ первомъ по полудни, мимоскаго училища: въ эшо время высыпаешъ изъ него шолпа мальчиковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, шаловливыхъ. Они шумящъ, прыгающъ, бѣсну-ющъя, увивающъя около плуша-разнощика, бра-нящъя другъ съ другомъ.... вы подумаете, эшо цѣлый народъ маленькихъ сумасшедшихъ. Но шаковъ всегда и вездѣ *мальгишекъ радостный народъ*. Можешъ-ли занимащъ ихъ ученье, когда

не занимаешь ни что въ мірѣ? Они веселы, какъ пшички, они не знаютъ для чего учатъ ихъ, и зная только, что это пляжкая необходимостъ, рады, рады когда избавляются отъ нея хоть на время. Не разъ приходило мнѣ на мысль, глядя на эту оборванную полпу школьниковъ. . . . скаго училища, что шакъ-то нашъ Ломоносовъ началъ свое огромное поприще! Правда, онъ былъ головою повыше ихъ, а эпи всѣ шакъ ровны! Однако, кто знаетъ, что и въ этой запачканной полпѣ не кроется какой нибудь геній? Можешь бышь!

Ломоносовъ вооружался перпѣніемъ прошивъ насмѣшекъ не равныхъ ему товарищей. Онъ прилежно корпѣлъ надъ азбукою, надъ шешрадками, и черезъ полгода, на экзаменѣ, удивилъ самого Ипполиповича своимъ знаніемъ. Онъ объяснялъ ему такіе предметы, кошорые, казалось, и не входили въ кругъ азбуки. Онъ касался даже вопросовъ граммашическихкихъ, когда дѣло шло о складахъ; онъ объяснялъ смыслъ, когда дѣло шло о звукахъ; онъ зналъ наизуспъ всѣ правила, и распроспранилъ ихъ далеко въ обласпъ граммашическую. Такой необыкновенный успѣхъ обрадовалъ почтенныхъ учипелей его, и они единогласно рѣшили, что Ломоносовъ переводился въ *Грамматическій* классъ. Самъ Рекшоръ изъяснилъ ему свое удовольствіе и пору-

чилъ его особенному вниманію новаго учишеля, Іеромонаха Германа Канашевича.

Одною изъ главныхъ выгодъ этой побѣды для Ломоносова было усмиреніе его шоварищей: большая часпъ ихъ, промучившись цѣлый годъ, ошались въ классѣ азбучномъ; переведенные вмѣстѣ съ нимъ не оказали шакихъ большихъ успѣховъ, хошя пригошовлялись къ нимъ годами. Вниманіе Рекпора и похвалы учишелей были шакке великимъ дѣломъ для насмѣшниковъ, увидѣвшихъ слабоспъ свою передъ пріѣзжимъ мужикомъ. Его перевели въ другое жилье, и хошя онъ все еще былъ спаршій по лѣшамъ, но за шо спалъ извѣспень и какъ спаршій по успѣхамъ.

Граммашическій классъ сдѣлался новымъ мученьемъ для неперпѣливаго Ломоносова. Онъ въ немного времени узналъ склоненія, спряженія и свойспва другихъ часпей рѣчи. Умъ его хошѣлъ перенесшисъ дальше, но спрогій Канашевичъ удерживалъ неперпѣливца. «Не глупѣе шебя были великіе наспавники юношеспва,» сказалъ онъ ему однажды, когда Ломоносовъ упрашивалъ его изъясняшъ что нибудъ дальше Эпимологіи. «Они опредѣлили, и опышноспъ многихъ лѣщъ пріучила всѣхъ, занимашся Эпимологією цѣлый годъ. Какъ-же хочешъ шы перепрыгнушъ за предѣлы вѣковой мудросши? Удержисъ, юноша!»

Что-жъ сдѣлалъ Ломоносовъ? Не оставляя Этимологию, онъ началъ самъ изучать Синтаксисъ. Канашевичъ и не догадывался объ эпомѣ, когда на экзаменѣ въ 1731 году, Ломоносовъ, превосходно опвѣчая на всѣ вопросы изъ Этимологии, сказалъ, что онъ знаетъ также и Синтаксисъ.

«Синтаксисъ?» вскричали экзаменаторы въ одинъ голосъ. «Но ты не учился ему.»

— То есть меня не учили ему, хоть я и просилъ объ эпомѣ; но я учился самъ, и знаю уже....

Ректоръ, Софроній Мегалевичъ, не долго поступившій на мѣсто Копцевича, оспановилъ его мановеніемъ руки, и съ сердцемъ сказалъ Канашевичу, что онъ не смориптъ за своими учениками, что они учатъ не по чего перебу-ющъ опъ нихъ, и *слѣдовательно* не знаютъ того, что нужно.

Канашевичъ осмѣлился замѣпишь, что Ломоносовъ оказался первымъ и въ Этимологическомъ классѣ.

«Знаю, и за успѣхи переведушь его въ Синтаксическій классъ, а за гордыню, за неперпѣливоспъ и непослушаніе, я, какъ правилель училища, приказываю посадипъ Михайлу Ломоносова *въ темную*, на двои супки. Скромность и смиреніе первыя добродѣтели для юноши.»

Ломоносовъ дивился, почему-же его сажашъ въ темную за самое проспишительное нарушеніе правилъ училища, за *излишніе успѣхи*, а многихъ шоварищѣй его осажавляющъ въ покоѣ, когда они не оказывающъ ни какихъ успѣховъ, и припомъ дѣлающъ порядочныя шалости? Юноша еще не зналъ различія между *обыкновеннымъ*, *слѣдовательно* необходимымъ, или по крайней мѣрѣ проспишительнымъ, и *необыкновеннымъ*, *слѣдовательно* нарушающимъ правила, принятыя всѣми. Покровишеля, защитника его, опца Порфирія, уже не было въ монастырѣ, и онъ оставался безъ всякихъ дружескихъ совѣшовъ. Ломоносовъ сдѣлался оспорожнѣе, и когда перевели его въ Синшакшическій классъ (это было въ 1734 году), спашъ умѣряшъ свою пылкость и ограничивашъ шолько шѣмъ, что засажавляли его выучивашъ. Правда, Грамматишка, со всѣми своими каверзами, крючками, шаяла передъ его умомъ какъ снѣгъ, какъ воскъ опъ пламени, однакожъ онъ не показывалъ новому своему учителю, Тарасію Посникову, что эшой умшвенной пиши мало ему, что онъ смопришъ дальше, глубже изъясняемыхъ ему шайнспшвъ. Онъ проникалъ въ шайны Просодіи, въ шайны языка вообще, а не одного Лапинскаго, и скрывалъ эшо опъ всѣхъ: шоварищи не пѣняли-бы его, а учители, можешъ бышъ, опашъ вздумали-бы наказашъ.

Между тѣмъ, ученіе одной Лапины давно переспало удовлетворяѣ его. Уже слишкомъ два года находился онъ въ школѣ, а его не пускали дальше Лапинской Грамматики, въ кошорой былъ онъ шолько что на половинѣ, по крайней мѣрѣ по наружности, а на самомъ дѣлѣ онъ уже сдѣлался довольно силенъ въ Лапинскомъ языкѣ и понималъ авторовъ. Еще за годъ началъ онъ сочиняѣ Лапинскіе списхи, варварскіе, опъ кошорыхъ содрогался прахъ Горациа и вянулъ миршъ надъ могилой Виргиліа; однакожъ эшо показываеѣ быспрые его успѣхи. Греческій языкъ обрадовалъ его своимъ богашспвомъ, своими шрудноспями; но для эшого языка не было ни порядочныхъ учипелей, ни порядочныхъ книгъ. Ломоносовъ замѣнялъ недоспашки школы своею провицапельноспью, самъ соспавлялъ шаблицы, системы и дѣлалъ выводы, кошорыхъ не было ни, въ книгахъ его, ни на устахъ его учипелей. И за всѣмъ тѣмъ, у него еще оспавалось много свободного времени. Еспешспвенно: онъ не шалилъ вмѣспѣ съ мальчишками-шоварищами въ часы опдыха. Онъ выпросилъ себѣ позволеніе рышѣся въ библіюшекѣ училища, и въ шо время, когда шоварищи его бѣгали, прыгали, ходили колесомъ, играли въ свайку или вершѣли кубарь, онъ спѣшилъ въ уединенное книгохранилище, размашпривалъ, пожиралъ шамъ все новое для

него; и въ опредѣленную минушу являлся опяшь въ классъ. Къ большому горю его, онъ мало находилъ въ библіотекѣ такихъ книгъ, копорыя удовлетворяли-бы его разнообразныя требованія. Тутъ было много сочиненій богословскихъ, мало историческихъ, и почти совсѣмъ не было математическихъ и философическихъ. А ему спрахъ какъ хотѣлось узнать шайнства математики и философіи. За то нашелъ онъ въ библіотекѣ много книгъ церковныхъ, любимыхъ имъ съ малолѣтства. Языку церковному не учили тогда ни гдѣ; но достойная хвалы привычка, читашъ священныя книги, рано знакомила благочестивыхъ людей съ языкомъ ихъ. Ломосовъ былъ превосходнымъ чтецомъ еще въ своей деревнѣ, любилъ пѣшь духовныя пѣсни, и пошому зналъ языкъ церковный, чувствовалъ всѣ тонкости его. Оживая въ просвѣщеніи ума, онъ началъ понимать всю силу этого языка, столь благозвучнаго, выразительнаго, богатаго. Это невольнымъ образомъ привело его къ мысли о языкѣ собсвенно-Русскомъ. «Учашъ здѣсь Латинскому и Греческому, а о Русскомъ не думаюшъ,» размышлялъ онъ. «Неужели пошъ языкъ, копорымъ мы говоримъ, на копоромъ думаемъ и передаемъ всѣ ощущенія души, неужели эшотъ языкъ не заслуживаетъ изслѣдованія, изученія самаго щательнаго?» Съ такимъ-то недоумѣніемъ обратился онъ къ ново-

му своему училею, Тарасію Посникову. Эшотъ человекъ еще не былъ монахомъ : онъ только пригошовлялся къ монашескому чину , и пошому называли его бѣльцомъ ; впрочемъ , занимая не важное мѣсто въ Академіи , онъ не искалъ ни у кого , ничего , и не пользовался большою милосшью своихъ спаршихъ.

« Ты говоришь о Русскомъ языкѣ , » сказалъ онъ Ломоносову. « Да, кто о немъ спанешъ думаешь здѣсь ? Ты видишь , что кромѣ меня шущъ все Малороссіане : они и говорятъ по-Русски не чистю , и не могутъ понимать нашего языка во всемъ совершенствѣ , да и не любящъ его. А чего не любящъ , о томъ не думаютъ. Эшо все пріѣзжіе въ Москву , большею частію Кіевскіе Академисшы и Профессоры. Они почишаютъ нашу Академію ниже своей , и пріѣзжаютъ сюда шолько похвасшатъ ученосшью.

— Моженъ бышь , въ самомъ дѣлѣ у нихъ , въ Кіевѣ , больше ученосши нежели здѣсь ?

« Больше пособій , правда ; за шо у нихъ Лашинъ съѣла все ; она прилѣпилась къ нимъ опъ Поляковъ , кошорые , долго владычешвуя въ Кіевѣ , не успѣли засѣять благодатного поля своею Лашинскою ересью , шакъ засѣяли его Лашинскою ученосшью.

— Однакожь эшо любопышно — сказалъ Ломоносовъ — и я желалъ-бы поучиться въ Кіевѣ.

«Чему?» спросилъ съ досадою Посниковъ.
«Аристотелевой мудрости или Польской Ла-
пини?»

— И шому и другому, а больше всего хо-
чется мнѣ порышья въ шамошней библіотекѣ:
вы сами подтвердили, что она богаче нашей
Московской.

«Книгъ у нихъ много, да въ людяхъ мало
шолку,» сказалъ Посниковъ. «Не совѣшую,
братъ, Михайло, забивашья въ Кіевъ: рас-
каешья. И у насъ, нечего грѣха шайшъ, мно-
го занимающья пусыяками; а у нихъ ужъ шоль-
ко пусыяками и занимающья: споры, диспушы,
пустое головоломштво! . . .

— Но вамъ извѣшно, что въ нашей библіо-
текѣ очень мало, слишкомъ мало книгъ фило-
софическихъ, физическихъ, математическихъ....

«Э, братъ, Михайло! да неужели ты ужъ хо-
чешъ въ Философическій классъ?»

— Если-бъ я былъ достоинъ, то не опрек-
ся-бы; но я хочу самъ учишья Философіи, Фи-
зикѣ. . . .

Посниковъ расхохошался.

«Ты хочешъ самъ сдѣлашья философомъ, Ми-
хайло! Ну, шакъ поѣзжай, братъ, въ Кіевъ:
шамъ будешъ ты какъ рыба въ водѣ.

Ломоносовъ опвѣчалъ, нѣсколько оскорблен-
ный смѣхомъ своего учишеля:

— Я не думалъ говоришъ неугоднаго вамъ,

и если въ моихъ словахъ есть что нибудь необдуманное, то наславъше, просвѣщите меня.

« Да какъ-же, брагнецъ : хочешь ѣхать въ Кіевъ, за шѣмъ, что тамъ много книгъ, Господь вѣдаетъ о какихъ предметахъ ; а нашу Русь развѣ не надобно тебѣ узнавать больше всего другаго ? Ты самъ заговорилъ о Русскомъ языкѣ : научишься-ли ему тамъ ? Ты Рускій : знаешь-ли каковы были наши предки ? знаешь-ли ты что нибудь про солнышко Владиміра Святославича ? про Мстислава Удалаго ? про Димитрія, побѣдителя Ташаръ ? знаешь-ли про Минина и Пожарскаго ?

Эта патристическая выходка зажгла пылкую душу Ломоносова. Онъ сознался въ невѣдѣніи своемъ, и двѣ, при недѣли съ жаромъ чиналъ лѣтописи Русскія, копорыхъ было довольно въ монастырской библіотекѣ; хотѣлъ опчеписать, обдуманнѣе изучать свой языкъ, но не находилъ ни какихъ пособій, кромѣ давно извѣстной ему Грамматики Смотрицкаго. Это охладило его, и онъ не замѣтно погрузился опять въ Лапину, въ Греческій языкъ. Таково было свойство нашего поэта : умъ его вдругъ хотѣлъ обнять цѣлый міръ; но воля и уму человека есть предѣлы; попому-то онъ естественнѣе не могъ долго углубляться въ одинъ предметъ. Разумѣется, говоря это о гениі, мы не разумѣемъ здѣсь поверхностности людей обык-

новенныхъ. Въ двѣ недѣли узнавалъ онъ то, на что другому потребны мѣсяцы; въ каждомъ предметѣ раскрывались ему новыя спороны; вся природа имѣла для него новый смыслъ, ускользающій отъ толпы. Но при этомъ свойствѣ, быспро схватывашъ главный характеръ и рѣзкія черпы всего, онъ не имѣлъ терпѣнія, необходимаго для успѣховъ прочныхъ, вѣковыхъ. Главною, поспоянною спрасью его была спрась къ ученію, желаніе узнать и охватишь умомъ цѣлый міръ.

Между пѣмъ, схоласпическія формы уже начали овладѣвашъ лишсперапурнымъ его образованіемъ; онъ привыкалъ вѣришь, что въ нихъ заключаешся вся задача учености; однакожь умъ, свѣжій, ясновидящій, не хотѣлъ бышь побѣжденнымъ шакъ легко. Ломоносовъ полюбилъ Науку Природы, хотѣлъ бросишь въ глубину Мешафизики; но шунъ вспрѣпилъ онъ непреодолимое препяшспвіе: у него не было пособій для эшихъ наукъ. Ариомешика Магницкаго давно загла въ немъ спрась къ Машематикѣ, но спрась эта гасла безъ пици, и воскресала шолько по временамъ, при какихъ нибудь внезапныхъ задачахъ природы.

Тогда какъ умъ Ломоносова жадалъ знаній положишельныхъ, шочныхъ, его перевели въ высшій классъ, гдѣ Іеромонахъ Теофилакшъ Квѣшницкій *наставлялъ въ Латинской и Россій-*

ской Поэзіи. Не понимая ни смысла, ни объема многозначительнаго слова: *Поэзія*, добрый монахъ просто сказывалъ своимъ слушателямъ то, что слышалъ отъ своего учителя. Поэзія его заключалась въ Аристотелевскомъ подраздѣленіи спрасшей, какъ будто со временъ Аристотеля человѣкъ не жилъ, не открылъ новыхъ міровъ поэзіи, не кипѣлъ новыми спрасшиями, не зналъ иныхъ вдохновеній, кромѣ Греческаго. Надобно прибавить, что и это преподаваніе относилось только къ Латынскому языку и къ его стихотворству. Въ Россіи уже писали тогда Русскіе стихи Кантемиръ и Тредьяковскій, но публика, и шѣмъ болѣе Заиконоспасская Академія не знали о нихъ. Такимъ образомъ Ломоносовъ былъ окруженъ, спѣшенъ, давленъ Латынью: она была для него языкомъ, поэзією, ученостью, всѣмъ, потому что въ ней заключалось тогда все.

Въ такихъ обстоятельствахъ насталъ для него экзаменъ 1732 года. Ломоносовъ замѣтилъ необыкновенное волненіе въ училищѣ: Префектъ, учителя и всѣ служащіе въ монастырѣ суешились, бѣгали, заботились о порядкѣ, и ласково обращаясь къ ученикамъ, просили ихъ быть скромными, вѣжливыми на торжественномъ экзаменѣ, а болѣе всего упрашивали пригошовиться какъ можно лучше къ отвѣпамъ яснымъ, точнымъ, исправнымъ. «Высокопреосвя-

ценнѣйшій Теофанъ, Архіепископъ, обѣщалъ посѣтити нашъ экзаменъ,» сказали наконецъ имъ. «Не посрамишь-же насъ предъ симъ многоученымъ и великимъ мужемъ.

Имя Теофана гремѣло тогда въ Россіи. Этошъ знаменитый мужъ былъ любимцемъ чепырехъ Монарховъ Россійскихъ. Кіевскій уроженецъ, сынъ проспаго мѣщанина, онъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ ошправился въ Липву, учипсья : Кіевская ученость не удовлетворяла его. Имя Рускаго, и еще Греческаго исповѣданія, не было рекомендаціей у Поляковъ, до шакой степени, что Теофанъ, называвшійся тогда еще *Елеазаромъ*, рѣшился выдапъ себя Уніапомъ, подружился съ Каполическими монахами, и даже вступилъ въ брашство Базиліанскаго монашества. Онъ изумилъ Каполиковъ своими успѣхами въ наукахъ, въ языкахъ, и очаровалъ ихъ своимъ гибкимъ умомъ, своимъ краснорѣчіемъ, такъ что они рѣшились послапъ его въ Римскую Академію. Три года жилъ Теофанъ въ Римѣ; наконецъ, увидѣлъ великолѣпную пустошу чужеземцевъ и возвратился въ Россію. Тутъ-то началось его славное поприще. Орлиный взоръ Пешра ошкрылъ въ простомъ монахѣ Кіевскомъ будущаго государственнаго мужа. Постепенно приближалъ его къ себѣ Пешръ, и постепенно раскрывались въ Теофанѣ новыя способности, новыя средства къ великому подвигу преобра-

зованія, для котораго Пепру были нужны люди. Почти во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ участвовалъ Теофанъ, и по кончинѣ Петра не пересажавалъ имѣвъ большую силу при Дворѣ. Онъ былъ однимъ изъ шѣхъ, которые способствовали возведенію на Россійскій Престолъ Императрицы Анны Іоанновны. Послѣ ея коронованія, Дворъ долго оставался въ Москвѣ, а Теофанъ еще долѣе. Въ это-то время случился экзаменъ въ Заиконоспасской Академіи. Архіепископъ желалъ бытъ на немъ, и произвелъ страшное волненіе въ кругу преподавателей шамошнихъ, робкихъ передъ высокимъ саномъ и передъ славнымъ, проницательнымъ умомъ Теофана.

Въ назначенный день, съѣхались въ Академію многія знаменитыя духовныя особы; явился и Теофанъ.

Спранное впечатлѣніе пошрясло душу Ломоносова, когда онъ увидѣлъ этого достопамятнаго сподвижника Петра. Незнакомый съ почестями и власями, онъ не понималъ значительности Архіепископа какъ государственнаго мужа: онъ видѣлъ въ немъ только человека, глубокаго ученостью и умомъ, испытаннаго шрудами и пожертвованіями наукъ, долго жившаго въ спѣнахъ Рима, и уже славнаго своими собственными сочиненіями. Онъ еще никогда не видывалъ людей знаменитыхъ, историческихъ,

и хотя былъ окруженъ нѣсколько лѣтъ *учеными*, но по какому-то невольному чувству составлялъ себѣ иной идеалъ ученаго мужа. Ему казалось, что онъ видитъ осуществленіе этого идеала въ Теофанѣ. Пылкая душа его и горячій умъ воспрянули: онъ, безъ всякаго честолюбія, изъ одной благородной ревности къ достоинству человѣка, рѣшился высказать всего себя. И надобно было удивляться этому богатому дарованіями юношѣ! Онъ свободно изъяснялъ на Лашинскомъ языкѣ самые ошвлеченные предметы; ясно и краснорѣчиво говорилъ о языкѣ Славянскомъ (такъ называли тогда языкъ церковный); удивлялъ всѣхъ слушавшихъ знаніемъ безчисленнаго множества ученыхъ мѣлочей, копорыя всегда придають такой блескъ школьнымъ экзаменамъ. Греческіе классики были извѣсны ему мало, однако языкъ ихъ онъ зналъ, и вообще явился первымъ по своимъ свѣдѣніямъ, и еще болѣе по изящному дару слова, копорый блистательно помогъ ему показать пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія.

Теофанъ самъ дѣлалъ ему много вопросовъ, былъ, казалось, доволенъ имъ, но не хотѣлъ ошличить его передъ другими учениками, для того чтобы не унижить ихъ. Онъ спросилъ только объ имени молодаго человѣка, споль ошличнаго своими дарованіями, и когда вошелъ въ комнату Архимандриша, гдѣ былъ приго-

шовленъ завпракъ, по, прежде всего, подробно освѣдомился о Михайлѣ Ломоносовѣ и велѣлъ позвать его.

Смиренно явился скромный ученикъ передъ славнымъ ученымъ. Пылкость, которая одушевляла его на экзаменѣ, прошла: онъ робѣлъ. Но благосклонный взоръ архипаспыря ободрилъ его. Теофанъ сидѣлъ на канане, и велѣлъ Ломоносову подойдши къ себѣ; множество сановниковъ спояли въ почтительномъ отдаленіи. Поглядѣвъ нѣсколько секундъ на прекраснаго, полнаго жизни юношу, онъ сказалъ: «Эпопъ молодой человѣкъ обѣщаетъ много: надобно шолько чшобы онъ исполнилъ свои обѣщанія.» И прибавилъ, обративши рѣчь къ Ломоносову: «Для науки оспавилъ ты опеческій домъ, и наука приняла тебя какъ избраннаго сына. Богъ дѣа благословишъ тебя на подвигъ пруда благаго!» Онъ освѣтилъ Ломоносова крестнымъ знаменіемъ.

Никакія награды въ мірѣ не были-бы для Ломоносова шакъ драгоцѣнны, какъ эпо благословеніе архипаспыря, къ которому съ перваго взгляда зародилось въ душѣ его благоговѣйное чувсшво. Онъ удерживалъ нѣсколько секундъ свое чувсшво, но наконецъ бросился на колѣни и искалъ благословляющей его руки.

Теофанъ самъ былъ пронупъ. Онъ спросилъ, не можешъ-ли сдѣлашь ему чего нибудь полез-

наго; не имѣешь-ли онъ какого-либо желанія, для будущихъ своихъ успѣховъ.

Въ такія торжественныя минуты Ломоносовъ бывалъ удивительно смѣлъ.

«Ваше Высокопреосвященство!» сказалъ онъ. «Будьте прежде всего моимъ заступникомъ. Я учусь здѣсь незаконно....

Всѣ учили его, бывшіе тутъ, Префектъ, Архимандритъ, поблѣднѣли и чуть не ахнули отъ страха.

— Да, Ваше Высокопреосвященство! Я мужикъ, и только по милости господъ наставниковъ моихъ принявъ въ здѣшнюю Академію, куда нѣтъ входа разночинцамъ. Я записанъ здѣсь дворяниномъ, и ежеминутно боюсь, что эшо когда нибудь можешь причинишь неудовольствіе моимъ благодѣтелямъ, и выгнешъ меня изъ убѣжища наукъ.»

Лицо Теофана, сначала омрачившееся, прояснилось.

«Если эшо называешь ты незаконнымъ,» сказалъ онъ улыбаясь, «то будь спокоенъ. Я защитникъ твой съ сей минуты.

Ломоносовъ низко поклонился ему.

«Да,» примолвилъ Архіепископъ. «Не бойся ничего! хотя-бы со звономъ въ большой Московскій соборный колоколъ спали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ. Но,

юноша! Будь-же и ты достоинъ милоспей, оказываемыхъ тебѣ старшими. Продолжай учиться, какъ ты началъ. Не ослѣпляйся первыми успѣхами своими.

— Я почипаю себя низайшимъ изъ низайшихъ — возразилъ Ломоносовъ. — Не только гордоспъ, но и самодовольспиво еще не зараждалось въ душѣ моей. Признаюсь вамъ открыто: я не доволенъ собой, и эспи успѣхи, какъ вы благоволили назвать усердные пруды мои, кажущся мнѣ дѣшскими. Чпѡ это за успѣхи, когда я выучиваю по книжкамъ шю, чпѡ можешъ выучить всякій, сколько нибудь прилежный мальчикъ? Я желалъ-бы вдапсъ въ Машемапику, въ познаніе природы, въ Философію: тамъ искушеніе для ума человѣческаго.»

« Не все вдругъ, мой добрый юноша! » сказалъ Теофанъ. « Сначала надобно узнать азбуку, чпобы послѣ чипашъ книги; сначала надобно усовершенспвовапсъ въ наукахъ словесныхъ, чпобы попомъ перейдши къ другимъ. »

Ломоносовъ едва не сказалъ, чпю въ ихъ Академіи нѣтъ другихъ наукъ, и чпю все ограничиваешся словопреніями. Онъ удержался; однакожъ Теофанъ проникъ тайную мысль его и сказалъ:

« Ты можешъ почерпнуть много и другихъ свѣдѣній, изъ книгъ, хранящихся въ академической библіотекѣ. »

— Библіотека наша бѣдна книгами по тѣмъ наукамъ, о копорыхъ я упомянулъ, Ваше Высокопреосвященство. Говорятъ , Кіевская гораздо богаче.

« Да ! Кіевская ! правда. Кіевъ спаринный разсадникъ наукъ. Я самъ возраспалъ памъ ; я возвращился шуда изъ великолѣпныхъ книгохранилищъ Рима и Венеціи , и наша Кіевская библіотека не показалась мнѣ бѣдною. Чшо-же? ты можешь пакже съѣздишь въ Кіевъ , поучишься и шамъ годъ , два. Почтенные насшавники , вѣрно , дозволяшъ шебѣ эшо , » прибавилъ онъ съ улыбкою , обращаясь къ власшамъ Законоспасской Академіи.

Какъ шонкій полишникъ во всѣхъ малѣйшихъ отношеніяхъ, Теофанъ не хопѣлъ поддерживашъ долѣ разговоръ съ ученикомъ, въ продолженіе котораго безмолвствовали его учители. Онъ еще разъ благословилъ Ломоносова, и, сдѣлавъ ему нѣсколько пасшырскихъ насшавленій, оппустилъ юношу, восшищеннаго умомъ и благодушіемъ знаменишаго мужа.

Оспавшись въ своемъ кругу, гдѣ игралъ онъ первую роль , Теофанъ завелъ рѣчь о многихъ предмепахъ, былъ опмѣнно милосшивъ ко всѣмъ, и прощаясь съ брашіею, будшо вспомнилъ опашъ о Ломоносовѣ и поручилъ его особенному покровительству Архимандрита и Префекта.

Дни пошли опять своею чередой; только Ломоносовъ вскорѣ замѣшилъ, что начальники и учители спали претребовательнѣе къ нему, начали изъявлять нѣкоторую холодность къ своему прежнему любимцу, и, не рѣдко, язвительными намеками напоминали ему, что онъ въ *фаворѣ* у Высокопреосвященнаго. Это чувство шакъ естественнѣе въ сердцѣ человѣческомъ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ осмѣлился выскочка разглагольствовать прямо съ такою высокою особою, и заспавилъ спаршихъ своихъ быть только слушателями? Да и какъ не совѣстно Высокопреосвященному унижать себя разговоромъ съ проспымъ школьникомъ, когда вокругъ него сполько почешныхъ особъ. О, надобно-же доказать ничпожному пришельцу, что онъ еще не вышелъ изъ подъ нашей ферулы! надобно доказать.

Начались эти доказательства. Первое состояло въ томъ, что съ него спали спрого взыскивать за малѣйшее недоразумѣнїе, за самую мѣлкую ошибку. Второе, опъ него спали претребовать не человѣческихъ успѣховъ; прешье, ему начали опказывать во всѣхъ, самыхъ справедливыхъ просьбахъ; четвертое.... но возможно-ли исчислишь все? Эного не лзя даже спавишь въ вину человѣку, если спакое чувство маленькаго мщенїя, какъ будпо доказательство его силы, кроется въ душѣ почти каждаго, и

только спрогій присмотръ за нашимъ хранилищемъ всего прекраснаго, высокаго, благороднаго, только непрерывное наблюденіе за собою, дѣлають насъ чистыми, достойными высокаго нашего названія.

Однакожь, сколько мы ни ожидаемъ справедливости сердцу человѣческому, а Ломоносову было опъ этого не легче. Онъ долго терпѣлъ нападенія непріязненныхъ (долго и одинъ день для того, кпо терпѣлъ); наконецъ рѣшился объясниться съ самимъ опцомъ Архимандрипомъ, и повергнувъ передъ нимъ свою искреннюю, давнюю просьбу.

Явившись къ нему въ свободную минушу, онъ нашелъ его одного, что было очень кспати, и за смиреннымъ завтракомъ, что было еще больше кспати. Архимандрипъ былъ испинно добродѣтельный, благочестивый человѣкъ; желалъ добра и дѣлалъ его всякому; но иногда увлекали его услужливые совѣтники. Онъ не разлюбилъ Ломоносова, и не смотря на черную пѣнь, копорая легла между ними послѣ Теофанова посѣщенія, встрѣпилъ его благосклонно.

«Что скажешь, добрый Архангелогородецъ?» спросилъ Архимандрипъ ласково.

— Ваше Высокопреподобіе! Вы мой благодѣтель: смѣло являюсь къ вамъ съ новою просьбою.

« А я радъ выслушашъ тебя.

— Оппустиште меня въ Кіевъ, Ваше Высокопреподобіе.

« Въ Кіевъ ? а затѣмъ ?

— Одинъ годъ поучишься тамъ , посмотришь славнаго въ Исторіи нашей мѣста , и прочеши нѣкошорыя книги.

« Въ Кіевъ !... Не по приказу-ли Высокопреосвященнаго ?

— По собственному желанію и по благословенію этого великаго архипасшыря. Оспашеся шолько вамъ благословишь меня.

« А если я не могу сдѣлать этого ? »

— Милость Вашего Высокопреподобія неизреченна.

« Оно шакъ , » сказалъ Архимандрипъ смягчаясь, » но я не власненъ одинъ опуститишь тебя

Ломоносовъ обрашилъ на него глаза съ вопрошающимъ видомъ.

« Да, не власненъ ; для этого надобно согласіе всей Академіи, надобны особенныя причины; а между тѣмъ , шого и жди , что ты опашь спашеши публично рассказывать о своемъ самозванствѣ.

— Ваше Высокопреподобіе ! передъ архипасшыремъ и въ вашемъ присуствіи изливая свою душу , я не думалъ , что оскорблю кого ни-

будь. Но если я виноватъ , проспише меня и припишете моей неопытности поступокъ , можете быть , слишкомъ дерзкій. Вамъ извѣстно , что я не былъ никогда доносчикомъ и сплетникомъ. Клянусь Богомъ , что гдѣ-бы ни былъ я , мое глубокое почтеніе къ вамъ не изгладится въ моемъ сердцѣ. Вы можете вѣрить мнѣ , вами облагодѣтельствованному.

« Я и готовъ вѣрить , но сказалъ уже , что одинъ не могу опустить себя. Для этого надобно согласіе Академіи и особенныя побуждательныя причины.

— Причина : спросъ моя къ ученью.

« Да , я часно слышу объ этой спраши ; но слышу и о другихъ спрашихъ своихъ : мы не уживчивъ съ поварищами , не уважиселенъ къ спрашимъ , дерзокъ съ высшими.

— Въ первый разъ на меня это обвиненіе ! и оно мѣмъ прискорбнѣ , что узнаю о немъ изъ устъ Вашего Высокопреподобія.

« Да , любезный Михайло , я долженъ сказать , что все это говорятъ о тебѣ люди , достойные вѣры.

— Но сверспники мои до сихъ поръ были по большей части мальчики ; у меня съ ними не могло быть согласія , когда я не игралъ съ ними въ свайку. Учили , благодареніе Богу ,

не вписывали меня въ число нерадивыхъ или негодяевъ. Вашему Высокопреподобію извѣстно лучше всѣхъ, соблюдалъ-ли я уваженіе къ спаршимъ и къ высшимъ.

« Все это правда, и я вѣрю, что ты малый добрый; но съ нѣкотораго времени, я право не знаю.... себя что-то всѣ не любящъ. У меня все такія зашты; ты все хочешь дѣлать самъ, мимо другихъ !

— На кого-же надѣяшься мнѣ, Ваше Высокопреподобіе ? Я сирѣ, хотя родителъ мой здравствуетъ. — Онъ вздохнулъ. — Позвольте сказать вамъ откровенно : съѣздивъ въ Кіевъ было давнее мое желаніе ; но теперь къ этому побуждаешь меня еще и то общее неудовольствіе , которое возбудилъ я противъ себя , не знаю чѣмъ. Не будетъ меня здѣсь , и буря пройдетъ. Останется память только о томъ , что было во мнѣ добраго. А черезъ годъ, если допустить Богъ возвратишься мнѣ сюда , я предстану съ новымъ смиреніемъ и съ новою опытностью къ умираннымъ временемъ сердцамъ.

« Випіевато , випіевато ! » сказалъ съ довольнымъ видомъ Архимандритъ , которому понравилось нѣсколько семинарское краснорѣчіе Ломоносова.

« Хорошо , » прибавилъ онъ , « я предложу объ опускѣ тебя въ Кіевскую Академію , и

надѣюсь, что желаніе швое исполнишь. Сшуй-
чай съ Богомъ, Михайло.»

Архимандритъ началъ доканчивашъ свой зав-
пракъ, а Ломоносовъ опсправился къ шовари-
щамъ въ ихъ камеры, и уже съ какимъ-шо оп-
чужденіемъ глядѣлъ на закопшѣлыя, мрачныя спѣ-
ны, среди копорыхъ провелъ онъ нѣсколько
лѣтъ. Мысль, зараждавшаяся въ его умѣ, обык-
новенно шѣснила и гнала опъ него всѣ другія,
не споль живыя впечатлѣнія. Кіевъ былъ пе-
перь новою мѣшою его, и Москва, куда прежде
спремились всѣ его желанія, потеряла пре-
лестъ свою для этого пылкаго ума, для этой
ненасытимой новыми впечатлѣніями души.

Прошло нѣсколько дней. Однажды Ломоно-
совъ сидѣлъ съ книгою, передъ окномъ, когда
ему сказали, что какой-шо пріѣзжій изъ Холмо-
горъ спрашиваешъ его. Сердце вздрогнуло въ
немъ, и холодный потъ выспунилъ на челѣ,
когда онъ вообразилъ, что, можешъ бытъ, это
разгнѣванный отецъ шребуешъ его передъ свои
грозныя очи. Не радость, нѣтъ, не радость
ощутилъ онъ при быспрой мысли о свиданіи
съ родинелемъ: препенъ проникъ въ его душу,
когда онъ вообразилъ справедливо раздражен-
наго бѣгствомъ его опца, власъ опцовскую,
разлуку съ убѣжищемъ наукъ, возвращеніе къ
прежнему бышу... Все это пролетѣло мол-
ніей въ умѣ его. Наконецъ онъ собрался съ ду-

хомъ, тайно сошворить молишву къ неизреченному благосшью Богу, и пошелъ къ прїѣз-
 жему.

Онъ ошибся. То былъ не отецъ его, а спаричекъ, мужикъ изъ одной съ нимъ деревни. Увидѣвши Ломоносова, онъ всплеснулъ руками и просподушно молвилъ :

« О, братъ Миша, да какой ты оборванный! »

Никогда въ мысль не приходило Ломоносову, что, въ самомъ дѣлѣ, среди небогашыхъ шоварищей былъ онъ самый убогій. Всѣмъ казеннымъ воспитанникамъ выдавались опъ училища рубахи и шиковые халашы, для показа въ шоржесшвенныхъ случаяхъ, но въ другое время зашавляли ихъ носить что у кого было. Изъ особенной милосши, а можешъ спашься и пошому, что эшо было уже необходимо, Ломоносову позволили наконецъ носить выданный за два года халашъ, кошорый сдѣлался очень вешхъ. Но почти у всѣхъ шоварищей его были родители или родспвенники, кошорые снабжали ихъ обувью и давали имъ иногда деньги на пищу, на бумагу и даже на лакомство; а онъ долженъ былъ довольсшвоваться однимъ жалованьемъ, кошорое ссшавляло всего *алтынъ въ день*; изъ эшого упошреблялъ онъ денежку на хлѣбъ и денежку на квась, осшальное на бумагу, на обувь и на всѣ другія нужды. Такая *несказанная бѣдность*, какъ послѣ выразился онъ

самъ, не была замѣтна для него. Онъ жилъ въ поэтическомъ мірѣ, и, неуклонно стремясь къ высокой цѣли, не обращалъ вниманія на свои не-поэтическіе лохмотья, на голодъ и нужду, копорые часто принужденъ былъ перенѣть. Воскличаніе земляка вдругъ сняло покровъ съ глазъ его. Онъ какъ будто въ первый разъ взглянулъ на свою жалкую одежду; однакожь, безъ всякаго смущенія, подкрѣпленный благородною гордостью, ошвѣчалъ ему:

«Эпо буднишное платье: у насъ всѣ такъ ходяшъ по буднямъ.

— Не ужь-шо? худо-же, брашъ, жишь-то ваше. А я принесъ шебѣ поклонъ отъ родителя, Василья Дорооеича.

«Скажи мнѣ прежде всего: здоровъ-ли родитель мой?

— Родитель? слава ше Господи, бапюшко!

«Да какъ ты опыскалъ меня, Пешровичъ?» спросилъ Ломоносовъ.

— Какъ? да вѣдь ужъ давно знающъ въ нашей сшоронѣ, куда улешѣлъ ты, кормилецъ.

«Зачѣмъ ты здѣсь?

— Зачѣмъ? какъ зачѣмъ? съ шоваромъ прѣхалъ.

«Ну, скажи-же мнѣ, каково поживаешъ родитель мой?

— Каково? Да, слава ше Господи, бапюшко! Приказалъ мнѣ сказаць шебѣ свое благословеніе, да помолишься, чѣобы ты не оставилъ его на старости. Наградилъ-де меня Богъ всякимъ добромъ; кровавымъ, дескашъ, попомъ нажилъ я всякое довольство, а онъ не хочешъ ушѣшишь меня, не хочешъ послушашъ родителскаго совѣта и приказанія.

«Теперь ужъ поздно ворочаться мнѣ домой, Пешровичъ. Другую часшъ избралъ я себѣ, и богатство опца не ворошишь меня на родную сторону. Полюбилъ я книги, да ученіе, а кпо къ нимъ привяжешся, пошъ не кормилецъ и не наслѣдникъ опцу.

Такъ говорилъ Ломоносовъ, спараясь бытъ вразумительнымъ для закоренѣлаго невѣжды, своего земляка. Какъ могъ онъ объяснишь ему иначе свое опчужденіе опъ родителскаго дома?

Топъ слушалъ его разинувъ ротъ, и по сѣверному обычаю началъ опяшь чѣмъ-по въ родѣ вопроса безъ опвѣта:

— Не кормилецъ? А по чшо?

«Да по то, чшо мнѣ здѣсь лучше и въ бѣдностпи, чѣмъ въ довольствѣ у опца.

— Лучше? А сколько добра всякаго у швоего родителя! Подумай ты, Мйша, чшо умрешъ онъ, шакъ все чужіе люди расхишашъ.

«Дай Богъ многолѣтія моему почтенному родителю! О смерти, Пешровичъ, говоришь

нечего , когда еще мы живы и здоровы. Надѣюсь , что молитву мою о здравіи отца услышитъ Богъ. А объ имѣніи его я и не думаю.

— Не думаешь? Да онъ велѣлъ сказать тебѣ , что для тебя-де наживалъ онъ и прудился ; а ты не хочешь милости его принять.

« Не могу, хотя-бы и хотѣлъ. Я какъ монахъ , котораго обрекъ себя иному образу жизни, для мірекихъ , для семейныхъ прельщеній не возвращусь домой. Скажи это моему родителю ; скажи , что я горячо люблю его , всегда поминую въ своихъ молитвахъ , земно кланяюсь ему.

— А домой не пойдешь ?

« Не пойду.

Спарикъ не зналъ какъ лучше спрашивать его земляка : все краснорѣчіе , всѣ доводы его истощились. И надобно сказать , они были такого рода, что могли еще больше укрѣпить Ломоносова въ неизмѣнномъ его намѣреніи. Деньги! Довольство! Нажитое общимъ имѣніемъ! Какъ все это смѣшно было для него , когда эти хотѣли уговорить его воротиться домой. Гораздо труднѣе было ему прошептать одному , драгоценному слову : *отецъ*. Но уже такъ многое раздѣляло ихъ , что возвращеніе къ прежнему было невозможно. Онъ еще разъ приказалъ спарику Петровичу изъяснить отцу все почтеніе , всю привязанность сына , и спѣшилъ разстаться съ нимъ.

Тяжело вздохнул Ломоносовъ , когда кончилъ объясненіе съ спарикомъ. Любовь къ опцу и даже къ родинѣ воскресла въ немъ : надобно было задушить ее. Прощедши нѣсколько шаговъ къ своему жилищу (они разговаривали посреди широкаго двора Академіи), Ломоносовъ невольно оглянулся , и запрепешалъ , смотря на безобразнаго земляка своего , который илихо удалялся , опираясь на коспыль. « Не Асмодейли, въ видѣ эшого человѣка , являлся ко мнѣ со своими обольщеніями ? » подумалъ онъ. « Чего хошѣлъ онъ опъ меня ? Опорвашъ опъ свѣша испины и снова повергнушь въ глубину пимы , невѣжесхва ? Для эшого , сначала указалъ онъ на мою нищету. Да , я въ самомъ дѣлѣ нищъ. Пишаюсь однимъ хлѣбомъ , ношу почти рубище , принужденъ опказывашъ себѣ во всемъ. Говоряшъ , Москва веселый городъ ; въ немъ шакъ много людей богашыхъ , копорые живутъ шолько для веселья и радости ; а я ! . . . я даже не знаю чшò шакое значить радость. Живу шолько лѣпъ въ Москвѣ , и не видалъ въ ней ничего , кромѣ спѣнъ своей школы , кромѣ спѣнъ города . . . Михайло ! Михайло ! развѣ ты не видишь храмовъ Божіихъ ? Развѣ ты не бываешь у свяшыхъ угодниковъ Московскихъ ? Развѣ бѣдность пивоя не спорицею награждается знаніями , какія уже пріобрѣлъ ты , обрекиши себя эшой бѣдности ? Прочь , Асмодей , со своими

лукавыми обаяніями! Онъ говорилъ мнѣ еще объ опцѣ моемъ... добрый, почтенный отецъ! Я-ли виноватъ, что безъ своего благословенія бросился я на шопъ пупъ, куда съ малыхъ лѣтъ увлекало меня все? Мы не понимали другъ друга; мы не знали того, что было такъ ясно, такъ убѣдительно для меня; мы не знали радости, не знали силы просвѣщенія.... Ну, последнее убѣжденіе было ужъ недоспойно и Асмодея,» подумалъ онъ и невольно улыбнулся.— «Онъ хотѣлъ обольстить меня деревенскимъ довольствомъ! Какое счастье! Ёспѣ жирные пироги, женишься на какойнибудь глупой дѣвкѣ, да безпреспанно ссориться съ злою мачихой. Бѣдный отецъ мой все еще у нея подъ наукой!»

Размышленія Ломоносова прояснились, покуда онъ дошелъ до своей камеры. Начало ихъ было такое торжественное, прагическое, а кончились они почти комически. Инаго и не могло произвеси въ немъ появленіе Архангелогородскаго земляка. Сила воли его побѣдила многія искушенія, копорыя пеперь были-бы для него уже спранны, если-бы къ нимъ не примѣшивалось священное имя опца.

Онъ опянь забылъ о своей угнепашей бѣдности, опянь обратился къ своимъ милымъ книгамъ, и совершенно упѣшилъ себя надеждою на лучшее въ будущемъ.

Съ неперпѣніемъ ожидалъ онъ рѣшенія Архимандриша. Наконецъ, въ одно утро, его позвали въ конференцію. Тамъ засѣдали Ректоръ-Архимандришъ, Префектъ и почти всѣ учили его.

«Михайло Ломоносовъ!» сказалъ торжественно Ректоръ. «Академія, внявъ просьбѣ моей, изъявила согласіе на твое желаніе отправиться въ Кіевъ, для слушанія тамъ Философіи, Физики и Математики. Она оспается въ надеждѣ, что извѣстное твое прилежаніе къ наукамъ оправдаешь милосливое снисхожденіе ея къ тебѣ, а я увѣренъ, что годъ, который ты проведешь въ Кіевской Академіи, не будетъ для тебя щещнымъ временемъ. Содержаніе, во время пути и пребыванія въ Кіевѣ, будешь ты получать такое-же, какое получаешь здѣсь, а случай къ отправленію представляется съѣдущимъ завтра-же въ Кіевъ брапомъ Антоніемъ.

Обрадованный Ломоносовъ кланялся и благодарилъ своихъ начальниковъ. Они велѣли ему приготавливаться къ отъѣзду.

Но велики-ли были приготовленія юноши, у котораго все имѣніе состояло нѣсколько книгъ, подаренныхъ ему отъ училища, и двѣ безцѣнныя книги, вынесенныя имъ изъ опеческаго дома!

На другой день ему вручили письменный видъ, родъ рекомендабельнаго письма къ Кіевскому начальству, да на издержки *три рубля пятьдесятъ копѣекъ*, и поручили его смолвѣнію ошца Антонія, Кіевского монаха, Малороссіянина, копорый прїѣзжалъ по какимъ-шо дѣламъ въ Москву и теперь возвращался домой. Тѣлега, запряженная въ одну лошадь, съ сидѣвшимъ напередѣ усашимъ, сердишимъ Малороссіяниномъ, выѣхала на средину двора. Антоній прощался съ друзьями и прїятелями, копорые осыпали его добрыми напутствованиями; наконецъ, послѣ многихъ лобызаній, смиренная пѣлежка покапшлась.

Проѣзжая Московскими улицами, Ломоносовъ занималъ свое вниманіе разглядывая городъ, въ копоромъ онъ жилъ и не зналъ почти ни одной изъ его достопамятностей, пошому что спрогосъ школы и собственное прилежаніе приковывали его къ стѣнамъ Заиконоспасской Академіи. Кремль проблескѣлъ передъ нимъ своими вѣчно-ясными главами; наконецъ мелькнула заспава; наконецъ скрылись и злашыя верхи Москвы, на копорые часшю оглядывался онъ. Ему спало грушно.

Глава V.

Сопутникъ не могъ развеселить его. Это былъ, что называется, человекъ добрый, но простой и почти безграмотный. Испытанной честности его доверяли многія монастырскія дѣла; любили его за исправность въ порученіяхъ и за веселый характеръ. Но какая могла быть у него бесѣда съ Ломоносовымъ? Одинъ зналъ по, о чемъ другой не имѣлъ понятія. Нѣсколько разъ пытался юноша заводить рѣчь о достопамятностяхъ Кіева, о библіотекахъ тамошнихъ, объ ученыхъ людяхъ: сопутникъ его не вѣдалъ объ этомъ, и на оборотъ, когда шотъ начиналъ говорить о сѣнокосахъ, угодьяхъ монастырскихъ, о доходахъ и преимуществахъ разныхъ обителей, товарищъ не понималъ его. Однакожъ они ѣхали мирно, весело, каждый думая о своемъ. Отецъ Антоній часто подшучивалъ надъ Малороссіяниномъ, который исправлялъ должность извозчика. Это въ самомъ дѣлѣ былъ прелюбопытный остатокъ

пѣхъ казаковъ, о кошорыхъ и нынѣ вздыхаютъ жишели прежней Гетманщины. Для него каждый Малороссеянинъ былъ первое лицо въ мірѣ, а пошому и самъ онъ почиталъ себя, въ качесствѣ Малороссеянина, чѣмъ-то очень значительнымъ. Угрюмость, сродная всѣмъ кореннымъ Малороссеянамъ, изглаживалась въ немъ только доброю кварпою вина, и погда-то онъ дѣлался инымъ человѣкомъ, рассказывалъ о баснословныхъ подвигахъ своихъ любимыхъ героевъ, пѣлъ казацкія пѣсни, вздыхалъ, и часпо даже плакалъ о спаринѣ.

Сначала все эшо занимало сѣвернаго урожденца, который видѣлъ себя среди новой природы и новыхъ людей; но вскорѣ, невѣжесство, окружавшее погда весь южный край Россіи, сдѣлалось для него несстернимо, а попомъ и природа, невинная няня шамошнихъ жишелей, не понравилась ему.

«Эшо ни зима, ни лѣшо!» думалъ онъ, глядя на пестрые дни весны. «То-ли дѣло въ нашемъ дальнемъ сѣверѣ: претъ года пламенѣетъ лѣшо, и попомъ выразишельно насипаетъ зима, не меньше лѣша мужесшвенная. Переходы временъ года у насъ рѣзки; весна кончипся въ при недѣли, и сама предспавляетъ дивную борьбу силъ природы: снѣга превращаюпся въ рѣки, и водопадами хлещутъ съ горъ; рѣки и море раздвигаюпся съ громомъ, шакъ-же какъ

громко и поржеспвенно запирають ихъ осенью льды. »

Онъ ждалъ опдыха чувству при взглядѣ на города, но не умѣлъ опличить ихъ опъ деревень; ждалъ по крайней мѣрѣ пріятнаго впечатлѣнія подъѣзжая къ Кіеву, и взоромъ искалъ величеспвенныхъ громадъ, подобныхъ сколько нибудь Москвѣ. Но, какъ нарочно, время было туманное, лошадь ихъ выбилась изъ силъ по пескамъ, и везла шакъ шихо, что ночь заспала пупешеспвенниковъ еще на дорогѣ, въ нѣсколькихъ верспахъ опъ Кіева: они вѣхали въ городъ поздно, въ шемношѣ, и не видали ничего, покуда шѣлега не оспановилась передъ довольно огромнымъ зданіемъ.

Послѣ долгаго ожиданія, Ломоносова ввели въ какую-то обширную комнапу, гдѣ храпѣло нѣсколько человекъ служиспелей. Ему указали скамью и посовѣшпвали опдохнуть опъ дороги.

« Неужели здѣсь опашь начну я жизнь, пакую-же какъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ? » подумалъ онъ. Но дѣлать было нечего. « Не привыкашъ мнѣ спашъ на голой доскѣ, » прибавилъ онъ мысленно, свернулся, и заснулъ.

На ушро его разбудилъ говоръ и спукъ служиспелей, кошорые безъ церемоній принялись за свои занятія: одинъ мелъ комнапу, другой носилъ дрова, шрешій поспукивалъ, вколачивая

гвозди въ чоботы; остальные выходили и приходили. Спать было не лзя. Ломоносовъ вспалъ, помолился Богу, и вышелъ во дворъ. Тутъ увидѣлъ онъ почти шо-же, что можно видѣть во всѣхъ монастыряхъ Русскихъ: подлѣ стѣнъ длинныя ряды жилыхъ покоевъ, посреди церковь, и вѣчный служба въ своей шѣсной кануркѣ подлѣ ворошѣ. Пріѣзжій спросилъ объ ошцѣ Антоніи; ему ошвѣчали, что онъ у Архимандриша.

Тоска запала въ душу Ломоносова. Бродя по двору, онъ думалъ, какъ сходно эшо начало съ шѣмъ, что видѣлъ онъ въ Москвѣ. То-же сиротство, шо-же одиночество среди людей; холодность и невниманіе одинаковы. «Да гдѣ-же люди, съ кошорыми была-бы у меня одна мысль, одно желаніе?» подумалъ онъ и ошавился.

— Михайло! Михайло! — кричалъ ему знакомый голосъ. Эшо былъ монахъ Антоній. — Къ ошцу Архимандришу! — сказалъ онъ и движеніемъ руки велѣлъ ему слѣдовать за собой.

Дверь въ комнату Архимандриша распворилась: посреди комнаты стоялъ невысокій, худощавый человекъ. Проницательные глаза, умная физиогномія, живость во всѣхъ движеніяхъ ошличали его. Онъ сказалъ опривистшо:

— Буди здравъ! Ты изъ Москвы?

« Точно пакъ, Ваше Высокопреподобіе.

— Учишься къ намъ? Покажи свидѣтельство.

Ломоносовъ подалъ ему бумагу. Архимандритъ прочиталъ ее.

— Ты желаешь вступишь въ *Большую братію*?

« Я желаю учиться здѣсь Философіи, Физикѣ, и Математикѣ.

— Ну, да! Философія и Богословіе принадлежатъ *Большому братству*. Развѣ ты не знаешь, что учащіеся раздѣляются у насъ на *Братію большаго и малаго собранія*, *Sodales majoris et minoris congregationis*. Въ Большое братство вписываются только тѣ, которые обучаются Богословію и Философіи, а въ Меньшее учащіеся Риторикѣ, Поэзій и разнымъ языкамъ. Искусенъ-ли ты въ эгихъ послѣднихъ знаніяхъ?

« Ничего не знаю, я, почти исключительно эгими предметамъ.

— Слѣдовательно знаешь ихъ?

« Знаю.

— Такъ испытанія не нужно: успѣхи могутъ оправдать твои слова. Черезъ недѣлю назначенъ диспутъ: явись туда. А между тѣмъ поди со своею бумагою къ Префекту Старшаго братства.

Ломоносовъ явился къ Префекту. Тотъ, вмѣстѣ съ *Ассистентами*, прочиталъ его бумагу,

передалъ ее *Секретарю*, и черезъ нѣсколько часовъ Ломоносовъ былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ *Большою братіею*.

Новые братья его были всѣ уже зрѣлые юноши; многіе даже болѣе нежели мужесшвенныхъ лѣтъ. Смѣсь ихъ удивила пріѣзжаго сѣверянина: онъ нашелъ шумъ немногихъ чисто-Русскихъ, и множество Малороссіянъ, которые говорили своимъ особеннымъ нарѣчіемъ, смѣшаннымъ съ Польскими словами. Въ большомъ употребленіи у нихъ былъ языкъ Лапинскій. Ломоносовъ свободно изъяснялся на немъ, и потому говорилъ съ ними больше по-Лапини.

Вскорѣ общество этихъ людей не понравилось ему. Вмѣстѣ съ немногими благонравными, умными людьми, онъ видѣлъ толпу лѣнивыхъ, безпечныхъ, буйныхъ юношей, и все что въ послѣдствіи описалъ съ такою испиною Нарѣжный въ своемъ *Бурсакѣ*, было передъ глазами Ломоносова. Въ часы отдыха, и еще болѣе по ночамъ, они выходили на разныя проказы: опустошали огороды, пускались за городъ, пѣли шамъ пѣсни, декламировали — дѣлали многое и хуже. Рѣдко проходило имъ это безъ наказанія, и розги были необходимою принадлежностью ученія для проказливыхъ бурсаковъ.

Благонравный, чистый душою Ломоносовъ не только не вмѣшивался въ ихъ шалости, но и получилъ еще новое отвращеніе отъ безпущ-

ства, которое являлось шупъ въ самомъ некрасивомъ видѣ.

За нѣсколько дней до диспуша, всѣ, даже шалуны, прилежно занялись приготовленіями къ нему. Надобно сказать, что въ Кіевской Академіи искони было введено ученіе самое классическое, чтобы не сказать схоластическое. Тамъ щадательно учились языкамъ Лашинскому и Греческому, а въ Философіи ограничивались искаженнымъ Аристотелемъ, и разбирали способности души человѣческой какъ механическую игрушку.

Ломоносовъ съ любопытствомъ ждалъ соспязанія Кіевскихъ умовъ, и самъ думалъ вмѣшаться въ споры; впрочемъ, онъ помышлялъ объ эшомъ съ робостью, потому что въ Москвѣ рѣдко бывали торжественные диспушы, да и не славились они пакъ какъ Кіевскіе.

Собрано было все Большое братство; шупъ присушествовали также: Рекшоръ, Архимандритъ Амвросій Дубневичъ, Префектъ, Іеронимъ Мишкевичъ, и всѣ учили, въ числѣ которыхъ были извѣстные впослѣдствіи Сильвестръ Кулябка и Михайлъ Козачинскій. Диспушъ долженъ былъ происходить о *философическихъ матеріяхъ*. На средину собранія вышелъ одинъ изъ опытныхъ диспушаншовъ, поклонился на всѣ стороны, и громко сказалъ:

« Я ушверждаю, что блаженства жизни человѣческой ни какія мученія опнытъ не могутъ, и, какъ Перипапешики говорятъ : *блаженная жизнь можетъ войти съ словѣкомъ въ Фаларидова быка.* »

Онъ поклонился еще разъ и ожидалъ оспори-
ваній : они не замедлили.

Выступилъ длинноволосый, длиннолицый че-
ловѣкъ изъ толпы, и началъ :

« Сей быкъ былъ сдѣланъ изъ мѣди, внутри пощъ; Фаларидъ запираетъ въ него людей, и подложивъ огонь, безчеловѣчно ихъ мучилъ. Тѣ-
ло спрадало при семъ; но древняя мудрость
говоришь : *Mens sana in corpore sano.* Блажен-
ство разумѣемъ конечно не одно шѣлесное ,
плотское, а шолико-же и душевное; *но лишь въ*
здравомъ тѣлѣ здравый бываетъ умъ, а въ Фала-
ридовомъ быкѣ было худо уму, поелику пѣжко
было шѣлу; копорое, спрадая, лишаешь и умъ
здравія, каковое для ума и души называется
блаженствомъ. »

— Эшо ясно ! ясно ! — сказали многіе.

Предложившій тему отвѣчалъ :

« *Tenue est mendacium ; perlucet, si vel mini-
mum diligenter inspexeris* (*), говоришь Сенека.

(*) Ложь уверплива; но она видна насквозь, если
разсмотримъ ее внимашельно.

По моему мнѣнію, Перипашепики и древніе Академики пускай говорятъ свободно, не обинуясь, что блаженство жизни въ Фаларидова быка войдши можешь. Подлинно, что болѣзнь кажется бытъ жестокая добродѣтели непріятельница. Сія на оную пламень возжигаетъ; сія мужество, великодушіе и терпѣніе ослабишь грозится. И такъ или уже побѣждена будешь отъ ней добродѣтель? Никакъ, блаженная и постоянная жизнь премудраго мужа ей уступитъ? о Боже мой! Коль-бы скверно сіе было.

— *Приступъ и парафразисъ хороши* — сказалъ Префектъ.

«*Парафразисъ съ пригиною,*» поправилъ его Ректоръ Дубневичъ. »

«Нужны-ли примѣры?» продолжалъ диспутантъ. «Спаршанскія малыя дѣши бичами жестоко терзаемы, болѣзнь сносятъ безъ спенанія. Взрослыхъ юношей множеству видѣлъ въ Лакедемоніи самъ Цицеронъ, какъ между собою съ невѣроятною перешужностью бьются кулаками, пянами, ногами, зубами, и лучше хопятъ бытъ до смерти убиты, нежели сказать, что ихъ одолѣли. Кое варварство есть грубѣе и дичае Индіи? Но во всемъ народѣ, которые премудрыми называются, вѣкъ живутъ наги; Кавказскіе снѣги и зимніе пуши безъ бо-

лѣзні сносятъ, и прикоснувшись пламени, безъ спенанія ожигаются. Женщины въ Индіи, когда ихъ мужъ умреть, спорятъ между собою, копорую онъ любилъ больше, ибо одинъ мужъ много женъ имѣеть; копорая въ спорѣ побѣдитъ, та въ провожаніи своихъ сродниковъ съ веселіемъ на косперъ восходитъ, и съ мужемъ своимъ сожигается; побѣжденная опходитъ печальна. Нашуры никогда-бы обыкновеніе не преодолѣло, ибо она всегда есть непобѣдима; но мы пѣнью мнимаго добра, роскошми, покойнымъ жиціемъ, слабостью и лѣнивствомъ духъ свой заразили. Обыкновенія Египтянъ кто не знаетъ? которые имѣя собственными заблужденіями наполненную голову, всякое мученіе прежде понести могутъ, нежели цаплѣ, или змѣѣ, или кошкѣ, или собакѣ, или крокодилу учинятъ какое поврежденіе, и ежели что имъ не нарочно сдѣлають, однако ни опъ какого за то наказанія не опрекутся. Но сіе говоримъ о людяхъ. Что-же несмысленныя животныя? Не претерпѣвають-ли спужи и голоду? не сносятъ-ли по лѣсамъ и по горамъ шруднаго спранспвованія? не защищають-ли своихъ дѣшей, принимая раны, никакихъ спремленій, никакихъ ударовъ не ужасаясь? Не упоминаю коливо сносятъ и коливо шерпятъ кичливые для чесши, любящіе похвалу для славы, возженные любовію для сласши.»

Въ кругу учителей замѣтно было неодобрительное движеніе при послѣднихъ словахъ.

Диспушансъ продолжалъ :

« Жизнь человѣческая полна такихъ примѣровъ. Даспъ, истинно даспъ себя на мученіе блаженная жизнь, и послѣдую правосудію, воздержанію, а паче всѣхъ мужескву, великодушію и терпѣнію, не оспановишся возрѣвъ на лицо мучишелево. И когда всѣ добродѣтели съ нею на мученіе пойдушъ, не успрашишся, и передъ шемничными дверьми не оспанешся; ибо что скареднѣ бышъ можешъ, и что безобразнѣ, ежели она одна оспавлена, и опъ сего шолликаго сообщества оплучена? Но ни коимъ образомъ сіе спашься не можешъ, ибо ни добродѣтели безъ блаженнаго жипія, ни блаженной жизни безъ добродѣтелей бышъ невозможно.

« И шакъ, оной опъ себя не опшущашъ, но повлекушъ съ собою, къ какой-бы онѣ болѣзни и мученію приведены ни были. Ибо свойственнo ешъ премудрымъ ничего не дѣлашъ, о чемъ-бы они послѣ каялись; ничего въ неволю, но все прехвально, посшоянно, важно и честно; ничего шакъ не ожидашъ, какъ необходимо бышъ имѣющаго, и все что случается, шому не удивляшъся, какъ нечаянному и новому. »

— Убѣдишельно и сильно! — воскликнулъ Префектъ.

«И какая полная хрія! — примолвилъ учитель Ришорики. — Замѣшили-ль, свяшой опецъ, какъ искусно расположены были: *Приступъ, парабразисъ съ пригиною, примѣры, противное и заключеніе?*

— Недоспаешъ, кажется, только часши *свидѣтельства*. Но похвально, похвально — сказалъ Префекшъ.

Новый прошивникъ выступилъ прошивъ диспушанта и началъ шакъ:

— Несомнѣнно естъ, какъ шому бышь надлежилъ, что блаженство не искореняешся ниже огнемъ, мученіями, ниже спраданіемъ каковымъ либо. Но Фаларидовъ быкъ, примѣръ и тема первые, не согласуюшся съ послѣдующими, или, яснѣе, шема и присшупъ не совмѣсны съ заключеніемъ, поелику ввергнушый въ мѣдянаго Фаларидова быка мгновенно испускалъ духъ, исжаривался и превращался въ нѣчто такое нашуральное, кошорое ни силъ душевныхъ, ниже добродѣтелей имѣшь не могло. А спраданіе единое не естъ еще добродѣтель. *Nemo de miserâ vitâ gloriari potest.*

«*Adsuesce et dicere verum et audire!*» (*) съ жаромъ воскликнулъ диспушантъ. «Не объ умершвлѣомъ человѣкѣ, но о живѣомъ предсав-

(*) Научись и говоришь и выслушивашъ истину.

ляемъ себѣ. Таковъ сочувствуетъ блаженству въ Фаларидовомъ быкѣ, примѣрѣ, издавна приводимомъ знаменитѣйшими писателями Древности.

— Въ историческихъ сказаніяхъ находимъ извѣстіе о семъ безчеловѣчномъ мучителѣ — сказалъ оспоривающий. — Но ораторы Древности не приводили въ примѣръ сего пагубнаго пиранства.

«Ораторы Древности приводили его не разъ въ примѣръ,» возразилъ диспутантъ.

— Сіе невозможно есть — сказалъ оспоривающий. — Примѣръ историческій не всегда есть доказательство философическое.

«Мы не встрѣчали сего примѣра,» прибавили двое другихъ.

— Можеть быть онъ и встрѣчается, но не въ великихъ наславникахъ Древности.

«Напротивъ!» рѣзко сказалъ диспутантъ. «Нужно-ли доказательство вамъ?»

— Несомнѣнно необходимо, ибо какъ иначе оцѣнимъ примѣръ? — отвѣчали нѣсколько голосовъ.

«Мы теперь въ области не Краснорѣчія, а Философіи,» сказалъ диспутантъ. «*Fac ut principis consentiant exitus* (*).

(*) Началу пусть соответствуетъ конецъ.

— Подражаніе законъ всѣхъ наукъ и художествъ — возразилъ длиннолицый. — Подражаніе авторамъ, въ расположеніи и изобрѣщеніи мыслей, едва-ли не больше нужно, нежели самыя лучшія правила.

« Умолкните-же и не осуждайте сами себя! » возгласилъ диспушантъ, « Не хочу присвоивать себѣ чужаго. Homo justus nihil cuiquam, quod in se transferat, detrahit (*). Всѣхъ расспроспренныхъ мною въ видѣ хриіа доказательствъ, находящіяся буквально въ Тускуланскихъ *Запросахъ* Цицерона, въ книгѣ 5-й.

Общее одобреніе слѣдовало за эшимъ неожиданнымъ доказательствомъ. Споръ еще продолжился было о томъ, для чего защищавшій перевелъ свои доказательства изъ Цицерона; но такое *подражаніе* считалось истиннымъ совершенствомъ (самъ Ломоносовъ послѣ дѣлывалъ это), и противники диспушанта вскорѣ умолкли, внутренне приспѣшенные тѣмъ, что не знали автора, надъ которымъ корпѣли столько лѣтъ. — Да, тогда изучали авторовъ Латинскихъ, какъ послѣ изучали у насъ Французскихъ стихотворцевъ, и совершенствомъ образованности почиталось знать наизусть всѣхъ

(*) Правдолюбивый не похищаетъ, у кого-бы то ни было, ничего, для присвоенія себѣ.

ораторовъ, какъ послѣ у насъ знали Французскихъ спихотворцевъ великаго вѣка. Привычка къ заимствованіямъ господствовала тогда для Лапінцевъ, какъ послѣ для Французовъ.

Ломоносовъ не спорилъ на этомъ диспутѣ; не спорилъ и на другихъ, пошому что здравый умъ его былъ не доволенъ такимъ философствованіемъ, гдѣ все дѣло заключалось въ словахъ. За то онъ прилежно посѣщалъ лекціи преподавателей Философіи, и, къ удивленію своему, также не былъ доволенъ ими. И шамъ Философія походила на то, что слышалъ онъ во время диспуша. Онъ хотѣлъ прилежнѣе заняться Математишкой и Физикой, но ихъ не преподавали въ Кіевской Академіи. Послѣ этого, удостоверившись, что поѣздка его въ Кіевъ была неудачною попышкой, онъ ходилъ на лекціи только для вида, и большую часть времени посвящалъ чтенію книгъ церковныхъ, Греческихъ и Лапінскихъ. Особенное вниманіе его обратили на себя Русскія лѣтописи, которыхъ нашелъ онъ въ Кіевской библіотекѣ много списковъ. Пылкая голова его всегда искала познаній, истины, но по временамъ была занята однимъ какимъ нибудь предметомъ: теперь пришла очередь Русской Исторіи, которая уже и въ Москвѣ приковала его къ себѣ на нѣсколько времени.

Это естественнo привело его къ изслѣдова-
нію мѣстностей Кіева, гдѣ совершались главныя
событія нашей старой Исторіи. Бродя по бе-
регу Днѣпра, онъ вспоминалъ, онъ воображалъ
по время, когда Великій Владиміръ порже-
сшвенно принялъ Христіанскую вѣру и въ бла-
годашнихъ снруяхъ Днѣпра омылъ Рускихъ
опъ язычества. Онъ предсавлялъ себѣ свирѣ-
паго Свяшополка, мужественнаго Ярослава, и
долгую распрю Князей, раздѣлившую наконецъ
Русь. И вошъ, померкла жизнь старой Руси!
невѣдомые пришлецы овладѣли обширными зем-
лями ея, испребили жипелей; Русь оставалась
въ немногихъ уцѣлѣвшихъ. Прошли столѣтія,
и древнее величіе Кіева исчезло. Русь цвѣтешъ
повою жизнью, но уже не на берегахъ Днѣпра
сердце ея: оно подлѣ смиренныхъ водъ Москвы,
оно у величавыхъ береговъ Невскихъ. Сколько
событій совершилось для такого измѣненія
Россіи! И Ломоносовъ щашедьно спарался
вникнуть въ Историю своего опечесшва. Но
бѣднось источниковъ ея и пылкость соб-
сшвеннаго характера мѣшали ему. Крипика
Русской Исторіи еще не зараждалась тогда, а
его умъ не былъ предназначенъ создать ея.

Въ Кіевѣ былъ во время Ломоносова испин-
ный покровишель просвѣщенія, Архіепископъ
шамошній, Рафаилъ Заборовскій. Труды его
только еще начинались: онъ переспраивалъ

Академіческія зданія, учреждавъ новыя классы, распроспранялъ ученіе прежнихъ, ходапайспововалъ о поощреніи учащихся и учащихся. Сопрудникомъ его былъ Ректоръ Академіи, Амвросій Дубневичъ, кошорый получилъ первый въ эпомъ званіи санъ Архимандриша. Но могъли Ломоносовъ, бѣдный пришлецъ, имѣть доступъ къ эшимъ особамъ? Онъ былъ далекъ отъ нихъ. Ближе узналъ онъ Сильвестра Кулябку, одного изъ преподавателей, кошорый почитался философомъ. Но эпошъ достопамятныи проповѣдникъ и ученый человекъ былъ всегда сполько занятъ, прудами въ наспоащемъ и планами въ будущемъ, что не могъ обращать особеннаго вниманія на Ломоносова, хопя и опличалъ его за умъ и свѣдѣнія.

При шакомъ опчужденіи людей, Ломоносовъ съ радоспью замѣпилъ одного юношу, шо-же учившагося въ Академіи, но еще въ *Маломъ братствѣ*. Эпо былъ знаменииый впослѣдствіи Георгій Конискій, а тогда молодой дворянинъ, Нѣжинскій урожденецъ, исполненный дарованій, высокихъ чувствъ и ума. Онъ съ особеннымъ прилежаніемъ занимался Піишикою и самъ писалъ списхи. Назначая себя къ духовному званію, онъ опличался нравспвенностью самою спрогою, посвящая въ досуги чтенію въ библиотекѣ, и шупъ-шо сблизился съ Ломоносовымъ. Однажды завязался у нихъ разговоръ.

— Послушай, Конискій — сказалъ Ломоносовъ. — Неужели ты хочешь кончить здѣсь свое ученіе ?

« Надѣюсь, если поможетъ Богъ.

— Но эта преданность согласна-ли съ твоимъ желаніемъ ?

« А почему-же нѣтъ ?

— У насъ въ Москвѣ учатъ лучше.

« Зачѣмъ-же ты пріѣхалъ сюда ?

— Мнѣ много наговорили о здѣшней Академіи; да я и не раскаяваюсь : все-таки я увидѣлъ Кіевъ , узналъ здѣшнее ученіе. Но я не останусь здѣсь долго.

« Почему-же ?

— Поэтому что я опущенъ только на годъ; да сверхъ того , я пріѣхалъ сюда учиться Математики , Физики , Философіи , и не нашелъ здѣсь этого. Философія у васъ — пустыя словопренія ; Математикой и Физикой почти вовсе не занимаюся.

« Вотъ, видишь-ли, какое у насъ разное направленіе ! Ты любишь точныя науки, а я люблю легкокрылую Поэзію, сладкогласное Краснорѣчіе ; для этого здѣсь пособій много.

— А развѣ ты думаешь , что я не люблю Поэзіи ? Но я желалъ-бы писать стихи *по-Русски*, говорить рѣчи *по-Русски*. Возможно-ли это ? У насъ нѣтъ ни языка, ни правилъ для Стихотворства и Краснорѣчія.

«Говаривалъ-ли ты объ этомъ съ нашимъ Козачинскимъ?»

— Чшò мнѣ говоришь съ нимъ! Да и неужели ты почишаешь его великимъ человѣкомъ?

— Не великимъ, а умнымъ, краснорѣчивымъ. Я имѣлъ случай прочесть его *Теорію панегиріковъ*: хорошо! Только не понимаю, какъ хочешь онъ, чшобы говоришь рѣчь по наукѣ? Я думаю, для этого надобно что нибудь другое.

«Нѣтъ, любезный Конискій! ты еще слишкомъ молодъ и поному говоришь шакъ. Подражаніе, подражаніе древнимъ ораторамъ — вошъ единое средство Краснорѣчію. Если мнѣ случится говоришь когда нибудь рѣчь, я стану всячески подражать Цицерону.

— А я нѣтъ! я хочу самъ быть Цицерономъ! — пылко воскликнулъ Конискій.

Они оба засмѣялись и Ломоносовъ сказалъ:

«Какъ далеко залезѣли мы! Я хочу подражать Цицерону, а ты и самъ быть Цицерономъ.

— Шутки въ сторону. Скажу тебѣ тайну души моей. Я стараюсь всевозможно изощрить свой умъ науками, изучить правила Краснорѣчія и самому научиться произносить ораторскія рѣчи, для того чшобы дѣйствовать на умы, ко благу Церкви и нашей православной Императрицы. Говорящъ, что въ наше время Краснорѣчію шѣсно поприще. Но посмотри

что дѣлается съ нашими братьями въ Польшѣ: Уніапы, Каполики приишѣсняють, оскорбляютъ ихъ. Я хочу защищать ихъ *словомъ*, потому что не могу гремѣть оружіемъ противъ гонителей нашей Церкви. Въ устахъ орапора, истиннаго орапора, слово шакъ-же сильно и спрашно, какъ мечъ въ десницѣ воина.

Ломоносовъ смѣялся надъ Конискимъ, считая его пылкимъ мечшателемъ. Онъ еще не зналъ, какіе громы будутъ лепашъ нѣкогда изъ устъ этого защитника православныхъ! Онъ не зналъ, что изъ пылкаго юноши образуется краснорѣчивѣйшій Русскій орапоръ, который будетъ прогашъ и услаждашъ Царей.

Между тѣмъ, вскорѣ Ломоносовъ рѣшительно спашъ скучашъ въ Кіевѣ и просишъся назадъ въ Москву. «Что мнѣ пушъ дѣлашъ?» думашъ онъ. «За тѣмъ-ли я пріѣхашъ сюда, чтобы слушашъ ихъ словопренія? Нечему научишъся мнѣ у нихъ, если и здѣсь не вижу я своей любимой науки о природѣ. Поѣду назадъ, въ Москву. Тамъ скоро долженъ кончишъся курсъ моего ученія. А послѣ него увидимъ.»

Съ такими мыслями, онъ изъявилъ желаніе возвраишъся въ Московскую Академію. Его не удерживали. Нашлись какіе-то сопутники и онъ опшправился съ ними, по той-же дорогѣ, по кошорой ѣхашъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Такимъ образомъ, въ Кіевѣ Ломоносовъ не про-

былъ и году. Онъ совершенно разочаровался
памъ опъ всѣхъ надеждъ, съ какими ѣхалъ
впередъ, и оставилъ безъ сожалѣнія Кіевскій
разсадникъ наукъ. Только добраго, пылкаго
Конискаго жаль было ему ославить, можетъ
быть для того чѣобы уже болѣе не свидѣться
съ нимъ. Пупи эгихъ двухъ необыкновенныхъ
человѣкъ были различны.

Глава VI.

Ломоносовъ возвратился въ Москву съ нѣкоторою робостью : онъ боялся встрѣпить прежнія недовольныя лица своихъ наставниковъ , не охотно опускивавшихъ его въ Кіевѣ. Друзей-товарищей у него не было ; а безъ нихъ кому встрѣпить и успокоить пріѣзжаго ? Однакожъ онъ пошчасъ увидѣлъ , что опасенія его были напрасны. Въ это время , и Ректоръ и Префектъ были новые, очень хорошо расположенные къ нему, потому что имя Ломоносова уже славилось въ Академіи , такъ , что когда онъ явился къ новому Префекту, Антонію Кувичинскому, этотъ почтенный человѣкъ встрѣпилъ его съ радушнымъ видомъ , и началъ говорить какъ съ старымъ знакомымъ.

— А! Г. Ломоносовъ ! здравствуй, любезный другъ , здравствуй ! Скоро , братъ , возвратился ты.

«И жалѣю, что не послушалъ нѣхъ, которые не совѣщали мнѣ ѣздить въ Кіевъ.

— А что ? развѣ тебя дурно приняли тамъ ?

« Нѣтъ, я благодаренъ наставникамъ и властямъ Кіевской Академіи; но я имъ, а они мнѣ были чужды.

— Ошъ чего-же такъ ?

« Философическій кругъ ихъ ученія не былъ для меня удовлетворителенъ, а наукамъ словеснымъ я не учился тамъ, потому что проходилъ ихъ здѣсь. Я ѣхалъ особенно для Математики и Физики, а именно эсихъ наукъ нѣтъ въ Кіевской Академіи.

— Чѣмъ-же ты занимался тамъ ?

« Ходилъ на философическія лекціи, на диспуты; а больше всего читалъ книги въ Академической библіотекѣ.

Префектъ началъ спрашивать его; Ломосовъ ошвѣчалъ, хваля многое, умалчивая о многомъ, и особенно превозносилъ попеченія Преосвященнаго Рафаила о наукахъ, просвѣщеніи, и благочиніи. Довольный его разсказами, Префектъ сказалъ наконецъ :

— И такъ, ты поступаешь теперь въ Ришорическій классъ, къ ошцу Порфирію Крайскому. Надѣюсь, что будешь учиться по прежнему, шо есть хорошо.

« Постараюсь удвоить силы, чтобы оправдать милоспивое вниманіе ваше.

— А былъ-ли ты у Архимандриша ?

« Нѣтъ еще.

— Иди-же, съ Богомъ, къ нему.

Явившись къ Архимандриту, Ректору Спешану Калиновскому, Ломоносовъ нашелъ у него пріемъ сколько-же радушный какъ и у Префекта. Ректоръ далъ ему нѣсколько наставлений паспырскихъ, и благословилъ на новыя труды.

И вошъ Ломоносовъ опяшъ въ Москвѣ, въ прежнемъ жилищѣ, какъ будшо не ѣздивши въ Кіевъ!

Въ эшо время онъ узналъ одного замѣчательнаго челоука, Даніила Свѣчкова, кошорый училъ въ Академіи Лашинскому слогу, и еще не былъ посприженъ. Даніилъ опличался опкрытымъ умомъ, ученосшью и рѣзкимъ краснорѣчіемъ. Для усовершенствованія себя въ Лашинскомъ слогѣ, Ломоносовъ спалъ учипся у него, и шущъ-шо понялъ глубокую душу эшого челоука, кошораго онъ прежде зналъ поверхностно. Показывая наружное презрѣніе къ почестямъ, Даніилъ былъ гордъ собшвеннымъ достоинствомъ. Въ разговорахъ съ Ломоносовымъ, онъ изъявлялъ высокія надежды на будущее.

«Трудъ и добро не останушя безъ награды!» говаривалъ онъ. «Я пружусь шеперь; награда будешъ послѣ. Моженъ бынь мы встрѣшимся съ шобой, Михайло, на иномъ поприщѣ и въ

иныхъ обстоятельствъ. Между шѣмъ , шрудись, другъ мой.»

Ломоносовъ усердно слѣдовалъ этому совѣту, шрудился, и оказывалъ такіе успѣхи, которые не могли быть не ошличены. Вскорѣ начали его спавишь въ примѣръ другимъ , и не только за одни знанія , но и за поведеніе , чистое, безупречное , смиренное и вмѣстѣ благородное.

Но таково сердце чловѣка , рожденнаго съ пламенными спраспями : Ломоносовъ скучалъ однообразіемъ жизни и занятій своихъ! Часшо, среди самыхъ пылкихъ изученій , онъ невольно покидалъ книгу и сѣповалъ на неудовлешворишельность своего направленія. Дѣлишься думами было ему не съ кѣмъ ; онъ разсуждалъ самъ съ собой.

« Когда-же кончится эша монастырская , зашворническая жизнь ? Скоро-ли найду я пищу всѣмъ способностямъ ума, и волю для своихъ занятій ? Добры, благодѣшельны мои наспавники ; но я начинаю видѣшь односторонность въ ихъ учености и въ ихъ направленіи. Они опреклись опъ міра , а я хочу дѣйствовать въ немъ ; они идуть къ своей цѣли , а я (кто знаетъ ?), можешь бышь удаляюсь опъ моей ! Пора, пора оспавишь мнѣ эшопъ монастырскій міръ и бышь въ кругу людей , ученыхъ не для кельи. Неужели нѣтъ учености свѣшской ?

Сполько лѣпшѣ ишу я средствѣ для заняшій науками математическими, и не нахожу ихъ. Право, если-бъ у меня были крылья, полетѣлъ-бы куда нибудь за моря: можешъ бышь шамъ есть училища, о копорыхъ вздыхаю шеперь въ спѣнахъ монаспыря.»

Но онъ вскорѣ одумывался, находилъ свои мысли дерзкими, раскаявался въ нихъ, и принимался за прежнее ученье.

Зимою 1734 года, неожиданно посѣщилъ его старый пріятель и невольный благодѣтель Пименъ Никишичъ. Ломоносовъ съ удовольствіемъ увидѣлъ человека, копорый зналъ опца его, и былъ для него самого хоща мгновеннымъ пушеводцемъ на поприщѣ жизни; но непріятное чувство пробудилъ онъ въ душѣ Ломоносова, когда началъ слѣдующее нападеніе:

— Такъ-шо, брашъ, Михайло, шакъ-шо; живемъ, живемъ, да и свидимся; шолько жаль, что дѣлишки-шо швои все плохи. Не наскучила-ли тебѣ эша горькая жизнь?

«Почему-же, Пименъ Никишичъ, вы называете ее горькою?

— Да какъ-же, брапецъ! посмотри шы на себя.

«Слава Богу, я здоровъ.

— Здоровъ, да въ лохмотьяхъ, да питаешся хлѣбомъ съ водичей.

«Здѣсь не Курооспровская волоснь; моря нѣтъ, а въ Москвѣ рѣкъ рыбы мало,» сказалъ усмѣхаясь Ломоносовъ.

—То-шо, братъ, шо-шо. Эхе, хе!... сберись-ка ты съ умомъ, да воропись домой, къ опцу.

«Зачѣмъ? Чтобы слышать брань злой ма-чихи?... Бить-шо себя теперь я ужъ не позволю!»

—Да и она не спанеть бить, какъ у тебя будетъ молодая жена. А какую красавицу я высвапалъ-бы тебѣ!

«Благодарю васъ за дружбу, Пименъ Никишичъ! Но гдѣ мнѣ, бѣдняку, думаешь о женихѣхъ!»

—Бѣденъ ты, да отецъ швой богачъ; онъ-то и велѣлъ мнѣ, еще поговорить тебѣ объ эшомъ. Право, братъ, чыхъ-же и совѣшовъ слушаешь какъ не ошцовскихъ.

«Я уже слышу эшо предложеніе не отъ первыхъ васъ, Пименъ Никишичъ, но сказалъ начисто, что не ворочусь въ свою деревню и не хочу жениться.

— Не хочешь, шакъ Господь съ шобой! мое дѣло спорона. А богачую-бы дѣвку ошдали за тебя.

Чувство досады волновало юношу, уже высоко стоявшаго надъ эшимъ міромъ, въ кошоромъ безвыходно жилъ Пименъ Никишичъ.

— Вы издѣваетесь надо мной, Пименъ Никишичъ. Женишься, и на богатой, уговаривали меня, когда я былъ еще въ своей деревнѣ: я бѣжалъ опшуда; а шеперь, когда я сполько лѣтъ просидѣлъ надъ книгами, эшо ужъ вовсе мнѣ не подѣ спашь.

«Да вѣдь, право, брашъ, лучше жишъ съ женой, чѣмъ съ сумой.

—Во-первыхъ, я не нищій, и съ сумой, благодаря Бога, еще не хаживалъ....

«Экой, брашець, да вѣдь эшо такъ говорится шолько.

—Во-вторыхъ, всякой живешъ на свой ладъ. И безъ меня много охотниковъ женишься. А въ-прешьхъ и въ послѣднихъ, прошу васъ не говоришъ мнѣ объ эшомъ.

«Да почему, брашець, не говоришъ? дѣло ясное....

— Не для всѣхъ. Я понимаю, что вашъ совѣтъ не годился мнѣ, а вы не поймете, когда я скажу вамъ, что ни за какія деньги не соглашусь оставить своей бѣдности: она мила мнѣ, пуще всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ мірѣ.

«Трудненько и понять эшо, брашъ, Михайло! Не худо, какъ побольше денегъ: такъ я разумѣю своимъ глупымъ умишкомъ» — сказалъ съ увѣренностью Пименъ Никишичъ.

— Эши деньги были-бы для меня угліе гб-
ряціе ! . . .

«Да какіе уголья! Чпо-шы, чпо-шы !

— Полноше, Пименъ Никишичъ ! миѣ пора въ
классъ. . . .

«Въ какой классъ ? . . . Да шы, кажешся, ужъ
начинаешъ сердиться.»

Онъ ушелъ, сказавши еще нѣсколько своихъ
поговорокъ.

— Вошъ человекъ ! — вскричалъ невольно Ло-
моносовъ , оспавшись одинъ , и попомъ съ го-
решью подумалъ : « И съ такими-по людьми
былъ я осужденъ прожить вѣкъ ! И они-по хо-
тянъ ворошипъ меня къ себѣ ! Нѣтъ, я докажу
имъ, чпо можешъ сдѣлать смѣлая мысль , заро-
дившаяся въ головѣ мальчика они увидяшъ
наконецъ свое невѣжесиво Но когда бу-
дешъ это ?

Онъ задумался.

Наступилъ Январь 1735 года. Надобно было
получать жалованье. Сколько, думаете вы, по-
лучилъ Ломоносовъ , за всю шрепъ ? *Три рубля
пятьдесятъ копѣекъ !* Но и по казалось ему бо-
гашесвомъ , при наступленіи каждой новой
шрепи , попому чпо къ концу прежней онъ
часто забиралъ въ долгъ квасъ и хлѣбъ.

Около эшого-по времени, по естъ въ нача-
лѣ 1735 года, изъ Пешербургской Академіи

Наукъ, не за-долго основанной по мысли Пепра, получено было въ Московской Заиконоспасской Академіи пребываніе, самое благопріятное для Ломоносова. Требовали нѣсколько человѣкъ семинаристовъ, которые уже разумѣли-бы по-Латински, для обученія ихъ Физикѣ и Машемашикѣ у Пешербургскихъ Профессоровъ.

Извѣстіе объ этомъ поспѣшъ разнеслось по Московской Академіи, и общій голосъ поварищей обрекалъ Ломоносова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, на опшравленіе въ Пешербургъ. Многіе, боясь *Нѣмцевъ*, радовались, что ихъ не пошлютъ изъ родимой Москвы. А онъ?

Онъ съ восторгомъ услышалъ радостную для него вѣсть, и, боясь какого нибудь неожиданнаго препяпсшвія, даже не хотѣлъ вѣришь, чтобы судьба такъ благосклонно выполнила давнее его желаніе. Просишь своихъ начальниковъ онъ не смѣлъ; но они сами вспомнили о немъ.

Призывъ къ Ректору заспавилъ его содрогнувшись онъ перепѣнія и неизвѣстности. Съ безпокойствомъ явился онъ; но веселый видъ Архимандрита оживилъ его.

—Вошь, брапецъ — сказалъ Ректоръ — какъ чудны пупи Провидѣнія! Ты давно желалъ учишься Машемашикѣ и Физикѣ?

«Эшо извѣстно Вашему Высокопреподобію.

— Желаніе пвое можешъ пеперь исполнишья. Академія Наукъ пребуешъ опъ насъ хорошихъ семинарисшовъ, именно для обученія Физикъ и Матемапикъ. Надѣеься-ли пы на себя и желаешъ-ли ѣхашъ въ Пешербургъ?

«Молю Ваше Высокопреподобіе объ этомъ! Способности мои вамъ извѣсны, и вы лучше можете судить, достоинъ-ли я вашей великой милости.

— Да дѣло, брашець, въ томъ, что я едва-ли могу тебя опправить. . . .

Ломоносовъ перемѣнился въ лицѣ опъ внутренняго движенія.

— И все потому, что пы собственно не принадлежишь къ нашей Академіи! Ты не семинарисшъ, а опъ насъ пребуюшь именно семинарисшовъ. Ты здѣсь Богъ знаешъ какъ: *по милости!* А дѣло новое, щекопливое. Право, я опа-саюсь. . . .

Ломоносовъ не имѣлъ силъ говорить.

— Я зналъ, что это огорчишь тебя, и при-звалъ къ себѣ распросишь еще кое о чемъ. Хочешъ-ли, я опправляю тебя какъ семинариста?

«Гоповъ исполнишь все, что прикажете.

— Но вѣдь разъ записавшись въ семинариспы, пы будешъ долженъ исполнять всѣ ихъ обязанности. Какъ воспитаннаго на иждивеніи Ду-ховнаго Начальства, тебя могушь опредѣлить въ духовное званіе.

« Признаюсь , Ваше Высокопреподобіе , я не чувствую никакой склонности къ этому званію.

— Ну, вопшъ видишь-ли! А одно естъ слѣдствіе другаго.

« Я не умѣю ничего совѣщовать вамъ , и только молю о заснушеніи.

— Да я, братецъ , радъ , но какъ поступить , ума не приложу ! Твои успѣхи въ наукахъ и доброе поведеніе сполнѣ похвальны , что я желалъ-бы оказать тебѣ всякое пособіе , но не знаю подъ какимъ *титломъ* ошправить тебя въ Петербургъ.

« Ошправьте меня , Ваше Высокопреподобіе , просто какъ Михайлу Ломоносова , и повѣрьте , что я не попыжусь Академіи нашей , гдѣ сполько лѣтъ просвѣщаль свой разумъ .

Архимандришъ усмѣхнулся . — Да этого нельзя сдѣлать : съ именемъ надобно еще званіе . Что я значу какъ Стефанъ Калиновскій ? но Ректоръ и Архимандришъ имѣютъ нѣкоторое значеніе .

Одушевленный Ломоносовъ воскликнулъ :

« Кто знаетъ , Ваше Высокопреподобіе , что я , можетъ быть , и просто какъ Михайло Ломоносовъ , буду значить что нибудь !

— Если не гордоспъ говорите это въ тебѣ , то сознаніе собшвенныхъ силъ похвально . Я желаю тебѣ прославить свое имя , но шперъ надобно думать не о томъ .

«Неужели-жъ для меня погибнетъ случай, можешь быть единственный?»

—Нѣтъ, я поспараюсь чтобы этого не было. Но такъ какъ ты не хочешь всшупить въ званіе семинариста, то я долженъ придумать что нибудь другое. Спуй съ Богомъ.

Съ горестію вышелъ опъ него Ломоносовъ. Лестная надежда его, близкая къ исполненію, улешала, вырывалась изъ рукъ. Онъ почти плакалъ, думая объ этомъ, и обратился къ единому защитнику сирыхъ, Богу. Теплая молитва его вскорѣ была услышана.

Черезъ три дни послѣ разговора съ Ректоромъ, Ломоносова опянь позвали къ нему. Онъ пошелъ, ожидая почти вѣрнаго неуспѣха, но Архимандритъ лишь только увидѣлъ его, какъ воскликнулъ:

—Ты ѣдешь въ Петербургъ! препятствія всѣ устранены.

Ломоносовъ кинулся цѣловать его руку, но Архимандритъ поцѣловалъ его самъ, и спѣшилъ сказать :

—Не меня, не меня благодарить долженъ ты, а милосердную благосклонность Высокопреосвященнаго Теофана.

«Какъ?» воскликнулъ изумленный Ломоносовъ.

— Онъ самъ удостоилъ писать въ Академію нашу, и просилъ отправить извѣснаго ему

своими успѣхами въ наукахъ, студента Михайлу Ломоносова. Его слово могущественно, нѣтъ болѣе, что онъ беретъ тебя подъ свое высокое покровительство и общается непременно помѣстивъ въ число студентовъ Петербургской Академіи.

«Неужели Высокопреосвященный вспомнилъ обо мнѣ?» радостно спросилъ Ломоносовъ.

— Какъ видишь самъ! И не только вспомнилъ, но особенно ходатайствовалъ о тебѣ, общая и впредь свое покровительство.

«Какъ возблагодарю я Высокопреосвященнаго?..

— Новымъ прилежаніемъ, новыми успѣхами. Богъ одарилъ тебя способностями: не угадай ихъ, Михайло, но постарайся употребить все во благо.

«Эшо голосъ души моей! Ваше Высокопреподобіе говорите то, что давно есмь мой первый общій».

— Безъ предспашельства Высокопреосвященнаго, мы не могли-бы отправить тебя, не смотря на все желаніе тебѣ добра. Я и отецъ Префектъ хотѣли даже испрашивать на это особеннаго разрѣшенія. Но письмо Архіепископа окончило все; при такомъ засшупникѣ, ты можешь ѣхать смѣло.

Воспоргъ Ломоносова былъ невыразимъ. Онъ съ поржесствомъ возвратился въ свою камеру,

и съ гордостью глядѣлъ на все окружавшее его, понимая, что только личныя достоинства проложили ему путь къ новымъ успѣхамъ. Послупокъ Теофана также запечатлѣлъ въ душѣ его глубокую признательность къ этому великому архипастырю. Можетъ быть, онъ прежде всѣхъ опдалъ истинную справедливость дарованіямъ Холмогорскаго бѣглеца, тогда замѣчательнаго только одною спрашью къ ученію, и успѣхами въ наукахъ, необходимымъ слѣдствіемъ эшой благородной спраши.

Ломоносову нечего было долго собираться къ опѣзду; но другіе выбранные изъ Академіи студенты собирались не такъ скоро. Почти у каждаго изъ нихъ были родспвенники, а у нѣкоторыхъ и родиспели; они оппускали ихъ въ Песербургъ какъ на край свѣта, приходили плакаться вмѣстѣ съ ними, шили для нихъ новое плашье, снаряжали ихъ какъ на свадебный пиръ. Многіе избранные даже опказались опъ поѣздки, и умѣли опдѣлаться разными пустыми предложениями: у одного было слабо здоровье, у другаго нашлась преспарѣлая бабушка, и такъ далѣе.

Бодрѣ всѣхъ, радостиѣ всѣхъ былъ Михайло Ломоносовъ, кошорый не зналъ крова, не имѣлъ приспанища, ни родныхъ, и подвигался ближе къ своей цѣли опправляясь въ Песербургъ. Какія картины рисовало передъ нимъ

воображеніе ! Тѣсный міръ , въ коіпоромъ жилъ онъ до сихъ поръ , давно сдѣлся скучнымъ , тяжкимъ для него ; самые окружающіе , почти исключительно духовные , наскучили ему. Онъ хотѣлъ новаго , желалъ бытъ въ свѣтѣ , а не въ монастырѣ ; онъ надѣялся , что свѣтскіе ученые , какъ истинные его братья , примутъ молодого ученаго въ свое общество , и раскроютъ передъ нимъ всѣ тайны науки. Какія тайны ? это представлялось ему чѣмъ-то не яснымъ , однако чрезвычайно обольстительнымъ. Даже имя *Академіи Наукъ* такъ хорошо звучало въ ушахъ его ! А самый Петербургъ , этотъ городъ , возникшій по мановенію генія , еще не такъ блестящій тогда какъ теперь , но уже славный , какъ средоточіе Правительсва , какъ сборище ученыхъ , вызванныхъ попечительными Царями Русскими изъ западной Европы , какъ мѣсто многихъ , дополнѣ невѣдомыхъ заведеній ? Петербургъ увлекалъ теперь Ломоносова , гдѣ надѣялся онъ вступитъ на истинное поприще для дѣятельнаго ума.

Въ назначенный для отъѣзда день , приказано было всѣмъ отправлявшимся явиться къ Архимандришу и къ Префекту , для благословенія. Они совершили молитву и сначала пришли къ Архимандришу. Этотъ человекъ , благодѣтель и попечитель ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ , расстался съ ними съ чувствомъ , осо-

бенно обрашилъ рѣчь къ Ломоносову, къ нѣкоторымъ другимъ, и наконецъ пожелалъ всѣмъ успѣховъ и счастія. Префектъ сдѣлалъ имъ кромѣ шого нѣсколько наспавленій, и также напушпвовалъ добрыми желаніями.

Во дворѣ монастырскомъ ожидала ихъ иная сцена. Тутъ собралось множеспво спарухъ, мальчишекъ, и всякаго народа. Начались обниманья, цѣлованья, слезы, почти крикъ и вопли. Монахъ, онсправлявшійся въ видѣ дядьки съ молодыми людьми, уговаривалъ всѣхъ пише изьявляпъ свою горесъ, но эшо не помогало. Между шѣмъ въ шѣлеги погрузили множеспво мѣшечковъ, сверпочковъ со всякой всячиной; кульки съ пирогами и калачами слѣдовали шудаже; наконецъ посадили и господъ спуденшовъ. Не извѣсно кпѣ были они; извѣспенъ одинъ изъ нихъ: Михайло Ломоносовъ. Онъ бодро вскочилъ на шѣлегу, и шолько пожалѣлъ, что много мѣспа опняли всякими запасами, шакъ что и сидѣпъ спало нѣгдѣ.

Прѣхавши заспаву, куда провожали родспвенники своихъ милыхъ ребятъ, повѣздъ оспановился. Сошли съ шѣлегъ, начали молишъся на Московскія церкви, и опяпъ рыдапъ, плакапъ, цѣловашъся. Одна изъ спарушекъ, по видимому сохранявшая болѣе другихъ терпѣнія, сказала своему сыну:

— Смошри-же шы, Гаврюша, будь уменъ.

Нескладный парень ошвѣчалъ ей комически-печально:

«Буду, мапушка.

—Учись хорошенько, а пуще всего, помнишь, берегись шрехъ искушеній : чарки , шабаку , да зерни.

«Буду, мапушка.

— Не забывай своихъ родителей.

«Не забуду, мапушка.

— Ходи въ церковь Божію , уважай священство. . . .

Тутъ раздался громкій голосъ провожааго монаха :

—Пора! пора! что за слезы, друзья мои. Садись, съ Богомъ.

Всклипыванія, жалобы, плачь удвоились, а мужественная спарушка продолжала :

— Смотри-же, Гаврюша, помни родительскія наставленія.

«Буду помнишь, мапушка.

—Боюсь я, дитяшко мой, чтобы ты къ чаркѣ-то не прильпился. Въ ней-то и кроется Сашана !

« Не бось, мапушка, не стану пить.

— Будешь ты шамъ съ Нѣмцами , не учись у нихъ пабачище-то куришь. Это вѣдь смершнй грѣхъ. . . .

«Буду помнишь, мапушка.

— А пуще того, спануть себя Нѣмцы соблазнятъ пить кофей: не пей; знай, что онъ изъ Іудина чрева выросъ.

Невольно улынулся Ломоносовъ, слыша эпі родителескія наставленія. Онъ думалъ: «Въ при минуты хочешь она выучитъ своего сына всему, что почищаетъ добрымъ! Возможно-ли это, и къ чему это, если въ сердцѣ его прежде не посѣяны сѣмена добродѣтелей?»

Но какъ ни странны казались ему слова спарухи, а невольная грусть запала въ его сердце, когда онъ сообразилъ, что въ эпіхъ просподушныхъ наставленіяхъ кроется любовь материнская; что не умѣя выразить чувствъ своихъ, спарушка превосходно выражаетъ одно: неизмѣримую любовь свою къ сыну; она спрашивая всего: гнусныхъ пороковъ и мѣлкихъ предразсудковъ, и спрашивая попому именно, что горячо забоишься о своемъ сынѣ. Да и вся эпіа, можешь быть безобразная сцена разсаванья, что выражала она какъ не горячность родныхъ, пугающихся неизвѣснаго будущаго? Зачѣмъ смотрѣшь только на обманчивое наружное? Подъ эпіми бѣдными одеждами, подъ эпіми несносными слезами и смѣшными наставленіями, вы видите людей, которые еще не вовсе упростили нѣжность чувствованій. А ны, пришлецъ, самовольный изгнанникъ изъ родителескаго дома, кто позабоишься о себѣ?

Ты самъ разорвалъ всѣ узы родства, бросился въ міръ, тебѣ неизвѣстный; ты вымаливаешь у людей состраданія, участія, и они холодны къ тебѣ, они безъ великодушія даютъ тебѣ кусокъ хлѣба и уголь, но не могутъ дать того, чего нѣтъ у нихъ для тебя—любви родственной! Для другихъ, она неистребима въ сердцѣ, связанномъ съ ними священными узами; она всегда готова на пожертвованія, на услуги, на вольныя изъявленія дружбы и невольныя слезы; а для тебя?... Спрашисъ утратишь чувство къ эпой святой любви, и не смѣйся надъ тѣмъ, чего нѣтъ для тебя въ мірѣ. Ты одинокъ посреди людей, и долженъ все покупать у нихъ услугою, прудомъ, превосходствомъ силы.

Такъ думалъ Ломоносовъ, и грустно было сердцу его. Онъ одиноко помолился, въ послѣдній разъ, святымъ Московскимъ угодникамъ, и сѣлъ опять въ тѣлегу, уже вмѣстѣ съ провожаемымъ монахомъ, который избралъ его себѣ сопутникомъ, собесѣдникомъ, и помощникомъ. Монахъ слышалъ о хорошей славѣ, объ опличныхъ дарованіяхъ пришлеца Холмогорскаго, и хотѣлъ на него свалишь половину своихъ занятій, потому что, можетъ быть, не надѣялся одинъ управиться съ толпою подчиненныхъ ему юношей. Онъ велѣлъ Ломоносову крѣпко смотрѣть за ними, не позволяя имъ оплучаться, не позволяя ссориться другъ съ

другомъ. «Бѣда мнѣ, коли въ дорогѣ случится что нибудь, не доброе для славы нашей Академіи!» воскликнулъ онъ. «Тамъ воспишывающія не ученые, а забіяки, скажутъ въ Петербургѣ.»

Но опасенія добраго монаха были напрасны. Ошправленные съ нимъ семинаристы были смиренныя ребята, и во всю дорогу они очень скромно пили, ѣли, спали, и забавлялись только пѣніемъ псалмовъ. Монахъ былъ очень доволенъ эпимъ и приписывалъ успѣхъ своего путешествія Ломоносову, копорый однакожъ мало занимался своими товарищами, пошому что весь занятъ былъ собственною своею судьбою.

«Наконецъ буду я подъ руководствомъ истинныхъ ученыхъ!» думалъ онъ. «Я изучалъ до сихъ поръ только словесныя науки; но теперь-то начнешя истинная, основная наука. Природа, со всѣми своими шайнспвами, раскроется передъ моими глазами; земля и небо краснорѣчивѣе заговорятъ уму; сердце не будетъ сжиматься опъ неудовлешворяемаго любопытства.»

Увидимъ, сбудутся-ли надежды и предположенія юноши; не разочаруетъ-ли его и претій городъ, какъ разочаровали два первые. Сначала Москва была единственной цѣлю его, для копорой оспавилъ онъ родину, и бѣжалъ черезъ сѣга всей сѣверной Руси; но Москва уже дав-

но перестала удовлетворять его жажду къ познаніямъ, его неперпѣливый, испытательный духъ; онъ искалъ высшаго просвѣщенія въ Кіевѣ, и слишкомъ скоро увидѣлъ свою ошибку. Теперь, какъ будто сама судьба увлекала его на берега Невы, въ юный городъ, основанный волею Петра. Все это: Пётръ, осѣняющій свое созданіе; новая ученость людей свѣтскихъ, и сами они, эти люди, новые для Ломоносова; Теофанъ, уже два раза двигавшій его впередъ, на трудномъ пути жизни; перемѣна жребія, даже близость къ милому сѣверу, все являлось въ его воображеніи, все занимало его почти непрерывно. Онъ едва замѣчалъ какъ проходили дни, какъ исчезало разсипаніе подъ лѣтними ногами коней, которые по видимому не поропились въ Петербургъ. Наконецъ Великій Новгородъ мелькнулъ передъ глазами путешественниковъ, и Ломоносовъ успѣлъ зайдши только помолившись Святой Софіи, въ знаменитомъ Новгородскомъ соборѣ.

Г л а в а VII.

« Не воображайте первобытнаго Рима такимъ, каковъ былъ онъ во время своего величія, » сказали Монтескьё. Не будемъ воображать, что и Пешербургъ, черезъ штридцать два года послѣ своего основанія, былъ уже городъ великолѣпный. Напротивъ, это были кой-гдѣ разбросанные дома и лачуги, посреди которыхъ возвышались немногія обширныя зданія. Даже расположеніе его было совсѣмъ не похоже на нынѣшнее. Адмиралшейская сторона, гдѣ красуются теперь лучшія зданія, гдѣ видимъ истинное средоточіе города, тогда была самою ненаселенною частью Пешербурга. Дикіе лѣса, пундры и болоша почти примыкали къ Невѣ на нѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ красивая Липейная, великолѣпные каналы и единственныи Невскій проспектъ. Только напротивъ крѣпости, внизъ по лѣвому берегу рѣки, простирались зданія довольно видныя, между прочимъ домъ бывшій Меншикова, и Адмиралшайство; но во-

обще эта часть города была населена флотскими офицерами, мапрсами и разными рабочими людьми. Слѣды Пепра еще были живы черезъ десяти лѣтъ послѣ его кончины, когда пріѣхалъ шуда Ломоносовъ.

На берегу Невы, съ жадностью глядѣлъ онъ на эти исполинскіе слѣды: они были видимы въ начатыхъ и часпію оконченныхъ строеніяхъ, въ швердынѣ, кошорая возвышалась на пропиво-положномъ берегу, и всего болѣе въ огромной мысли, вознесши столицу *Русской части свѣта* на болошахъ Ингерманландіи. Жизнь и дѣятельность кипѣли по обоимъ берегамъ Невы, и показывали, что мысль Пепра благословляетъ Небо, что она довершилась его наслѣдниками, и сдѣлается долговѣчнымъ его памяшникомъ, передъ кошорымъ ничтожны кажутся всѣ памяшники міра. Въ самомъ дѣлѣ, Пешербургъ, живая мысль Пепра, увѣковѣченная въ границѣ, и безпрерывно одушевляемая новыми поколѣніями, составляетъ такой оригинальный, чудный, единственный памяшникъ этого генія, что передъ нимъ жалки мершвы громады Египетскихъ пирамидъ. Вся Россія была поприщемъ его безсмертныхъ подвиговъ; она вся носитъ печать его шрудовъ, его заботливости о нашемъ благѣ; но только Пешербургъ выражаетъ вполне этого генія, Пешербургъ, любимое дѣло его, кошорое началъ онъ лелѣяи своими руками.

Тутъ, на пространствѣ немногихъ верстъ, вы можеше изучить Пешра, лучше нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ обширнаго его владѣнія; шутъ Пешръ во всемъ своемъ величьи, со всею смѣлостью, упорствомъ, и даже съ нѣкоторыми слабостями генія, благодѣтельнаго для Россіи.

Пушешественники переправились черезъ Неву въ лодкахъ и вышли на Васильевскій островъ, къ зданію Академіи. Ломоносовъ искалъ глазами тѣхъ необыкновенныхъ людей, съ которыми гошовился теперь жить. Это всегда естественнo въ молодомъ человѣкѣ, робко вступающемъ въ шотъ городъ, гдѣ живетъ много людей, извѣстныхъ ему своими дарованіями, ученостью, славою. Въ каждомъ встрѣчающемся думаетъ онъ видѣть ихъ, или по крайней мѣрѣ достойныхъ жить близко нихъ. Его не столько занимаетъ новостъ самыхъ блестящихъ предметовъ, сколько мысль о близости, о присутствіи этихъ важныхъ для него лицъ. Тутъ все кажется значительнымъ, потому что все это близко къ нимъ. Мысль о такихъ людяхъ переживаетъ ихъ, и приводитъ въ благоговѣйный шрепетъ вступающаго въ замокъ Валленштейна, въ келью Люшера, въ кабинетъ Ньютона.

Ломоносовъ не зналъ даже именъ тѣхъ великихъ мужей, къ которымъ пріѣхалъ учиться; однако онъ воображалъ ихъ чѣмъ-то удиви-

пельнымъ, не похожимъ на то, что видѣлъ до сихъ поръ. Съ неперпѣливымъ ожиданіемъ основился онъ, вмѣстѣ съ другими, подлѣ дома Академіи, и между тѣмъ какъ провожающій ихъ пошелъ узнавать, куда и какъ помѣстятся пріѣхавшихъ съ нимъ студеновъ, онъ ждалъ необыкновенной встрѣчи, привѣтливыхъ вопросовъ, и перебиралъ въ умѣ всю свою ученость, приготавливаясь ошвѣчать.

Прошло съ полчаса.

Монахъ возвратился и сказалъ, что имъ велѣно идти въ Гимназію, состоящую подлѣ вѣдомствомъ Академіи.

— А не въ Академію?—спросилъ Ломоносовъ.
«Нѣтъ, въ Гимназію.

Голова поникла у неперпѣливаго Ломоносова. Онъ не зналъ, что въ Академіи не было классовъ, и что это высшее ученое мѣсто представлено для занятій не ученическихъ.

Ни одного знамениаго человека не видалъ онъ: его и поварихей его приняли безъ всякой встрѣчи, размѣстили по классамъ Гимназіи, и велѣли имъ являться вмѣстѣ съ другими учениками къ слушанію лекцій.

Такъ разрушились мечты Ломоносова; однакожь существенность упѣшила его: онъ началъ учиться Физикѣ, Математикѣ, и забывалъ всѣ обманы своего воображенія, быстро шагая отъ

успѣха къ успѣху въ наукахъ. Онъ имѣлъ рѣшительную склонность къ Естествознанію, къ наукамъ шочнымъ; онъ давно жаждалъ извѣдать въ нихъ свой умъ, и принялся за исчисленія, за неясную въ его время науку о силахъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, Физика тогда незаконно присвоивала себѣ цѣлыя обласи другихъ наукъ; но этого не могъ замѣпить самый проницательный умъ, попому что не его вѣку было предоспавлено опредѣленіе границъ Физики: надобны были пруды и успѣхи болѣе нежели полустолѣтія, чтобы науки вошли каждая въ свои границы. Сверхъ того, опличительною черпою Ломоносова была собсшвенно неушолимая жажда ко всѣмъ познаніямъ, а при этомъ ему недосугъ было дѣлать опкрытія, особенно при началѣ своего ученаго поприща. Онъ необходимо впадалъ въ *рутинку* обыкновенныхъ ученыхъ, и только по временамъ блестялъ геній его, освѣщавшій иногда темныя спороны наукъ и искусствъ.

Ровно сто лѣтъ прошло шеперь, послѣ всшупленія его въ Академическую Гимназію. Можно вообразить, какова тогда была метода ученія, если и шеперь, послѣ столькихъ опышовъ, не удовлетворяешь она ума человѣческаго, безпрерывно спремещагося къ совершенству. Однакожь и при этой методѣ, Ломоносовъ не шелъ на ряду со своими сверстниками, а опе-

режалъ ихъ во всемъ. Эшо обращало на него вниманіе учишелей, начальниковъ, и еще болѣе соучениковъ, большею часшію избранныхъ молодыхъ людей, опличавшихся хорошимъ поведеніемъ, познаніями и любовью къ ученью. Изъ числа ихъ одинъ, Виноградовъ, особенно полюбилъ Ломоносова, и скоро сдѣлался другомъ его.

Однажды Виноградовъ замѣнилъ своего любимаго товарища не за учебными тешпрадами, а за лиспкомъ бумаги, на кошоромъ писалъ онъ стихи—*Русскіе стихи*.

«Чшò эшо, Михайло? ты пишешь. . . . боюсь ошибиться! . . .

—Спиши!—опивчалъ съ веселымъ видомъ Ломоносовъ.

«Русскіе спиши?»

—Да, брашець; эшо уже не новостъ на нашемъ языкѣ. Спиши пишушъ у насъ шеперь многіе, Піишика Русская образуешся.

Виноградовъ засмѣялся.

—О чемъ-же смѣешься ты?—съ нѣкошорымъ огорченіемъ спросилъ Ломоносовъ.

«Помилуй!» сказалъ Виноградовъ. «Писашъ спиши можно на Лашинскомъ, на Греческомъ, на Французскомъ, но, воля швоя, Русскіе спиши едва-ли не всегда будушъ чѣмъ-то дикимъ для слуха.

— Я самъ испытываю, что нашъ языкъ упрямылся и не поддается никакому размѣру стихотворному; однакожь искусные люди, напримѣръ Тредьяковскій, Кантемиръ, и прежде ихъ нѣкоторые духовные ошцы, сочиняли стихи прилично. Я уже давно упражняюсь въ стихотворствѣ, но еще недавно увидѣлъ образцы названныхъ мною авторовъ, и теперь хочу подражать имъ.

«Во-первыхъ, брашець, надобно имѣть и дарованія эшихъ людей, а во-вторыхъ, признайся себѣ, я исподпишка смѣюсь надъ всѣми стихами въ мірѣ.

— Смѣешься?

«Да, пошому что считаю ихъ пуснымъ провожденіемъ времени; какая польза ошъ нихъ?

— Образование языка.

«Пустое! въ стихахъ только ломають языкъ. Посмотри что дѣлаешь съ языкомъ самъ Тредьяковскій, и даже Кантемиръ.

— Правда, языкъ и у нихъ тяжеловатъ, но пишическія прикрасы ешь всѣ, какъ и у великихъ образцовъ. Попрудимся, постараемся улучшить языкъ.

«Не стоишь труда эта головоломная работа. Особенно дивлюсь что ты, который больше меня привязанъ къ ученію Физики и Маппе-машики, ты занимаешься этими пусняками.

— Неужели-жъ ты въ самомъ дѣлѣ почишаешь стихопворство пусшымъ заняшiemъ ?

« Безъ сомнѣнiя.

Ломоносовъ взялъ свой 'лиспъ бумаги и разорвалъ его на нѣсколько часпей.

« Чшо ты это, что ты ? » вскричалъ Виноградовъ.

— Да , брапець : ты правъ ! спихи мои не споили шруда, копорый я приложилъ на нихъ.

« Не далъ и прочишаешь ! » прибавилъ съ сожалѣнiемъ Виноградовъ.

— И слава Богу ! ты присшылдиль-бы меня еще больше. Но чшо-же дѣлаешь, когда спрахъ какъ хочешся мнѣ образоваешь Русское стихопворство !

« Послушай, Михайло ! Ты будешь первый во всемъ , чѣмъ ни спанешъ занимаешься : полгода ученья вмѣспѣ доказали это не мнѣ одному. Чего-же хочешь ты , когда передъ шобою не обозримое поприще Машемашики , Физики , Химii ?

— Эхъ, брапець, Виноградовъ ! Тяжко мнѣ, а долженъ признаешься : не шого ждалъ я опъ эшихъ наукъ. Ты знаешь какъ я люблю ихъ ? Повѣрь-же , иногда меня грусь беретъ , когда занимаюсь ими , и вопъ въ эши-по часы опдаюсь я бѣсу стихопворства.

« Но чѣмъ-же ты не доволенъ въ эшихъ наукахъ ?

— Мнѣ кажется, что насъ не такъ и не тому учашъ.

«Съ чего ты взялъ это?»

— Самъ не знаю, а чувствую, что это не-удовлетворительно.

«Намъ показывають всѣ возможные экспери-менты.

— Да, эксперименты, а больше ничего.

«А чего-жъ бы тебѣ хотѣлось.

— По чѣмъ я знаю! Если-бъ зналъ, такъ и дѣлалъ-бы иначе.

«Ну, право, мнѣ кажется, ты хочешь проказничать.

— Говорю искренно: мнѣ мало этого ученя.

Виноградовъ задумался, и черезъ нѣсколько секундъ сказалъ:

«Можешь быть ты и правъ; но, я думаю, наше ученье и не кончится эшимъ; только въ наукахъ не лзя прыгать черезъ сшупеньку.

Ломоносовъ началъ дальше развивать ему свои идеи, свои сомнѣнія; говорилъ, что онъ недоволенъ и своимъ ученьемъ *Словесныхъ Наукъ*; изъяснялъ догадки, предположенія, мечты свои. Увлеченный краснорѣчьемъ и умомъ его, Виноградовъ вскричалъ наконецъ:

«Михайло! Я горько ошибаюсь, или ты рожденъ быть великимъ человѣкомъ. Скажи мнѣ: какъ Богъ вселилъ тебѣ эти быстрыя понятія,

эти глубокия догадки о тайнствахъ природы?
Откуда взялся ты со своимъ умомъ?

Ломоносовъ опивчалъ, улыбнувшись:

— Развѣ ты не знаешь, что я мужикъ, бѣглець Холмогорскій!

«Знаю, слышалъ, и почти не вѣрю.

— Да, Виноградовъ. Я точно мужикъ, поешъ сынъ мужика; родился и провелъ первые годы свои среди самаго глубокаго невѣжества; наконецъ бѣжалъ изъ своей родины въ Москву.... да это долгая исторія!

«Но ты никогда не рассказывалъ мнѣ ея подробно.

— И не хочу рассказывать.

«Почему-же?

— Потому что грустно.... да, грустно вспомнишь мнѣ о первыхъ годахъ юности! Сколько могъ-бы я уже сдѣлать до сихъ поръ, если-бы началъ учиться во время!...

«Боюсь докучать тебѣ своей просьбою, а желалъ-бы узнать подробнѣе, какъ провелъ ты эти грустные годы? Примѣръ швой былъ-бы полезенъ и мнѣ. Я не вѣдалъ никакихъ великихъ прецѣдентовъ въ жизни, и самымъ обыкновеннымъ образомъ перешелъ изъ родительскаго дома въ училище.

— А я долженъ былъ для этого подвергнуть опасностямъ свою жизнь. Слушай.

«Я родился на оспрову, не далеко отъ Холмогоръ, въ деревнѣ, копорая называется Денисовскою: эшо въ Двинскомъ уѣздѣ, въ Курооспровской волости. Теперъ мнѣ двадцать чешыре года, слѣдовапельно 1711-й годъ былъ годомъ моего рожденія.

«Надобно сказаць шебѣ о моемъ опцѣ, что эшо человекъ въ своемъ родѣ необыкновенный. Не знаю для чего спряшалъ онъ свой умъ отъ людей, копорые видящъ въ немъ просаго рыбака: я вижу въ немъ что-то гораздо больше. Правда, онъ рыбакъ промысломъ, но умъ его глядищъ не на однѣхъ рыбъ. Представъ себѣ шолько, что онъ первый изъ жишелей нашего края вздумалъ поспроишъ и поспроилъ галионъ: эшо родъ небольшого корабля, оснащенный по корабельному, съ парусами, и съ удобствами для рыбнаго промысла и для груза. Кой-какъ сбился онъ деньгами для эшого суденышка, но поспроивши его наживалъ порядочные доходы. Онъ перевозилъ на немъ запасы, казенные и частные, отъ города Архангельскаго въ Пустозерскъ, въ Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, плавалъ около береговъ Лапландіи, въ рѣку Мезень, къ Самоѣдамъ. Но главнымъ занятіемъ его была рыбная ловля, для копорой плавалъ онъ каждое лѣшо и каждую осень въ Бѣлое и Сѣверное моря.

«Мнѣ было десяць лѣшъ, когда онъ въ первый

разъ взялъ меня съ собой. Я какъ ребенокъ ра-
 довался этому, и пособлялъ опцу въ чемъ могъ;
 онъ спалъ брашь меня съ собою каждое лѣшо.
 Мы плавали далеко на сѣверъ, въ Океанъ, и
 доспигали иногда 70-ши градусовъ широты.
 Туть-шо наглядѣлся я на чудеса природы, ка-
 кихъ вѣрно не увижу больше. Одно море, не
 здѣшняя Финская лужа, а необозримое Сѣверное
 море, представляешъ уже такое дивное зрѣ-
 лище, на кошорое не лзя нарадовашься. Пре-
 красна шихая гладь его; но я всего больше
 любилъ глядѣть на него въ бурю, когда волны
 перелешающъ черезъ корабль, и кидающъ его
 по хребтамъ своимъ какъ щенку. Мнѣ казалось
 иногда, что въ морѣ естъ спрасши, что оно
 сердится, что оно хочешъ наказатъ дерзосщъ
 людей, кошорые осмѣлились ходитъ по свѣпло-
 му зеркалу его. Кипѣніе волнъ, свисщъ вѣпра,
 всплески вспрѣчающихся валовъ, говорили, ка-
 залось мнѣ, что-шо спранное, непоспигимое
 для ума, но понятное душѣ. Я прислушивался
 къ этому говору, и радъ бывалъ, когда посше-
 пенно спихало море: мнѣ думалось, что оно
 мирится съ нами, что оно шепчешъ что-шо
 намъ своимъ непонятнымъ языкомъ. Оно спих-
 ло; оно опящъ гладко, свѣпло какъ спекло.
 Новое, чудное, величешвенное зрѣлище! Не
 валы ходящъ по морю, не вѣшеръ подымаешъ,
 цѣмля рѣки воды, но что-шо живое, что-шо

близкое, сродное морю колеблется громадой по немъ. Подплываемъ ближе: эшо исполинъ-рыба, эшо кипъ роскошесшествуетъ, опдыхаетъ, нѣжися на влажной его поволохноши. Мы въ мирѣ съ моремъ; но покуда оно спитъ тихимъ сномъ, начинается смертельный бой съ исполиномъ, обипашелемъ его. Ловкая, привычная рука вонзаетъ въ него оспрое желѣзо: кипъ взмахнулъ шажкимъ хвостомъ своимъ, и легкое суденышко наше едва не хлебнуло воды, едва не опрокинулось; онъ пушилъ фоншанъ воды и едва не зашопилъ насъ эшимъ спрашнымъ ливнемъ; кинулся въ бездонную глубь моря, и веревка, привязанная къ оспрогѣ, задымилась онъ скорости движенія; въ нѣсколько секундъ онъ вывершѣлъ ее всю, и боченокъ, къ которому была она привязана другимъ концемъ, полешѣлъ въ море. Скрылось все; но кипъ не ушелъ отъ своихъ непріятелей; они сперегушъ его; а ему шажко подѣ водой; тѣдая соленая вода разѣдаетъ его шѣло, и вошъ боченокъ явился на поволохноши; за нимъ выплылъ и кипъ. Новый ударъ, новая опасность для насъ, и, по прешему удару, гибель мощному сопернику. Я часшо бывалъ свидѣшелемъ ловли киповъ, и никогда не могъ привыкнуть къ эшому зрѣлищу: мнѣ бывало спрашно за своихъ, и жаль благороднаго непріятеля.

«Иногда мы ошавались въ морѣ до поздней

осени, и погда-шо видѣли всю игру спрасней его. Оно какъ будшо гнало насъ съ лона своего ужасными, свирѣпыми бурями, и наконецъ высылало прошивъ непослушныхъ громады льдовъ. Эпи непріатели поопаснѣе кипа. Они грозили разбишь наше ушлое поспроєніе, шребовали всего искуспва мореходнаго, и будшо изъ милоспи позволяли намъ убѣгашъ къ берегамъ.

«И какъ пріятно бывало спушишь на берегъ послѣ шакихъ опасностей! Опець мой вводилъ въ заливъ свою *Чайку* (шакъ называлъ онъ свой галіюшъ) и начиналъ шорговлю наловленной рыбой, или счишалъ деньги, заработанныя перевозкой чужихъ пѣжеспей. У насъ была шеплая изба, и въ ней оспавались мы почши все зимнее время. Извѣстно какая у насъ зима: она продолжается восемь мѣсяцевъ, изъ кошорыхъ шесшь царшвуешъ ночь. Во все это время почши нѣтъ солнца, и мы бродили-бы полгода въ пошемкахъ, ежели-бы предусмошрительная природа не зажигаала въ небѣ пожара, кошорый называешся сѣвернымъ сіяніемъ. Ты видалъ его и въ Пешербургѣ, но что здѣшнее сѣверное сіяніе передъ нашимъ! Представъ себѣ, что полгоризонша обѣяшо пламенемъ, и шакимъ яркимъ, шакимъ блиспашельнымъ, шакихъ чудныхъ цвѣшовъ, что, право, развѣ дуракъ не придетъ ошъ него въ восхищеніе.

«Я не былъ равнодушень къ этому чудному явленію, шакъ-же какъ не былъ равнодушень къ чудесамъ моря , льдовъ , полугодовой ночи , и къ нашимъ лѣсамъ , въ копорыхъ естъ шакія мѣста , гдѣ не бывала еще споа человѣка. Я спарался обьяснишь себѣ, молодымъ умишкомъ своимъ , ошъ чего происходишь шо, ошъ чего другое ? Для чего наконецъ все эшо ? И вошь еще шога-шо запала мнѣ въ умъ спрасъ къ изученію природы , копорое называемъ мы шеперь и Физикой и Натуральной Исторіей , и Богъ знаетъ какъ еще !

«Въ шо-же время , не одна природа привлекала меня изучашь себя. Я спалъ учишься Русской грамошъ , и учишель мой , приходскій дьячекъ , удивлялся, что вскорѣ я спалъ чишаешь и писаешь порядочно. Черезъ два года я былъ уже шочно лучшимъ чтецомъ въ церкви, и живши по зимаемъ всегда дома , не пропускалъ ни одной службы безъ того, чтообы не чишаешь на клиросѣ или за амвономъ. Другіе ученики нашего дьячка вскорѣ спали бранишь меня, и даже бишь за шо, что я чишалъ лучше ихъ. Многіе были гораздо спарше меня, учились гораздо больше, а не умѣли чишаешь вняшно; дьячекъ хвалилъ меня за *ломкость* и *пріятность* голоса, какъ называлъ онъ эшо , и навязалъ мнѣ шѣмъ цѣлую кучу гонишелей.

«Я былъ принужденъ чишаешь больше дома ;

но шупть ожидала меня еще спрашнѣйшая гроза. Надобно сказаць тебѣ, что мать моя умерла прежде нежели я могъ помнишь себя; я оспался единственное дитя у отца моего, пошому что хошя онъ и женился въ другой разъ, но дѣшей у него больше не было. Вшорѣя жена его, моя мачиха, самое злое швореніе, какое шолько можно вообразить. Она была самою ужасною моею гонительницею, ненавидѣла меня и увѣряла моего отца, что я никуда негодный мальчишка, лѣшій, кошорый вѣчно сидишь по пусшому за книгами. Сшарикъ иногда опмалчивался, пошому что любилъ меня, но иногда и самъ приходилъ въ гнѣвъ. Наконецъ она успѣла довести его до того, что онъ спалъ запрещаць мнѣ чипать книги. . . . Можешь повѣришь, какъ эшо было мнѣ горько; но я уходилъ въ уединенныя мѣста, въ дремучій лѣсъ, и шамъ чипалъ и учился чему было можно; шерпѣлъ холодъ и голодъ, но опсшашъ онъ ученя не имѣлъ силъ.

Разсказывая тебѣ всю жизнь свою, не могу умолчашъ объ одномъ обстоятельствѣ, кошорое до сихъ поръ шягошишь мою душу. Мнѣ было шринадцать лѣтъ, когда я подружился съ нѣсколькими раскольниками изъ ближней деревни. Они держались секшы, называемой *Безпоповщина*. Я льспилъ имъ, и не безъ корыспныхъ видовъ: я зналъ, что у нихъ ешь доволь-

но книгъ, а мнѣ совсѣмъ нечего было читать. Я попросилъ у нихъ книгъ; они дали мнѣ ихъ, начали полковать догматы религіи по своему, и наконецъ привлекли меня въ свою секшу. Между ними были говоруны, кошорые изъяснялись такъ красно, съ такимъ убѣжденіемъ! . . . Два года держался я нелѣпыхъ мнѣній раскола, но наконецъ самъ увидѣлъ свое заблужденіе. Удаляясь поспешенно отъ враговъ души моей, я наконецъ совсѣмъ отсталъ отъ нихъ. . . . Благодарю всемогущаго Бога, что онъ освѣтилъ младую душу мою свѣтомъ истиннымъ! Но самъ себѣ не могу простишь этого грѣха. Раскольники не преслѣдовали меня, пошому что надъ ними носились громы Пешровы; о заблужденіи моемъ не зналъ никто; но это отъ случай былъ важенъ своими послѣдствіями.

«Разсѣвавшись съ раскольниками, я спалъ съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на ихъ книги. Между шѣмъ умственная жажда помила меня. Всѣ духовныя книги, кошорыя были въ нашей приходской церкви, прочиталъ я давно. Я спалъ просишь у моего учителя какихъ нибудь другихъ, свѣтскихъ книгъ; но онъ отвѣчалъ, что нѣтъ ихъ у него, да нѣтъ вовсе и на Русскомъ языкѣ; что если я хочу учиться и читать книги всякія, то для этого необходимо знашь Лапинскій языкъ. Чшò такое Лапинскій языкъ?— Да языкъ, на кошоромъ есть вся-

кія книги; а научиться ему можно въ Москвѣ, Кіевѣ, и Пешербургѣ, гдѣ учреждены для эшого особенныя школы.

«Тогда-шо въ первый разъ вспало мнѣ на умъ идши въ Москву. Но какъ сдѣлашь эпо? Я проронилъ нѣсколько словъ о своемъ намѣреніи, желая вывѣдашь, согласишся-ли ошець опшущишь меня. Когда онъ понялъ о чемъ идешь дѣло, шо поднялъ шакую грозу, что я не зналъ чѣмъ успокоишь его. Мачиха моя присоединилась къ нему, начала жалѣшь, что у мужа ея шакой безпушный сынъ, начала плакашь, выпѣ.... Спарикъ разсердился еще больше и хотѣлъ выгнашь меня изъ дому. Окончилось шѣмъ, что меня хорошо поколопили и велѣли гнашь изъ головы дурь.

«Но судьба какъ будшо нарочно поджигала спрасъ мою къ ученью. Случайно, въ домѣ одного зажиточнаго челоѣка, Христофора Дудина, увидѣлъ я наконецъ не духовныя книги. Помню, что я пришелъ въ совершенный восторгъ, и перевершывая лиспы, пожиралъ ихъ глазами. Ты спросишь: какія были эпо книги? Спаринная Славянская Грамматики, и Ариомешики, напечатанная въ Пешербургѣ, въ царшвованіе Петра Великаго, для навигацкихъ учениковъ. И предметы эшихъ книгъ, и языкъ ихъ, и изложеніе были для меня совершенною новосшью. Я спалъ неопшущно просишь спа-

рика Дудина, чтобы онъ позволилъ мнѣ про-
 читашъ драгоценныя его книги; онъ не согла-
 шался. Не разъ возобновлялъ я эту просьбу, и
 всегда понапрасну: Дудинъ не хотѣлъ дать
 мнѣ своихъ книгъ даже на нѣсколько дней. Я
 рѣшился употребить хитрость: началъ угож-
 дащъ сыновьямъ его, дѣлалъ и дарилъ имъ иг-
 рушки, выдумывалъ игры, рассказывалъ сказки,
 и довелъ ихъ до того, что они полюбили ме-
 ня и были готовы сдѣлать все для пріятеля.
 Я спалъ просить у нихъ почитать книгъ оп-
 цовскихъ; сначала не соглашались, но по усиль-
 ной просьбѣ выдали ихъ мнѣ. Этого было до-
 вольно: книгъ уже я не отдавалъ назадъ, не раз-
 спавался съ ними, читалъ ихъ всякой день, во
 всякой свободный часъ, и наконецъ выучилъ на-
 изуспъ. Такимъ образомъ узналъ я Ариемепи-
 ку, хотя въ книгѣ Магницкаго, автора моей
 Ариемепики, она изложена очень дурно, много-
 глаголиво и безшолово; узналъ опчаспи и
 Граммапику. Эти двѣ книги были *вратами уче-*
ности моей!

«Между тѣмъ, въ умѣ моемъ созрѣвала мысль
 о побѣгѣ въ одинъ изъ названныхъ уишелемъ
 моимъ городовъ. Бѣжашъ изъ родительскаго
 дома! Спрашно и выговоришь эти слова. Но
 посуди о моемъ положеніи: неугасимая спраспъ
 къ ученью жгла мою душу, превожила меня
 днемъ и ночью, лишала покоя; а надѣяпсья,

чтобы отецъ согласился опустить меня и благословилъ на просвѣщеніе ума наукою, было невозможно ; аверхъ того жить , при безпресанныхъ нападкахъ и перзаніяхъ опъ мачихи, спало мнѣ совершенно несносно. Я рѣшился убѣжать.

« Но какъ исполнить эту дерзкую мысль ? Я придумывалъ разные планы, искалъ случая, спрашивалъ ѣдущихъ въ дальніе города ; но средства не представлялось никакого. Наспупилъ 47-й годъ моей жизни. Изъ нашей деревни отпраплялись иногда обозы съ рыбою ; я узналъ , что и въ этотъ годъ отпрапляется одинъ въ Москву. Сердце мое задрепешало. Я рѣшился непременно уйти съ обозомъ.

« Никому не открывалъ я своего намѣренія ; не говорилъ ничего съ мужиками, которые нагружали рыбу на возы , и боялся даже какъ-бы по глазамъ моимъ не узнали , что паишся въ душѣ моей. Рѣшимось придавала мнѣ швердосши. Наконецъ, утромъ одного дня, зашевелилось , заскрипѣло на улицѣ : обозъ отпраплялся въ дальній путь. Я выскочилъ на улицу вмѣстѣ съ другими , и будто изъ пуспаго любопытства смошрѣлъ какъ скользили возы, какъ снимали шапки и креслились извошики. Я сдѣлалъ это для того , чтобы лучше скрыть свое намѣреніе , а уйти хотѣлъ ночью и догнашь

обозъ на дорогѣ. Неопытность моя не предвидѣла никакихъ препяшствій.

« День случился праздничный. Опець мой, не занятой ни какою работою , оспавался дома , и былъ необыкновенно веселъ и ласковъ ко мнѣ. За ужиномъ, какъ нарочно, онъ разговорился о своихъ надеждахъ , въ прошомѣ сердца высказывалъ смиренные свои планы, и оканчивалъ все тѣмъ , что я вѣрная подпора у него, что я на старости буду его кормильцемъ. «Руки приложишь , слава Богу, есть къ чему; только будь добръ и послушивъ.» Это были , я думаю , послѣднія слова его ко мнѣ. Признаюсь, я готовъ былъ броситься къ ногамъ опца, испросить прощеніе въ спрашномъ непослушаніи, которое скоро хотѣлъ сдѣлать, и оспаться навѣкъ добрымъ мужикомъ , на утѣшеніе спарику. Но матица моя вдругъ взбѣсилась за что-то, и пошчасъ выгнала изъ сердца моего всю чувствительность. Такимъ образомъ , она невольно шолкнула меня къ развязкѣ. Я легъ спать. Не помню, спалъ-ли я ; но знаю , что кровь волновалась во мнѣ , что я былъ какъ въ лихорадкѣ , и когда наступила давно желанная минуша , я долженъ былъ призвавъ на помощь всю бодрость свою.

« Послушай , Виноградовъ ! Не доказываешь-ли чистоты намѣренія моего даже то , что я не думалъ о средствѣхъ дороги, не запасся ни

одною копѣйкою, ничѣмъ? Пускаясь въ далекій, безвѣстный пушъ, одинъ, пѣшкомъ, я не воображалъ, что могу умереть съ голоду или замерзнуть на дорогѣ. Я хотѣлъ бѣжать, только бѣжать, къ неясной, единственной для меня цѣли.

«Боязливо поднялся я съ постели своей; но въ домѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Я омыскалъ ошупью свое чистое бѣлье, надѣлъ двѣ рубашки, и на нихъ овчинный шулупъ свой, который носилъ каждый день; завязалъ въ узелъ вѣрные свои книги, Арифметику и Грамматику; взялъ еще кусокъ чернаго хлѣба, оставшійся на столѣ опѣ ужина, и началъ попохоньку выходить. У порога я оспановился невольно и прислушивался къ дыханію спящихъ (ты знаешь, что въ деревенскихъ избахъ всѣ спятъ въ одной комнатѣ). Какъ мнѣ хотѣлось взглянуть еще разъ на отца! Я представлялъ себѣ его то грознымъ, то умоляющимъ; шепчуща придавала особенную игру воображенію.... Наконецъ, боясь измѣнить себѣ и разбудить кого нибудь, я поспѣшно отперъ дверь, вышелъ во дворъ... надобно было еще отпереть ворота. Мнѣ уже казалось, что въ избѣ сдѣлался шумъ... Торопливо выскочилъ я на улицу и пустился бѣжать.

«Ночь была темная, но къ счастью не очень холодная. Я бѣжалъ не оглядываясь; напоследъ-

докъ выбился изъ силъ и принужденъ былъ пристѣсть на сугробъ снѣгу. Тупѣ-то пришло мнѣ въ голову, какъ опчаянно было предпріятіе, которое затѣялъ я. Покуда я былъ среди людей, въ теплой комнаѣ, мнѣ казалось, что пройди до Москвы — игрушка: вспалъ да пошелъ! Но опбѣжавши нѣсколько версшъ отъ родительскаго дома, ночью, въ пущынѣ снѣговъ, я почувсвовалъ совсѣмъ иное. Взошла луна и освѣшила передо мною неизмѣримое пространство, одѣтое въ бѣлый саванъ: я, человекъ, уничтожался на эпомъ спрашномъ лонѣ природы. Слезы брызнули изъ глазъ моихъ, когда я не только вообразилъ, но и увидѣлъ свое одиночество. Оглядываясь къ родной сторонѣ, я плакалъ пуще. «Ты одинъ, безпомощенъ теперь!» сказалъ я самъ себѣ. «Ты самъ вырвался изъ родныхъ объятій!... Но ворочаться поздно!» подумалъ я. «Дома ждущъ меня шеперь побои, долгій гнѣвъ опца, и—мачиха, со всею злостью своею. А впереди мое счастье, цѣль давнихъ желаній моихъ. Пойдемъ-же въ міръ, боропься съ нимъ!...»

«Бодро спалъ я на ноги и скорымъ шагомъ пустился по дорогѣ. Всю оспальную ночь и весь слѣдующій день, я шопелъ, шопбѣжалъ, не останавливаясь почти нигдѣ. Наконецъ успалось принудила меня остановиться въ какой-то деревнѣ, уже поздно вечеромъ. Я спалъ

распрашиваѣ, давно-ли проходилъ путь обозъ съ рыбою ; мнѣ сказали, что передъ самымъ вечеромъ, и что онъ вѣрно остановился въ ближней деревнѣ. Я бросился на лавку и спалъ часа два мертвымъ сномъ ; пробудившись , потчасъ отправился впередъ, и на разсвѣтѣ, часу въ десятомъ дня, догналъ обозъ, уже въ семидесяти верстахъ отъ нашего селенія.... Оспальнаго досказываѣ нечего. »

Виноградовъ слушалъ своего товарища съ такимъ вниманіемъ, что даже не прервалъ его ни разу. Когда Ломоносовъ переспалъ говорить, онъ все еще напрягалъ слухъ , и наконецъ сказалъ :

— Знаешь-ли, Михайло , что я уважаю себя еще больше, когда знаю исторію своей жизни.

« Мнѣ кажется, въ этой жизни всего больше горестнаго.

— И высокаго , превосходнаго ! Обыкновенный человекъ , на своемъ мѣстѣ , не рѣшился-бы уйдти въ одномъ шулупѣ , безъ копѣйки денегъ ; нѣтъ , онъ все собиралъ-бы средства , жаловался-бы во всю жизнь на судьбу, и оспался-бы громнымъ мужикомъ, не болѣе.

« Правда , рѣшимости надобно было много ! Но много и счастья , потому что я зависѣлъ отъ перваго встрѣчнаго.

— Богъ всегда награждаетъ такую благородную смѣлость , какова была твоя.

« Но онъ-же испытываетъ такихъ бурныхъ людей , какъ я , и спрасами паяжками. Неужели , ты думаешь , мнѣ легко пробивать грудью препяпствія судьбы , и что мнѣ даромъ досажается мои ничтожные успѣхи ? Нѣтъ , мнѣ шруднѣе нежели кому нибудь ! Голова моя горитъ и сердце какъ будто хочетъ выпрыгнуть отъ этихъ сильныхъ ощущеній , которыя увлекаютъ меня , не знаю куда. А я такъ-же человекъ , какъ и другіе ! Не умѣю назвать спраси моей къ ученью , но уже много претерпѣлъ я для нея. Ты видѣлъ , какихъ препяпствій спойло мнѣ добратъся до Москвы. Но шуть ожидали меня испытанія новыя. Я вытерпѣлъ все униженіе отъ людей , пока добился въ Спасскую школу. Всякій дуракъ величался передо мной , душилъ мое самолюбіе , напоминалъ о нищестѣ моей. . . А эта ужасная фурія , которую называютъ нищетою ! Она не перестаетъ терзать меня до сей поры , и кажется не перестанетъ еще долго. Грудь ломится , когда вспомнишь о прошедшемъ и будущемъ ! . . . »

— Но главное теперь уже сдѣлано ; въ будущемъ оспаются для тебя одни успѣхи.

« Успѣхи ? Да знаешь-ли ты , что значатъ для меня успѣхи ? »

— Эпо слово имѣеть общій смыслъ для всѣхъ.

« Для всѣхъ , но не для меня. Успѣхъ-ли, что я въ пять лѣтъ выучилъ Лашинъ, съ прибавкою кой-чего, и шакъ-же начинаю теперъ учишься Естествознанію? Пожалуй, меня и теперъ можно сдѣлать Профессоромъ въ энихъ предметахъ; эпо и называющіе обыкновенно успѣхами. Нѣтъ, надобно узнать науку, и потомъ самому сдѣлать въ ней шагъ, распространить ея предѣлы. Мнѣ извѣстны теперъ двадцать предметовъ, въ коихъ я обязанъ совершить такіе успѣхи. Иначе, что я такое? Школьникъ!

— Ну, мнѣ кажется, ты понимаешь эпо ужъ слишкомъ свысока. Довольно и того, что мы поравняемся съ другими. Да и можно-ли браться за все?

« А какъ-же иначе? Пожалуй, довольствуйся лѣтъ, что скажешь или покажешь тебѣ училища, шакъ ты и будешь ученый невѣжда. Вѣкъ и наука не ждутъ насъ, и своимъ чередомъ идутъ впередъ. Мнѣ хочется не только догнать, но и перегнать ихъ. Иначе я не спалъ бы и учишься. Что-же говоришь ты, будто не лзя браться за все, то для насъ Рускихъ эпо правило покуда еще не умѣстно. У насъ шакъ мало дѣлашелей, что они обязаны браться за все. Иначе, осуди нашего Великаго Петра,

кошорый не хопѣлъ бышь полько хорошимъ Генераломъ или хорошимъ кораблеспроишелемъ: онъ былъ все. Русскій ученый долженъ обрабатываць свой языкъ, изобрѣтаць правила для Стихопворства и Краснорѣчія, переводить образцы. . . . А Науки Математическія? . . . Да чпѣ и говорить! . . . Не возражай, чшо я забавляюсь мечной: когда прекрашится жизнь моя, погда полько буду я не досупенъ всему окружающему. А пеперь, когда сердце бьется во мнѣ съ такою силой, я хочу захватишь себѣ цѣлый міръ.

Виноградовъ улыбнулся.

«Не мучь меня эшою равнодушною усмѣшкой!» вскричалъ Ломоносовъ. «Вы, благоразумные люди, не сдѣлаеша ничего безъ насъ, полу-сумасшедшихъ. Наши-же труды спавеша вы приводишь въ порядокъ.

— Но, скажи мнѣ, откуда взялъ ты всѣ эпімысли? Я ничего подобнаго не слыхивалъ, и хошь не совсѣмъ согласенъ съ тобой, но не могу сказаць, чшобы не нравились мнѣ твои слова.

«Да опъ кого-же могъ-бы ты слышать ихъ, когда я самъ придумалъ все эшо,» опвѣчалъ развеселясь Ломоносовъ. «Глупаго празднаго времени оспается много; я спараюсь наполнишь его своими размышленіями. И ты можешь дѣлашь шо же.

— Да у меня недоспаетъ времени на ученье!

« Чтò шутъ учишь? Снова признаюсь тебѣ: я не совсѣмъ доволенъ здѣшнимъ ученьемъ. Все это мало, поверхностно, неудовлетворительно.

— Какъ неудовлетворительно? Мы слушаемъ лучшихъ Профессоровъ.

« Тѣмъ досаднѣе, что они какъ будто скрываютъ отъ насъ что-то. Право, Виноградовъ, я недоволенъ ихъ ученостью.

Глава VIII.

Въ послѣднихъ словахъ Ломоносова заключа-
лась истина, непонятная для него самого.
Онъ точно былъ *недоволенъ* своими Профессо-
рами, и потому именно, что удовольствованъ
пламенную спрасъ его къ ученью не могло ни
что. Ознакомляясь съ предметомъ какой либо
науки или искусства, онъ хотѣлъ объять его
во всей обширности, изслѣдовавъ всею изы-
скапельностью своего ума, и, еще болѣе, сво-
его поэтического чувства. Робкая ученость не
любила этого, потому что ей надобны успѣхи
извѣстнаго размѣра, постоянные и постепен-
ные. Раздвигаютъ науку не въ школахъ. Но Ло-
моносовъ не подозрѣвалъ этого, и съ жаромъ
принявшись за Естествознаніе, вскорѣ пришелъ
въ такое-же недоумѣніе, какое мучило его
при изученіи Словесности: онъ думалъ, что
это не вся наука, что это лишь начала ея, и
потому-то въ часы досады восклицалъ, что

учили скрывающъ ошъ него истинную глубину знанія.

А между тѣмъ, учили не нарадовались его успѣхами. И кто-же были это? Знаменитые въ ученомъ мірѣ Бильфингеръ, Байеръ, Эйлеръ! Они удивлялись рѣдкимъ дарованіямъ молодого Рускаго и оказывали ему большія поощренія. Онъ прилежнѣ всего занимался Физикою, Химіею, Металлургіею, и сдѣлалъ быстрые успѣхи въ Математикѣ. Эйлеръ, эшотъ родоначальникъ всѣхъ математиковъ въ Россіи, тогда еще юный, полный силъ, предсказывалъ, что изъ Ломоносова образуется отличнѣйшій математикъ и натуралистъ.

Въ самомъ дѣлѣ, проницательность ума, соединенная съ любовью къ Математикѣ и Естествознанію, общала многое; но природная нестерпимость, и стремленіе къ всеобъемлемости, признакъ всѣхъ преобразователей и великихъ двигателей въ наукахъ, мѣшали многому. Иногда какойнибудь предметъ обращалъ на себя особенное вниманіе Ломоносова, и онъ посвящалъ ему дни и ночи, оставляя всѣ другія занятія. Иногда, неудовлетворяемый ничѣмъ, онъ покидалъ все, для того чтобы снова принявшись за все съ новымъ жаромъ.

Учае въ Академической Гимназіи, онъ имѣлъ болѣе свободы нежели въ Заиконоспасской Ака-

деміи, гдѣ его держали почти взаперти. Онъ знакомился съ самимъ Пешербургомъ, наблюдалъ огромные начашки Пешра, и непрерывно больше влюблялся въ этого великаго челоуѣка, безсмертнаго на всѣхъ пущахъ челоуѣческаго общеснва. Давно хопѣлъ Ломоносовъ посѣпшпъ и славнаго сподвижника его, а своего благодѣтеля Теофана. Это было однакожь довольно трудно. Теофанъ, опягченный болѣзненными припадками, не могъ принимашъ многихъ. Бѣднѣй студентъ не поспигаъ, что были и другія причины труднаго доступа къ знаменитому сановнику. Теофанъ охотно оказывалъ ему покровительсво, но обремененный дѣлами и опношеніями инаго рода, не могъ или не хопѣлъ приняъ его. Онъ видѣлъ въ Ломоносовѣ умнаго, любящаго науки бѣдняка, съ кошорымъ не было у нихъ ничего общаго.

Однажды, въ свободный часъ, онъ пришелъ въ переднюю Теофана: опяъ не лзя было видѣъ Архіепископа.

«Доложише Его Высокопреосвященству, что извѣспный ему студентъ Михайло Ломоносовъ приходилъ засвидѣтельсвовашъ свое почпеніе.

— Не премину — опвѣчалъ служитель.

«Не лзя-ли доложитъ и о томъ, что я прихожу не въ первый уже разъ, но до сихъ поръ не имѣлъ счастья лично изъавитъ Его Высоко-

преосвященству мою душевную благодарносшь за всѣ его ко мнѣ благодѣянiя.

— Докладывать Его Высокопреосвященству о всѣхъ приходящихъ, и входить въ объясненiя о нихъ, не мое дѣло. Мало-ли сколько народу приходишь сюда!

Эпо задѣло самолюбiе молодого человѣка. Можешь быть еще въ первый разъ философсвуя въ передней, онъ сдѣлалъ неперпѣливое движенiе. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но стоявшiй вблизи, какой-то спаричекъ въ свѣпскомъ плащѣ, предупредилъ его словами:

— Не по пуши-ли идши намъ? Пойдемше. — И сдѣлавъ привѣпливый знакъ рукою, онъ пошелъ.

Удивленный Ломоносовъ невольно послѣдовалъ за нимъ.

Вышедши на улицу, незнакомецъ сказалъ прiятнымъ голосомъ:

— Вы конечно недавно въ Пешербургъ?

«Съ годъ,» отвѣчалъ Ломоносовъ. «И въ годъ не могу добиться увидѣшь моего благодѣтеля!

— Не удивительно: Архiепископъ всегда занятъ; а теперь еще онъ и боленъ, очень опасно.

«Опасно боленъ?

— Да, медики опасаются за жизнь его. Впрочемъ, хотя у него застарѣлая и неизлечимая

болѣзнь, но не такая, ошъ кошорой умирають мгновенно. Архіепископъ располагаешся ѣхать въ Новгородъ.

«Боже мой! И такъ можешъ случиться, что я не увижу Высокопреосвященнаго! . . .

— Пріятно встрѣпишь такую признапельность къ человѣку, кошораго называете вы своимъ благодѣтелемъ.

«Онъ истинный мой благодѣтель. Болѣе всѣхъ ему обязанъ я пѣмъ, что продолжаю ученіе въ здѣшней Академической Гимназіи.

— А вы учитесь здѣсь, въ Академической Гимназіи! Радуюсь за васъ: Профессоры ваши люди Европейской учености.

«Да, и все Нѣмцы.

— Но развѣ Нѣмецъ, каковъ Эйлеръ, не украшеніе своего новаго опечесхва? Рекомендація Бернулли и ученые шракшаты, имъ сочиненные, ручающся за него. Всѣ другіе Академики также люди опличныхъ дарованій.

Эшошъ разговоръ начиналъ занимать Ломоносова. Онъ съ любопытствомъ спросилъ:

— Конечно вы знаете ихъ всѣхъ?

«Какъ-же и не знать такихъ людей! Эшо цвѣтъ учености въ Европѣ.

— Но позволите спросить: съ кѣмъ имѣю честь разговаривать?

« Я Адамъ. Бурхардъ Селлій , учитель Александро-Невской Семинаріи.

— Селлій ? Но вы такъ хорошо говорите по-Русски, что я не подозрѣвалъ-бы въ васъ иностранца.

« Много чести ! Впрочемъ, я давно въ Россіи, люблю новое опечесство мое , обожаю религію вашу , и почелъ первымъ долгомъ выучиться сколько можно Русскому языку.

— Вы сказали : *нашу* религію ; слѣдовательно вы не принадлежите къ нашему исповѣданію ?

« Я Лютеранинъ.

— Но какъ-же обучаете вы юношество въ Семинаріи , будучи иновѣрцемъ ?

« Предметъ мой не касается религіи : я учу Латынскому , языку , и еще прежде занималъ эту должность въ школѣ , заведенной Высокопреосвященнымъ Теофаномъ на Карповскомъ Новгородскомъ подворьѣ.

— Такъ вы близки и къ Высокопреосвященному ?

« Три года занимался я въ школѣ подъ его покровительствомъ. Извините , что я такъ много рассказываю вамъ о себѣ ; но я хочу чтобы вы знали меня , потому что давно знаю васъ. Архіепископъ описывалъ мнѣ вашу необыкновенную жизнь , вашу любовь къ наукамъ , и успѣхи

въ нихъ. Когда вы назвали себя, я порадовался случаю познакомиться съ вами. Жалѣю, что не зналъ васъ въ Москвѣ.

— А вы были и въ Москвѣ.

«Какъ-же! я былъ и тамъ учителемъ въ Гимназіи.

Ломоносовъ еще въ первый разъ встрѣшилъ такого привѣтливаго ученаго. Онъ жалѣлъ, что должно было прекратить разговоръ съ Селліемъ (имъ приходилось идти въ разные споры), и обрадовался, когда умный Дашчанинъ пригласилъ его къ себѣ.

Въ его ученой кельѣ Ломоносовъ пришелъ въ восторгъ, когда увидѣлъ себя посреди множества книгъ, рукописей, и всѣхъ пособій учености. Показывая ему свои разные труды, Селлій сказалъ между прочимъ:

— Вотъ это выписки для Академика Байера.

«Для нашего Байера?

— Да. Онъ приглашаетъ меня иногда раздѣлять труды свои, пошому что вовсе не знаетъ Русскаго языка. Вотъ рукопись, которую приготавливаю къ печати: это *Schediasma literarium de scriptoribus, qui Historiam Politico-Ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt.*

«Я вижу у васъ удивительное богатство матеріаловъ для Церковной Россійской Исторіи.

— Это любимый предметъ мой, и я надѣюсь сдѣлать кой-что для будущихъ историковъ Россійской Церкви.

« Но какъ можешь занимать эшотъ предметъ васъ. . . . Люперанина ?

— Молодой человекъ! Я Рускій душою, которая благоговѣнно прилѣплена къ Православной Церкви. Только обстоятельства мѣшаютъ мнѣ до сихъ поръ принять святое мѣропомазаніе. Надѣюсь однакожь, что хоть при концѣ жизни Господь удостоитъ меня эшого счастья.

Съ изумленіемъ глядѣлъ Ломоносовъ на почтеннаго спарика Селлія. Онъ видѣлъ въ немъ человека, посвятившаго всю жизнь изысканію истины, и скромно спросилъ: какія-же причины удерживаютъ его отъ вступленія въ Православную Церковь?

— Миръ! — отвѣчалъ Селлій выразительно.— Миръ приковалъ меня къ себѣ заботами мятежной жизни, и я не могу опорваться отъ него. Мое желаніе: совершенно оставить житейское море и скрыться отъ людей подъ чернымъ крепомъ монаха.

« Не понимаю, » возразилъ Ломоносовъ, « какъ съ такими правами на жизнь, при такой обширной умственной дѣятельности, вы хотите обречь себя смерти? »

— Да, и прудно понять это человеку, который лишь хочетъ вступать въ миръ! Но я

уже испытанный боець : я успалъ , и душа моя шребуешъ 'успокоенія. Впрочемъ , кпо знаешъ , скоро-ли я найду его ? Можешъ бышь , порывъ обстоятельствъ опяшь увлечешъ меня въ бурю свѣша !...

Разговоръ перешелъ къ путешествіямъ , которыя Селлій совершилъ по Европѣ. Эпошъ замѣчательный человекъ родился въ Тондернѣ , въ Шлезвигскомъ Герцогствѣ , учился въ разныхъ иностранныхъ Университетахъ , и особенно занимался Медициною. Въ Іенѣ , слушая лекціи славнаго Доктора Богословія Буддея , онъ въ первый разъ обратилъ вниманіе на богословскія истины , и вскорѣ эпо сдѣлалось любимымъ его занятіемъ. Съ сомнѣніемъ въ душѣ и съ обширными познаніями въ Философіи, Словесности , Медицинѣ и особенно Богословіи , онъ пріѣхалъ въ Россію около 1722 года.

Ломоносовъ спрашивалъ его объ ученіи въ Европейскихъ Университетахъ , и выразилъ сильное желаніе побывать и поучиться тамъ.

— Конечно. — сказалъ , Селлій — эпо не можешъ бышь бесполезно ; только надобно прежде всего надѣяться на себя. Никакіе Профессоры не внушають намъ любви къ наукѣ , если нѣшъ ея въ насъ самихъ ; а кпо любить науку , пошъ можешъ многое узнать и въ своемъ опечесствѣ.

«Но у насъ шакъ мало пособій ученыхъ.

— Не спору, и думаю даже, что для усовершенствованія себя надобно извѣдашь разные способы и методы ученія, а для этого необходимо путешествовать; но, не воображай, молодой человѣкъ, что на Западѣ увидишь пы истинный свѣтъ учености. Всякій человѣкъ ложь, или, просто скажешь: человѣкъ.

«Однакожь въ Россію призывали ученыхъ опшуда. . . .

— Пошому что у насъ совѣтъ не было этого рода учености, кошорую можно назвашъ свѣтскою. Вы, первые воспитанники Академіи, должны образовашъ поколѣніе Русскихъ ученыхъ.

Это замѣчаніе воспламенило Русскую душу Ломоносова. Онъ съ жаромъ началъ высказывать свои надежды, свои планы, свое неудовлетворяемое ничѣмъ любопытство. Селлій ободрялъ его, поправлялъ, спарался пояснить его недоразумѣнія. Такъ продолжался разговоръ ихъ нѣсколько часовъ. Они разсѣлись; но Ломоносовъ испросилъ напередъ у новаго знакомаго своего позволеніе приходишь къ нему.

Вскорѣ Ломоносовъ услышалъ, что Теофанъ скончался въ Новгородѣ, куда уѣхалъ онъ уже больной. Эша вѣсть поразила его. Онъ никакъ не воображалъ, чтобы только разъ въ жизни

случилось ему видѣть и слышать человѣка, бывшаго украшеніемъ Россійскаго Духовенства. «Просвѣщенный, ученый благодѣтель мой не существуетъ болѣе!» вскричалъ онъ. «Но и при концѣ жизни своей, онъ какъ будто завѣщалъ мнѣ благосклонность человѣка, сшоль-же достойнаго уваженія въ своемъ родѣ. Я приходилъ къ нему въ послѣдній разъ только для того, чтобы узнать Адама Селлія.»

Знакомство его съ этимъ ученымъ мужемъ поддерживалось, и Ломоносовъ часто посвящалъ досуги свои бесѣдамъ съ нимъ. Вскорѣ однакожь обстоятельство развели новыхъ знакомцевъ.

Академія рѣшилась послать въ Германію двухъ студентовъ Академической Гимназіи, для усовершенствованія ихъ въ Химіи и Горномъ дѣлѣ. Ломоносовъ началъ прилагать особенное стараніе объ изученіи этихъ наукъ. Съ его рѣдкою способностью узнать многое въ немногое время, трудно-ли было ему опличиться передъ всѣми своими товарищами? Дѣйствительно, когда надобно было наконецъ сдѣлать назначеніе объ отправкѣ именно какихъ лицъ, назначили Ломоносова, и — къ радости и удивленію его — Виноградова.

— Любезный другъ и товарищъ! — вскричалъ онъ. — Не нужно увѣрять тебя, что я радъ опличію, которое оказала мнѣ Академія. Но

повѣринь-ли? Меня еще больше радуешь то, что мы поѣдемъ вмѣстѣ.

« Спасибо, Михайло! А мнѣ съ побой будешь такъ легко и весело.

— Но скажи, ради Бога! какъ эшо сдѣлалось? Ты, правда, всегда былъ опличный ученикъ, шолько не въ пѣхъ предметахъ, копорые пре-буются опъ назначенныхъ въ Германію. Какимъ чудомъ назначили тебя?

« На все, брашець, есть средствъ, есть ма-нера, какъ взяшься за что.

— Какая-же эшо манера, какія средствъ?

« Ты взялъ грудью, по своему обычаю, *выси-дѣлъ* награду, какъ говоришся у насъ въ учи-лищѣ; а для меня сыскались добрые люди, ко-порыхъ опличіе постараюсь я оправдать.

— Какъ?.. Я не понимаю эшого.

« Эшо очень поняшно. Мои родные знакомы съ Академиками; они просили ихъ обратишь вниманіе на мои успѣхи—то ешь, если успѣхи ешь — и вопъ Академики назначили меня.

Ломоносовъ поморщился, когда понялъ эшо по своему.

— Зачѣмъ-же не просто хопѣлъ пы заслу-жить опличіе?

« Какъ просто?

— Трудомъ.

« Это хорошо , да не всегда вѣрно .

— А то вѣрно , да не хорошо .

« Чшо-же шушь худаго ?

— То , чшо я не хопѣль-бы видѣть Виноградова , сгибающаго спину .

« Ломоносовъ ! ты обижаешь меня . Я не сгибался ни передъ кѣмъ , не былъ ни у кого въ передней ; за меня шолько сказали нѣсколько словъ . Повѣрь , мой другъ , безъ эшихъ маленькихъ хипросей не лзя жипъ на свѣшѣ .

— Не лзя , шакъ и не живи .

« Ну , вопъ , видишь-ли куда приводишь швоя логика : *ad absurdum* .

Ломоносовъ могъ-бы доказать справедливосшь свою , въ кошорой былъ онъ убѣжденъ . Но онъ искренно любилъ Виноградова за умъ и доброе сердце , и пошому ошошно ошановился въ дальнѣйшихъ убѣжденіяхъ . Такъ любимъ мы всегда прощаешь маленькія слабоспи въ человекѣ , близкомъ сердцу , извиняя поступки его необходимосью , неопытносью , невѣдѣніемъ .

Сборы къ опѣзду нѣсколько времени занимали друзей . Имъ дали обширную инспрукцію , въ кошорой было сказано , чшо Академія , опличая необыкновенныя способноспи и прилежаіе студеновъ Ломоносова и Виноградова , опправляетъ ихъ , для дальнѣйшаго усовершенсшвованія въ наукахъ Машемашическихъ , въ

Физикъ , Химіи и Металлургіи , къ славному въ ученѣмъ мірѣ Философу и Математику Христіану Вольфу ; что они опсправляюся на иждивеніи Академіи , на первый случай въ Марбургѣ , мѣспопребываніе упомянушаго ученаго ; что послѣ *изряднаго* обученія у Христіана Вольфа , *имѣють они* вѣхашъ , по его совѣшу , въ другія мѣста Германіи .

За эшимъ слѣдовали наспавленія нравспвенныя и экономическія : веспи себя порядочно ; въ проѣздѣ черезъ Россію и чужеспранныя Государсшва оказывашъ повиновеніе власшамъ ; соблюдашъ усшавы религіи и благонаравія ; всемѣрно забошпишъся и пещисъ о наукѣ ; наконецъ , не издерживашъ болѣе назначенной имъ на расходы суммы , и шакъ далѣе .

Въ шоржеспвенномъ засѣданіи Академіи вручили имъ инспрукцію , деньги , письмо къ Христіану Вольфу , и въ заключеніе всего сказали еще маленькое увѣщаніе , о исполненіи обязанностей . Молодымъ ученымъ назначено было опправившъся въ пущъ на другой день .

Ломоносовъ улучилъ минушу забѣжашъ къ Селію . Сшарикъ обрадовался , что юный другъ его вѣдешъ въ средѣшчѣе просвѣщенія , что шеперь ошъ него самого зависишъ довершишъ начашое шакъ шчасшливо .

« А я увѣренъ , что какъ скоро зависишъ эшо ошъ Ломоносова , онъ не обманешъ на-

деждъ Академіи. Какъ знашь, мой другъ, что, можеть бышь, шѣбъ предназначено бышь первымъ Русскимъ ученымъ; можеть бышь, шы призванъ судьбою показашъ, къ чему способенъ въ наукахъ знаменитый Русскій народъ.»

Такое поржесшвенное, лесшное поощреніе изъ ушъ опышнаго ученаго, было усладитель-но душѣ Ломоносова. Онъ съ жаромъ поцѣловаль его руку, благодариль за участіе къ судьбѣ своей, и почши со слезами на глазахъ вышелъ ошъ Селлія.

Чѣмъ ближе спановилась минуша ошѣзда, шѣмъ болѣе превожилась душа Ломоносова. Мысль, что онъ долженъ разспахъся съ опечесшвомъ, въ первый разъ сдѣлалась для него чувшвишельна. Все родное заключалось у него въ словѣ: *Россія*, пошому что онъ уже давно разлучился съ ошцомъ, кошорый одинъ соспавлялъ для него семейшво. Онъ привыкъ жить одинокимъ, безроднымъ среди людей; но еще у него оставалось опечесшво. Теперь, надобно было покинуть и его, покинуть родной воздухъ, родной языкъ, родную землю.

«О, ешъ многое, чего не цѣнимъ мы по достоинству, и что узнаемъ шолько шогда, когда лишаемся его!» сказалъ онъ самъ себѣ, кидаясь на постель вечеромъ, наканунѣ ошѣзда. Можно предспавить себѣ, спожойно-ли

провелъ Ломоносовъ ночь. Онъ вспалъ рано ушромъ , и поропилъ Виноградова ѣхашъ.

Но Виноградовъ , окруженный своими родными , не могъ бытъ пакъ бодръ какъ шоварищъ его. Наконецъ и онъ кинулся въ повозку , провожаемый слезами и благословеніями. Ломоносовъ спарался ободришь друга , описывалъ ему счастливую Германію , чудеса Европы , и собшвенное ихъ будущее , кошорое улыбалось очень привѣшливо.

— Вообрази прежде всего — сказалъ онъ — что мы наконецъ свободны въ своихъ поступкахъ , можемъ дѣйшвовашъ какъ граждане міра , а не какъ школьники.

« Поздравляю себя ; но , я думаю , эшо пошруднѣе нежели сидѣшь спокойно за книгою. Не знаю почему , только я не радуюсь своей волѣ. Мнѣ почши жаль , что ѣду изъ Россіи.

— Жаль и мнѣ оспавить ее , можешъ бытъ на долго. Но за шо , какъ весело будешъ воропишься намъ , обогащеннымъ новыми познаніями , опытношью , и можешъ бытъ какими нибудъ заслугами !

« Дай Богъ , чтобы сбшлись швои слова.

Подумавъ немного , Ломоносовъ сказалъ :

— Во всякомъ случаѣ , школьническая жизнь наша кончилась ; пора дѣйшвовашъ на поприщѣ свѣша.

ГЛАВА IX.

Какое чувство шѣснилось въ груди Ломоносова, когда онъ ославилъ за собою границу Россіи?... Радость, что онъ вспунилъ въ Государства, славныя своею образованностью, пока разлуки съ опечесствомъ, и неизвѣстность будущаго, которое всегда грозитъ представляеся намъ въ подобныхъ случаяхъ: вопъ что испыывалъ путешественникъ, пылкій во всѣхъ обстоятельствевахъ жизни. Вѣроятно, не разъ подумалъ онъ и о томъ: съ какими чувствами встрѣчу я опять себя, моя родина? Какъ представившись тогда мнѣ ты, и каковъ буду я самъ, возвращаясь на твою священную землю? Достойнаго-ли сына увидишь ты во мнѣ, или человека, утратившаго счастье, миръ души и средства бытъ полезнымъ опечесству?

Но задумчивость обоихъ путешественниковъ прошла, когда они вѣхали на равнины Саксоніи.

«Наконецъ мы въ Германіи,» сказалъ съ нѣкоторою шоржесшвенностью Ломоносовъ своему сопутнику.» Посмотри какія богатія, обработанныя поля, какіе красивые перелѣски, какія шучныя пажити! Послѣ песчаной Бранденбургіи они кажутся еще прелеснѣе. И что за миловидные домики! что за хорошенькія личики выглядывають изъ эшихъ домиковъ!

— Все эшо хорошо—опшѣчалъ Виноградовъ—но мнѣ, право, жаль, что мы уже проѣхали пески Бранденбургіи.

«Жаль? не шого-ли, что мы не будемъ пащиться на ряду съ обозными шѣлегами, по одной милѣ въ пять часовъ?»

— Ну, везуть-шо и насъ не слишкомъ бойко: не какъ въ Россіи! А жаль, что мы все дальше и дальше опъ родимой спороны.

«Что-жъ дѣлаешь, Виноградовъ! Надобно и шущъ пожертвованіе.

— Грустно!

«Нѣтъ, я не хочу грустить. Я хочу наслаждаться мыслью, что мы шеперь среди образованнаго народа. Не грустишь, а учишься у него пріѣхали мы.

— Ужъ вѣрно у эшихъ мужиковъ научишься нечему. Иное дѣло Нѣмецкіе Профессоры....

«Мнѣ нравятся и мужики здѣшніе. Какъ они опрятны, заняты своимъ дѣломъ, веселы!

— Все не шо, что у насъ.

«Теперь намъ, еще рано судить объ этомъ : проживемъ у Нѣмцевъ, тогда увидимъ. На взглядъ у нихъ славно !

— Скудно.

«Да полно-же, Виноградовъ, шосковашь ! Эшакъ не лѣзя ничѣмъ бышь довольнымъ. Углубляйся въ науки, а не въ шоску. И какъ не радовашься, глядя на эши веселыя мѣста !

— Мы не дѣши.

«Нѣпъ, я всегда останусь дѣпъ, когда мнѣ весело. Философствуй какъ хочешь ; пеперь я не шоварищъ шебѣ.

И онъ вдыхалъ въ себя воздухъ Саксоніи, давалъ полную волю глазамъ, и шочно радовался всѣмъ, что видѣлъ и чувствовалъ.

Понятно это чувство въ молодомъ, двадцати-шести лѣтнемъ человѣкѣ, воспитанномъ среди снѣговъ Сѣвера и долго прожившемъ въ снѣгахъ школы. Какъ вольная ппичка, выпущенная изъ клѣшки, онъ радуется природой, и каждый предметъ имѣетъ для него несравненную цѣну, удваиваемую свѣжесью чувствъ.

Но Ломоносовъ не долго могъ наслаждаться природою Германіи : онъ и шоварищъ его скоро достигли мѣста своего назначенія, Марбурга.

Эшопъ городъ не имѣлъ тогда славы, какою пользовался онъ нѣкогда. Послѣ Цвингли и Лю-

шера, которые совѣщались въ немъ объ испи-
нахъ и догматахъ новой своей религіи, Мар-
бургъ процвѣталъ много лѣтъ, и Универси-
тетъ его сдѣлался славенъ своими учеными и
необыкновеннымъ спеченіемъ учащихся. Но раз-
новѣріе, учрежденіе Протестантскаго Универ-
ситета въ Гиссенѣ, многія народныя бѣдствія,
язва, Тридцати-лѣтняя война и другія слѣдо-
вавшія за нею войны, скоро заспавили мирныхъ
Музъ удалишся изъ этого убѣжища. Только
переселеніе Христіана Вольфа въ Марбургъ на-
чало опяшь привлекать шуда молодыхъ ученыхъ,
и напомнило прежнюю славу Марбургскаго Уни-
верситета.

Христіанъ Вольфъ не былъ тогда еще ни
Барономъ, ни богатѣйшимъ изъ ученыхъ людей,
но уже обращалъ на себя вниманіе Европы. Во
время профессорства своего въ Галле, онъ про-
славился Философическими лекціями. И дѣйстви-
тельно, Философія его дала новое движеніе
умамъ. Онъ былъ пояснитель, исправитель си-
стемы Лейбница, и оказалъ великую услугу
наукъ своею спрогою, математическою мето-
дою изслѣдованій. Онъ привлекъ къ себѣ жар-
кихъ послѣдователей, не защищаясь отъ пе-
даншовъ, которые принимая методу его толь-
ко вредили ей, и наконецъ былъ гонимъ за
свою Философію. Однимъ изъ самыхъ опчаян-
ныхъ враговъ его былъ сочленъ по Универси-

пешу, Галльскій Профессоръ Ланге, энтузіастъ и піетистъ, который находилъ въ Вольфовоѣ Философіи гибель для умовъ и даже для религіи. Онъ привлекъ на свою спорону нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, и соединенными силами они достигли того, что повелѣніемъ Короля Фридриха Вильгельма 1-го, Вольфъ былъ изгнанъ изъ Прусскихъ владѣній. Ему приказали подъ смертною казнію оставить Галле въ 24 часа. Оскорбленный философъ удалился въ Марбургъ, гдѣ былъ принятъ съ ошличіемъ и занялъ мѣсто при шамошнемъ Университетѣ. Между тѣмъ слава его распространилась болѣе и болѣе; многіе Университеты предлагали ему самыя выгодныя мѣста; но онъ ошклонялъ всѣ предложенія, и уже не хотѣлъ возвращаться въ Галле, когда особо учрежденное собраніе ученыхъ въ Берлинѣ оправдало его ошъ всѣхъ нарѣканій, и Король снова призывалъ его въ свои владѣнія.

Ломоносовъ зналъ славу своего будущаго учишеля, и по пріѣздѣ въ Марбургъ хотѣлъ какъ можно скорѣй явиться къ нему. Онъ съ поварищемъ своимъ занялъ маленькую кварширу, въ ошдаленной часши города, и на другой-же день пошли они къ Вольфу.

Все казалось Ломоносову преображеннымъ, когда наконецъ онъ былъ въ зданіяхъ Универ-

сипеша, и робко постучался въ дверь знаменитого ученаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какое странное сближеніе событій! Человѣкъ, рожденный по видимому провести свою жизнь на берегахъ Бѣлаго моря, съ неведомъ, вырывается изъ непоспимой глубины невѣжества, и шрудомъ, ученіемъ пролагаетъ себѣ путь къ кабинету перваго изъ современныхъ ученыхъ и философовъ. Онъ былъ какъ будто представителемъ Сѣвера, пребывающаго просвѣщенія у Запада. Въ видѣ Ломоносова, Россія стучалась въ двери Вольфа, съ жаждою науки и знанія.

Слуга отворилъ дверь, и на вопросъ путешественниковъ, можно-ли видѣть Профессора, отвѣчалъ :

« Пожалуйте. »

Они вошли въ прекрасныя, хорошо убранныя комнаты. Имъ велѣли безъ доклада отворить дверь кабинета Вольфа. Нѣсколько секундъ Ломоносовъ собиралъ силы сдѣлать это, и наконецъ отворилъ дверь.

Вольфъ сидѣлъ посреди кабинета, за большимъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами. Онъ поднялъ утомленные работою глаза свои, и видя незнакомыхъ, вспалъ.

Ломоносовъ подалъ ему письмо Академіи и прибавилъ по-Латински :

« Петербургская Академія , въ лицѣ нашемъ , свидѣтельствуетъ глубокое уваженіе свое Христіану Вольфу. Она прислала сюда насъ , подавателей этого письма , учисья истинамъ , которыми просвѣщаеши вы людей.

Вольфу пріятно было это неожиданное привѣтствіе , и онъ отвѣчалъ съ самою радушною улыбкою :

« Благодарю васъ , благодарю Петербургскую Академію за вниманіе къ трудамъ моимъ , конечно не важнымъ , по крайней мѣрѣ усерднымъ. Прошу васъ , господа , садитесь. Вы рѣдкіе гости у меня , и , кажешся , даже я не имѣлъ удовольствія видѣть у себя Русскихъ.

— Нашъ Императоръ , Петръ Великій , былъ первый Рускій , который пріѣзжалъ на западъ Европы учисья просвѣщенію. Мы идемъ только по направленію , какое далъ онъ своему народу.

« Да , Петръ былъ не только Великій , но и величайшій изъ Государей. Жалѣю , что я не могъ пріѣхать , по приглашенію его , въ вашу Академію. Мы не поняли другъ друга ; сверхъ того , и Академія тогда еще не была открыта. Впрочемъ , другъ мой Бильфингеръ памъ , и я спокоенъ объ участи Философіи въ Россіи.

— Академикъ Бильфингеръ всегда называетъ себя ученикомъ вашимъ , и по его-то особенному желанію отправлены мы къ вамъ.

« Онъ раздѣляетъ мои философскія идеи , эшо правда , но такой ученикъ можетъ быть достойнѣе своего учителя. Лейбницъ : вошъ общій нашъ пушеводишель. Не называю его своимъ учителемъ , пошому чшо не вполне раздѣляю идеи его.... Но, позволше мнѣ прочесть письмо. »

Вольфъ распечаталъ письмо Академіи, началъ читашъ его, и далъ время посѣпшителямъ обглядѣть все , окружавшее ихъ. Съ какою жадносноію смотрѣлъ Ломоносовъ на все эшо : каждая книга на сполѣ Вольфа казалась ему чѣмъ-то избраннымъ, достойнымъ вниманія мудреца; каждый исписанный листъ представлялъ онъ себѣ символомъ богатыхъ мыслей , и, можетъ быть , какой нибудь счетъ хлѣбника воображалъ глубокимъ математическимъ исчисленіемъ. Кабинетъ Вольфа , впрочемъ , не представлялъ никакихъ ученыхъ принадлежностей , кромѣ книгъ, и больше опличался богатствомъ вещей обыкновенныхъ.

Прочитавъ письмо , Вольфъ сказалъ :

« Академія Пешбургская поручаетъ васъ , молодые люди , моему руководству. Съ радостью принимаю на себя эшу обязанность и почшу за особенную честь содѣйствовать благородному ея намѣренію. Вы имѣли такихъ опличныхъ наставниковъ , послѣ которыхъ мнѣ остается не много труда. Мысль Пешра, освѣ-

ценная глубокомысленнымъ Лейбницемъ , должна принести обильные плоды. Сколько лѣтъ учились вы въ Академической Гимназіи ?

— Два года — отвѣчалъ Ломоносовъ.

« Послѣ приготовительнаго ученія , это достаточно. Теперь , какъ я вижу изъ письма , васъ предназначающъ къ особенному изученію Философіи , Химіи и Металлургіи . »

Онъ вспалъ , началъ ходить по комнатамъ , и какъ-бы размышлялъ вслухъ :

« Два, при года надобно посвящешь ученію въ Университетъ ; для Химіи и Металлургіи необходимо сдѣлашь нѣсколько путешествій , побываешь въ рудникахъ , практически занимаешься химіею , и наконецъ сдѣлашь репетицію всѣхъ приобрѣтенныхъ познаній. Дай Богъ , чтобы все это исполнилось ! . . . Какую часть Философіи преподавалъ вамъ Бильфингеръ ? » сказалъ онъ , обращаясь къ молодымъ людямъ .

— Послѣ общаго введенія — отвѣчалъ Ломоносовъ — онъ изъяснялъ Картезіеву и Лейбницеvu системы , опровергалъ ученіе о монадахъ и предудставленной гармоніи ; наконецъ обратился къ вашей системѣ .

« Слѣдственно занимался новѣйшею Философіею . Не говорилъ-ли онъ чего либо о моихъ прошивникахъ ?

— Онъ упоминалъ о нихъ, прибавляя что они не споятъ опроверженія.

« Напрасно. Въ Философіи шерпимоссть дороже нежели во всѣхъ другихъ наукахъ. Умъ человѣческій способенъ заблуждаться; но каждое заблужденіе есть опытъ, которымъ должно воспользоваться. Прошивники мои смѣшивають Философію съ Религією, и называютъ ученіе мое безбожнымъ. Но истина не боится ни какихъ наръканій. Время оправдаетъ меня.

— Оно уже и оправдало васъ, ученый мужъ! — сказалъ съ жаромъ Ломоносовъ. — Въвѣщеносцы удостоивають васъ своею довѣренностью.

« А ученые гонятъ меня со свѣта! Да, я много прешерпѣлъ за Философію, и примѣръ мой послужитъ новымъ урокомъ для будущихъ философовъ. Никогда и ни что не прешерпѣвало пакихъ гоненій, какъ Философія. Сократъ выпилъ за нее цикушу; Джіордано Бруно, эпошь добрый мечшатель, былъ сожженъ на кострѣ; Карпезій бѣжалъ изъ своего отечества. За что? за нѣсколько идей, которыя не нравились другимъ людямъ.

— Общее уваженіе было всегда наградой великихъ шрудовъ.

« Но въ самомъ шрудѣ, въ самомъ подвигѣ лучшая награда его. Не себялюбіе говоритъ

это: нѣтъ, я вполне чувствую, напимѣръ, лесное опличіе, которое сдѣлала мнѣ Пешбургская Академія, пославши сюда васъ, молодые люди. Но никакая награда, никакое опличіе не могли быть цѣлю моей жизни. Вступая на шрудное поприще учености, и особенно Философіи, вы должны знать, что васъ ожидаетъ, прежде всего, борьба съ самими собою и съ жизнію. Чувствуете-ли вы довольно мужества для такой борьбы?

— Да! — отвѣчали въ одинъ голосъ молодые люди.

« Это необходимо. Если какія нибудь постороннія причины увлекають человека на ученое поприще, онъ лучше сдѣлаетъ, если обратится къ чему нибудь другому. Только душевная швердосшь и спроситъ къ самой наукѣ подкрѣпляютъ ученаго. Болѣе нѣтъ для него никакихъ обольщеній.

Ломоносовъ думалъ слышать въ этихъ словахъ свою собственную исторію. Онъ не смѣлъ проронить ни одного слова изъ сужденій Вольфа.

— Впрочемъ, не пугайтесь строгихъ предвѣщаній моихъ. Я хочу только, чтобы вы съ самаго начала знали, къ какому великому шуду предназначило васъ опечество. Увѣренъ также, что Академія избрала достойныхъ изъ учениковъ своихъ. Небольшой разговоръ нашъ дока-

зываетъ , что я разсуждаю съ вами какъ старый вашъ другъ. Прошу и мнѣ плашиться такою же искренностью.

Молодые путешественники не знали какъ благодарить Вольфа за его привѣтливостъ. Они сказали нѣсколько вѣжливыхъ фразъ , и спросили , когда позволятъ онъ имъ посѣщать Университетъ.

— Чѣмъ скорѣе , тѣмъ лучше. Завтра , если можно , приходишь въ мою аудиторию. Послѣ лекціи я представлю васъ другимъ Профессорамъ.

Такъ окончился этотъ разговоръ , доспомятый для Ломоносова Онъ былъ совершенно очарованъ Вольфомъ , хотя еще не слышалъ отъ него ничего необыкновеннаго. Но уже одна мысль , что онъ бесѣдовалъ съ такимъ знаменитымъ мужемъ , приводила его въ восторгъ.

— Ну ? что скажешь ты о Вольфѣ ? — спрашивалъ онъ у Виноградова , и сердился что тотъ не раздѣлялъ сильныхъ его впечатлѣній. Виноградовъ хотѣлъ сначала *осмотрѣться , подумать , посудить*. Обыкновенныя изрѣченія мудрости для домашнего обихода !

На лекціи Вольфа нашли они многочисленное собраніе слушателей. Тамъ были молодые люди изъ всѣхъ странъ Германіи , изъ Нидерландовъ , даже изъ Англіи и Франціи. Съ благоговѣйнымъ

вниманіємъ слушали они своего Профессора; самые опытные пребывали у него иногда поясненій, доказательствъ, и онъ съ удивительнымъ присутствіемъ ума удовлетворялъ каждого. Ломоносовъ почелъ себя перенесеннымъ въ Академію Платона, или, еще больше, въ какой-то очарованный міръ. Онъ съ невыразимымъ счастьемъ слушалъ слова Профессора и глядѣлъ на все окружающее его. Это собраніе цвѣтущихъ юношей, пришедшихъ изъ разныхъ странъ учиться мудрости, казалось ему такимъ величественнымъ зрѣлищемъ, которое находилъ онъ выше всего, что когда нибудь видѣлъ и воображалъ.

Вольфъ не забылъ своего слова. Послѣ лекціи, онъ опыскалъ пріѣзжихъ изъ Россіи, повелъ ихъ въ Университетскіе Кабинеты, представилъ многимъ изъ своихъ товарищей-Профессоровъ, и просилъ почитать Ломоносова и Виноградова людьми, особенно ему порученными. Рекомендація такого значительнаго человѣка открыла имъ входъ всюду. Они спали свободно посѣщая Университетъ, Профессоровъ, и скоро сблизились съ многими изъ своихъ соучениковъ.

Ломоносовъ увидѣлъ необходимость выучиться Нѣмецкому языку. Лавинскій былъ доспапченъ для слушанія лекцій и даже для разговоровъ съ Профессорами и соучениками. Но и

эпи не всѣ говорили свободно на языкѣ Римлянъ; да, сверхъ того, при одномъ Лашинскомъ, часто надобно было оспавашься нѣмымъ съ пуземцами ; а эшо скучно и неудобно.

Съ обыкновенною силою рѣшимости своей, Ломоносовъ началъ учисься Нѣмецкому языку, изъ книгъ и изъ обращенія. Знакомые студены изъясняли ему Грамматику, исправляли произношеніе его, и говорили съ нимъ, часпо для того только , чшобы говорить. Виноградовъ учаспвовалъ въ эшомъ ученѣ, можешъ бышъ не съ такимъ усердіемъ какъ шоварищъ его , однакожъ съ успѣхомъ. Прошло шри, чешыре мѣсяца и Ломоносовъ уже довольно свободно говорилъ по-Нѣмецки. Эшо еще больше придало ему охоты ; онъ спалъ чаще видѣшся съ своими соучениками , иногда проводилъ съ ними цѣлые дни, и незамѣшно привыкалъ къ Нѣмецкой жизни.

Славная была эша жизнь ! мирная , опрятная, безъ зашѣйливыхъ спрасшей , и со всѣми прикрасами спокойствія и пишины. Ломоносовъ опдыхалъ опъ умспвенныхъ шрудовъ своихъ въ кругу добрыхъ горожанъ , судилъ съ ними о хозяйствѣ, рассказывалъ имъ чудеса о своемъ опечесствѣ, и часпо удивлялъ своими рассказами. Его полюбили спарики и спарушки за веселый характеръ, за оспрый умъ , кошорымъ оживлялъ онъ ихъ разговоры , а всего больше

за желаніе узнатьъ ихъ нравы и примѣнишься къ нимъ. Но если Ломоносова полюбили спешенные люди, то еще больше привязались къ нему люди молодые, у кошорыхъ шакъ-же кипѣла кровь какъ и у новаго шоварища ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Нѣмцѣ надобно различать двухъ человѣкъ: молодаго и спараго. Первый, почти всегда, проводишь свои годы въ самомъ живомъ весельѣ, поддается пылкимъ спрашьямъ, и не знаетъ границъ юношеской дѣятельности своей. Онъ влюбляется, сумасбродствуетъ отъ любви, и для одного слова добраго шоварища гошовъ спрѣляшься, идиши въ огонь и въ воду. Дружба, любовь, наслажденія — вотъ для чего живешь молодой Нѣмецъ. Но проходяшь годы юности, насшаешь возрастъ мужесшва, спешенства, и лобъ огненнаго Нѣмца покрывается морщинами, взглядъ, пошшуъ его принимающъ какую-то важность, и черезъ десятиъ лѣтъ вы не узнаете прежняго человѣка. Онъ безспрашенъ: онъ хладнокровно глядишь на свѣтъ, на лешащія мимо его событія, и думаетъ только о мирномъ уголкѣ своемъ, не думая болѣе о спрашьяхъ. Изъ Донъ-Кихота молодости, онъ дѣлается Санчо-Пансою пожилыхъ лѣтъ. Бываетъ шо-же во всѣхъ народахъ; но ни у одного, кромѣ Нѣмцевъ, нѣтъ такого единообразія въ переходахъ жизни, такой рѣзкой переменѣ въ направленіи ума. Нѣмецъ бѣсншся

до двадцати пяти лѣтъ, и благоразумно проводилъ всю оспальную жизнь. Исключеній мало, да и въ тѣхъ всегда есть слѣдъ общаго направленія.

Однажды, двое добрыхъ пріятелей студентовъ пригласили Ломоносова къ себѣ на вечеръ. Онъ еще никогда не бывалъ на студенческихъ пирушкахъ и охотно пришелъ къ нимъ, вмѣстѣ съ Виноградовымъ.

Время было подъ осень, однакожь солнце еще хорошо согрѣвало благодатную землю Германіи, и даже вечера уподоблялись лѣтнимъ.

«Гдѣ Шпрингнадель и Клугеманнъ?» спросилъ Ломоносовъ у хозяйки, пришедши на квартиру своихъ пріятелей.

— Въ саду—опивѣча спарушка.

Рускіе пошли въ садъ, и увидѣли тамъ, на небольшомъ клочкѣ земли, усаженномъ деревьями, облѣпленномъ зеленью и устланномъ цвѣтами, множеству молодыхъ людей, почти все пріятелей своихъ или знакомыхъ.

«А, Ломоносовъ, Виноградовъ!» закричало нѣсколько голосовъ.

— Добро пожаловать! Васъ только и недосаждало—сказали хозяева.

Ломоносовъ очутился среди самаго веселаго общесства. Человѣкъ двадцать сидѣло вокругъ зеленаго крашенаго стола, уславленнаго бу-

пылками, спаканами, фрукшами, бушпербромъ. Всѣ госпи уже скинули кафшаны, не смотря на приближающійся вечеръ; нѣкоторые изъ нихъ курили шрубки, другіе наливали виномъ и опорожнивали спаканы; претѣи сидѣли въ задумчивости, сложивъ руки; наконецъ иные мурлыкали про себя народныя пѣсни. Въ разговорѣ не было ничего общаго, связнаго; всякой предлагалъ вопросы не думая объ отвѣтахъ, смѣялся, шутилъ и высказывалъ всѣ задушевные мысли.

—Ну-ка, Русскіе братья, чару за братство!— вскричалъ Шпрингнадель и напѣнилъ огромные спаканы.

Ломоносовъ не зналъ въ Россіи что значило вино; въ Германіи онъ уже попривыкъ пилъ его за обѣдомъ, и даже полюбилъ это; но скудные доходы его не позволяли ему ни малѣйшей роскоши. И вдругъ увидѣлъ онъ себя теперь въ обязанности осушить огромный спаканъ, потому что выпить за братство былъ обязанъ каждый. Чокнулись, выпили.

«Теперь за пріѣзжихъ изъ Россіи!» сказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ. Снова засверкало вино, зашумѣли добрыя желанія, и спаканы были осушены.

—Пора вспомнить и Философію—сказалъ Кругеманнъ. —Мы еще ничего не пожелали великому нашему учителю, Христіану Вольфу.

«За Христіана Вольфа!» закричало нѣсколько голосовъ.

—Самыхъ искреннихъ желаній ему счастья!— прибавилъ Шпрингнадель. Онъ взялъ лучшаго вина, какое было на столѣ, разлилъ его всѣмъ въ спаканы, и сказалъ:

—Здоровье его надобно пить споя, господа!

Всѣ вскочили; курившіе бросили свои пубки; благоговѣнно произнесены были слова:

—Здоровье учителя нашего, Христіана Вольфа!

«Да здравствуетъ!» закричали всѣ, осушивъ спаканы.

Послѣ этого завязался разговоръ, живѣе и шумнѣе прежняго. Быстро перемѣнялись предметы: Философія шла за веселымъ анекдотомъ, Богословскій вопросъ слѣдовалъ за воспоминаніемъ о спаринѣ; пѣсня гремѣла въ промежуткахъ.

Ломоносовъ, хотя пришелъ позже другихъ, уже чувствовалъ, что голова у него начинаетъ кружиться. Когда снова предложенъ былъ поэтъ, за жизнь и за смерть въ дружбѣ, онъ замѣнилъ своимъ поварищамъ, что они забываютъ мудрое правило: *никого съ излишкомъ!*

—In vino veritas!— ошвѣчалъ Шпрингнадель.

—Мы будемъ искреннѣе говорить, вошъ вся бѣда.

«Конечно, если только въ силахъ будемъ говорить чпо нибудь.

—Какой вздоръ! вскричалъ хозяинъ. — Развѣ ты ребенокъ? И зачѣмъ-же пришелъ ты, если не хочешь дѣлать съ нами веселья?

Надобно было согласишься.

Между тѣмъ Ломоносовъ уже худо понималъ, чпо съ нимъ дѣлается. Веселье пылало въ головѣ его; онъ пѣлъ со своими поварищами Нѣмецкія пѣсни, шумѣлъ и веселился не хуже другихъ; но все эшо начинало принимашъ какой-то дикій видъ. Напрасно Виноградовъ, лучше сохранившій себя, нѣсколько разъ говорилъ ему на ухо, чпо пора имъ ворошиться домой; Ломоносовъ не хотѣлъ слушать его, и наконецъ, когда еще разъ услышалъ совѣтъ своего поварища, закричалъ во все горло по-Русски:

«Убирайся ты опъ меня, плакса!» И прибавилъ по-Нѣмецки: «Господа! избавьте меня опъ эшого человѣка: онъ хочетъ вырвать меня опъ васъ.

Грозныя слова посыпались на Виноградова со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые даже замахнулись пубками, и огорченный Виноградовъ принужденъ былъ умолкнуть. Выбравъ удобную минушу, онъ рѣшился уйдши одинъ и воспользовался для эшого темною ноци, оставивши Ломоносова полуусыпленного. . . .

На другой день, солнце было уже высоко, а Ломоносовъ только что проснулся. Онъ не помнилъ, какъ окончилъ вчерашній день и гдѣ былъ шеперь. Чувствуя жестокую боль въ головѣ, онъ вспалъ, оглядѣлся, и увидѣлъ, что находится въ кварширѣ пріятелей, у которыхъ пировалъ вчера. Онъ не могъ привести себя на память, какимъ образомъ возвратился въ комнату, какъ дошелъ до канапе, на которомъ проспалъ ночь, и куда дѣвались всѣ окружающіе его. Непріятное, язвительное чувство спукнуло въ его душу, когда онъ сообразилъ все это.

«Забылся до такой степени! уподобился бессмысленному животному, или, нѣтъ, хуже: безумцу, человеку, самовольно отказавшемуся отъ разсудка!» Въ это время онъ былъ готовъ обвинять себя какъ преслупника.

Въ другой комнатѣ закашлялъ кто-то, и вскорѣ появился опшуда Шпрингнадель.

Съ негодованіемъ глядѣлъ на него Ломоносовъ, но шопъ, не замѣчая этого, дошелъ до канапе, бухнулъ на него, и зѣвая сказалъ:

«Заспались, братъ, мы!... Ну, куда ты, Михайло? Опшѣпа не было.

Шпрингнадель взглянулъ на Ломоносова, и замѣтивши въ лицѣ его негодованіе, спросилъ:

«Да что ты хмуришься? Голова болитъ? пройдешь!»

— Но не пройдетъ досада моя на васъ, развращенниковъ! — вскричалъ Ломоносовъ. — Вы заставили меня безумствовать и забыть все!

Шпрингнадель ушавилъ на него глаза и пошомъ расхохотался.

«Да ты еще спишь, Михайло! ты еще и теперь не понимаешь себя.

— Нѣтъ, я понимаю, что вчера уподобился вамъ. Но впередъ не будетъ этого: я буду бѣгать отъ васъ, какъ отъ язвы.

«Да что ты это, братецъ! съ чего вздумалъ бранить насъ? что сдѣлали мы такого ужаснаго?

— Вы буйствовали, пили, и забыли все.

«Такъ что-же? Для того-то и пьюшь, чтобы забыть житейскія горести.

— Нѣтъ, онѣ еще сильнѣе грызутъ теперь мое сердце. Вы успѣли забыть только разсудокъ.

«А на что тебѣ этошь воркунъ разсудокъ, когда ты хочешь повеселишься? Вотъ онъ онытъ съ тобой: люби да жалуй, наслаждайся имъ вдоволь.

— Напрощивъ, я теперь не могу думать ни о чемъ, кромѣ своего просупка.

«Пройдешь, братецъ, только займись дѣломъ.

— Но куда я гоюсь съ этою головою болью, съ лихорадкой во всемъ тѣлѣ?

« Ну , давно-бы сказаць ! Значить : надо выпить еще. Поспой , у меня оспалась еще бутылка славнаго вина.

Ломоносовъ схватилъ свою шляпу и хопѣлъ бѣжать вонъ. Шпрингнадель успѣлъ поймать его за руку и сказаць :

— Михайло ! я жалѣю , что заспавилъ тебя сердиться. Но, повѣрь, ты самъ увидишь какъ это несправедливо. Ни я , ни ты , ни кто не виноватъ ни въ чемъ. Выпей спаканъ вина и головная боль своя пройдетъ. Повѣрь-же мнѣ хопъ въ этомъ.

— Но я не могу теперь думать о винѣ. Пусти меня, Шпрингнадель.

«Нѣтъ, ты долженъ выпить со мной.

Видъ безобразнаго Шпрингнаделя еще больше отвращалъ Ломоносова отъ мысли о новомъ пьянствѣ. Онъ вырвался отъ него и ушелъ.

Возвращаясь домой, онъ еще вспомнилъ, что вчера обидѣлъ Виноградова , и это расперзало его новымъ мученіемъ. Онъ не нашелъ Виноградова дома : тотъ былъ на лекціи. Ломоносовъ бросился на спулъ и въ самомъ грустномъ расположеніи рѣшилъ дожидаться его.

«Такъ вотъ зачѣмъ пріѣхалъ я въ ученую Германію!» подумалъ онъ. «Вотъ какъ идушь мои часы , опредѣленные на ученье ! Вотъ какъ я оправдываю довѣренность Академіи ! Нѣтъ , я

недостойнъ благодареній моего опечесства , которое вывело меня , рожденнаго бытъ мужикомъ , въ самый благородный санъ , въ разрядъ людей просвѣщенныхъ. Но сдѣланный одинъ разъ проступокъ надобно поправить. Помирюсь съ Виноградовымъ , выпрошу у него прощенія , и строгимъ наблюденіемъ за самимъ собой поспараюсь уничтожить минувшую забывчивость.»

Такъ внутрененно упрекалъ себя Ломоносовъ за этотъ первый шагъ къ нравственному паденію. Онъ былъ крѣпокъ въ правилахъ самой строгой душевной чистоты , и потому-то ему было тяжело увидѣть первое пятно на своей чистой , свѣтлой душѣ.

« Другъ Виноградовъ ! проси меня ! » вскричалъ онъ , увидѣвши своего товарища. « Я обидѣлъ тебя ! Но еще больше виноватъ я передъ неумолимымъ разсудкомъ , который пошерялъ на вчерашнемъ буйномъ вечерѣ. »

Виноградовъ обнялъ его и съ чувствомъ сказалъ :

« Любезный Михайло ! забудемъ этотъ проклятый вечеръ ! Ты самъ видишь , какъ неприятно велъ ты себя ; этого довольно. »

— Но ты прощаешь меня ?

« Опъ всего сердца ; но мнѣ и не въ чемъ прощать тебя. Ты правду сказалъ , что больше виноватъ передъ самимъ собой. »

— Да, да! Вонъ и сегодняшняя лекція пропала для меня: это слѣдствіе вчерашняго безумства. Чтѣ читалъ сегодня Вольфъ?

«Онъ нездоровъ и пошому не былъ на ка-едрѣ.

— Нездоровъ? А гдѣ-же былъ ты?

«Ты знаешь, что мы давно хотѣли перемѣнить эту кварширу: она далеко отъ Университета, да и помѣщеніе въ ней неудобно. Я рѣшился употребить упрѣ на осмотръ нѣсколькихъ кварширъ, и нашелъ одну, кажется, преудобную.

— Гдѣ?

«Очень близко отъ Университета. Двѣ комнаты, чистыя, свѣтлыя, сполнѣ вмѣстѣ съ хозіевами, и цѣна почти та-же что здѣсь.

— Прекрасно! У кого это?

«Хозіинъ какой-то цортной. Добрѣйшій видъ его порука за его добрыя качества. Это также дѣло не маловажное: имѣешь добраго хозіина.

— Правда, правда. Такъ ты и рѣшился?

«Нѣтъ. Пойдемъ, осмотримъ эту кварширу еще съ тобой вмѣстѣ.

— Пожалуй.

Они оправились. Ломоносовъ радовался, что товарищъ такъ великодушно забылъ вчерашнюю обиду, но это было ему едва-ли не тяжеле самыхъ горькихъ упрекѣвъ. Человѣкъ, упречаю-

щій за нанесенное ему оскорбленіе, какъ будто уже получаешь возмездіе. Мы почиаемъ себя не въ долгу передъ нимъ; онъ сказалъ все, онъ удовлетворень. Не это-ли чувство служишь и основаніемъ варварскаго обычая вознаграждать обиду кровью? Тамъ также вознагражденіе, расплаха, и главное не кровь пропивника, а нравственнее униженіе его. Но если міръ пребуешь вознагражденія за все, то и великодушіе берешь свою оппашу. Часто оно бываешь шажеле самой жестокой месши.

Полуробкій разговоръ друзей прервался вмѣстѣ съ приближеніемъ ихъ къ дому поршнаго.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ домикъ прелестный: небольшой, и чрезвычайно опрятный, недавно поспроенный, свѣтлый, веселый. Вошедши въ него, Ломоносовъ какъ будто вошелъ въ міръ тихой радости. Еще больше упѣшилъ его хозяинъ, человекъ не молодой, но пріятный наружношью, веселый, разговорчивый. Черезъ нѣсколько минушъ они заключили съ нимъ договоръ, и дали задашокъ, съ шѣмъ чшобы перебраться въ нанашья комнапы на другой-же день. Половину слѣдующаго дня оппнали у нихъ заботы переселенія. Наконецъ, къ вечеру, они устроились въ новой кварширѣ, шю еспъ, расклали по споламъ свои книги, шешради, назначили мѣсто для каждой вещи, и любовались новымъ своимъ помѣщеніемъ.

—Славно заживемъ мы здѣсь, Виноградовъ!—
сказалъ, садясь гордо на канапе, Ломоносовъ.

«Дай Богъ; только ужъ вѣрно не опъ спѣтъ
можно бытъ веселымъ!» отвѣчалъ Виноградовъ.

—А почему не опъ спѣтъ? Мнѣ спало весело,
когда я вошелъ въ эпошъ домикъ; весело и
теперь. Это значить, что онъ производить
на меня пріятное впечатлѣніе. Слѣдовательно,
пушъ виноваты спѣтъ, или лучше скажешь до-
микъ.

«Это вѣрно логически, но не вѣрно филосо-
фически. Внѣшніе предметы могутъ произвести
впечатлѣніе пріятное, но временное, преходя-
щее. Въ три дни приглядишься къ лучшимъ
красотамъ природы, и къ самымъ великолѣп-
нымъ комнатамъ; а ты говорилъ объ удоволь-
ствіи продолжительномъ, гдѣ надобно оспа-
ваться съ самимъ собой. Слѣдовательно пушъ
счастье должно бытъ не внѣ насъ, а въ насъ.

—Старая пѣсня, Виноградовъ! Надобно чаще
перемѣнять внѣшніе предметы: тогда они не
теряютъ цѣны новости и свѣжести.

«То есть, надобно въспреничать!

—Никакъ. Что такое удовольствіе? Удо-
влетворяемая дѣятельность человека; надобно
давать ей пищу, и въ удовольствіяхъ такъ-же
какъ въ трудѣ; тогда съ нею можно сдѣлать
много прекраснаго. Повѣрь мнѣ, Виноградовъ,

полюшко пѣ, въ комъ есть эта дѣятельность духа, полюшко пѣ производящъ великія дѣла. Ихъ часто называютъ вѣспренниками, но не справедливо. Вѣспреноспъ опноспсѣя къ мѣлочамъ, а мѣлочное во всякомъ случаѣ значпщъ немного. Впрочемъ, и маленькая вѣспреноспъ не бѣда.

—Но мы говорили объ удовольствіяхъ; а въ нпхъ эта дѣятельность, что иное какъ не вѣспреноспъ?

«Но зачѣмъ-же и говоришь о злоупотребленіяхъ? Можно самую добродѣтель сдѣлать орудіемъ зла. Такъ и дѣятельность духа, обратившись къ чему нибудь ничтожному, увлекаетъ въ дурачества, даже въ пороки; но на пути добра производпщъ она благодѣтельные послѣдствія, и вообще не бываетъ прямо вредною ни въ чемъ.

—Трудно согласишься съ тобой. По крайней мѣрѣ я держусь пословицы: кто гонится за двумя зайцами, поспъ не поймаетъ ни одного.

«Эти несносныя пословицы точно щипы для всякаго вздора! Къ чему пущъ ввернулъ пп пословицу, копорая не имѣетъ смысла? Можно-ли гнапсѣя за двумя зайцами, когда они бѣгутъ въ разныя спороны? А если они бѣгутъ вмѣстѣ, то какъ-же не гнапсѣя за обоими? оспановпсѣя и дапщъ имъ уйдпщ? Спдѣя на мѣстѣ не догонишь никого. Вѣрно, пвою посло-

вицу выдумалъ какой нибудь сидѣнь , кошорый любилъ умничать не сходя съ мѣста.

Такъ почти всегда оканчивались споры Ломоносова съ Виноградовымъ. Они любили другъ друга , но были шакъ различны характеромъ , что часто одинъ не понималъ другаго.

Г л а в а Х.

Порпной, хозяинъ дома, въ кошоромъ жили Ломоносовъ и Виноградовъ, былъ не обыкновенный ремесленникъ, какихъ встрѣчаемъ нынѣ на каждой улицѣ, въ каждомъ большомъ городѣ. Это былъ любящій свое занятіе человекъ, не гений, но масперъ своего дѣла. Совершенною честностію, прилежаніемъ, *аккуратностію* заслужилъ онъ уваженіе и довѣренность согражданъ, и лѣтъ въ шридцать труда соспавилъ себѣ маленькое соснояніе. Довольство было видно въ его домѣ, порядокъ господствовалъ во всѣхъ его занятіяхъ, и совершенное спокойствіе выражалось на лицѣ его. Онъ любилъ поговорить съ пріятелями въ праздничные дни, въ часы опидыха, но въ другое время почивалъ это невозможнымъ. «Какъ-же оспавишь свое дѣло?» говорилъ онъ въ шакихъ случаяхъ. И дѣлалось или нѣтъ дѣло, а онъ всегда былъ имъ занятъ, то есть всегда молчалъ и съ заботливымъ видомъ кроилъ, мѣрля, смотрѣлъ

за рабочниками или вписывалъ въ книгу свои обороты. Нѣкоторымъ исключеніемъ изъ молчаливости его было время обѣда: тутъ онъ позволялъ себѣ сказать нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ, или даже разговариваться, напримѣръ о хозяйствѣ, о погодѣ, о важныхъ происшествіяхъ, какими счисляются во всѣхъ провинціальныхъ городахъ свадьбы, похороны и родины. Праздничные дни посвящались пріятелямъ, и съ ними разговорамъ о полиптикѣ. Тутъ было чего послушать!

Необыкновеннымъ происшествіемъ въ домѣ его было переселеніе жильцовъ. Нѣмецъ и тутъ сохранилъ свой характеръ. Строя себѣ домикъ, онъ рассчитывалъ, что можно выгадать въ немъ двѣ комнаты и отдавать ихъ въ наемъ. Онъ напередъ предписалъ себѣ условія, на которыхъ будетъ пускать въ свой домъ жильцовъ, и придумалъ все такъ, что они не могли ни сколько измѣнить порядка, заведеннаго имъ. Когда молодые наемщики объявили ему, что они желаютъ имѣть сполъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ согласился на это, потому что уже напередъ рассчитывалъ, сколько будетъ ему прибыли отъ стола, и только включилъ условіе, что обѣдъ будетъ подаваться ровно въ часъ, ни раньше, ни позже. Они согласились на это, потому что именно второй часъ по полудни оставался у нихъ свободнымъ отъ лекцій.

Какъ было сказано, такъ и сдѣлалось. На другой день по переселеніи Ломоносова и Виноградова къ поршному, ровно въ часъ явился къ нимъ мальчикъ, съ извѣстіемъ, что кушанье подано. Они поспѣшъ пошли къ столу.

Спарикъ поршной встрѣпилъ ихъ съ ласковымъ, улыбающимся видомъ и сказалъ :

— Рекомендую вамъ молодую хозяйку, дочь мою !

Друзья вѣжливо раскланялись съ дѣвицею, которая краснѣла и присѣдала передъ ними. Ничто не поразило ихъ въ ней : она не была красавица, хотя личико ея отличалось необыкновенною миловидностью. Простой нарядъ былъ ей къ лицу, но не изумлялъ при первомъ взглядѣ. Въ обращеніи ея, особливо съ чужеземцами, кошорыхъ видѣла она въ первый разъ, не могло быть ничего кромѣ принужденности. Спарикъ радѣлъ завести разговоръ, оправдывалъ дочь въ неловкости, когда она всплеснула супъ разливая его, и чуть не облила имъ Ломоносова ; но всей Нѣмецкой ловкости его не доспало для того, чтобы сдѣлать бесѣду занимательною. Съ грустью сказалъ онъ наконецъ :

— Вошъ шо-шо ! По неволѣ вспомнишь покойную мою спаруху. Безъ нея все что-то не ладится ! Христина моя хорошая хозяйка, да еще ребенокъ. Извините, господа !

«А супруга ваша давно скончалась?» спросилъ съ участіемъ Виноградовъ, желая говорить о чемъ нибудь.

— Три года!

Слезы навернулись на глазахъ Хриспины, и крупнымъ жемчугомъ прокашились по розовымъ ея щекамъ. Виноградовъ замѣшилъ неоспорожность своего вопроса и хотѣлъ поправить его другимъ:

«Вы конечно были счастливы?

— Очень счастливы, пакъ счастливы, что я не захошѣлъ-бы жить на свѣтѣ послѣ эшого, если-бы Хриспина еще не привязывала меня къ жизни.

Добрый спарикъ задумался, а дочь его закрыла глаза плашкомъ. Вскорѣ обѣдъ кончился, и Ломоносовъ, который во все продолженіе его не сказалъ почти ничего, предоспаляя эшошъ шрудъ Виноградову, поспѣшилъ въ свою комнату.

Тамъ онъ началъ ходить большими шагами, и не слыхалъ, что Виноградовъ уже нѣсколько разъ говорилъ ему: «Пора на лекцію!» Наконецъ онъ понялъ эпи слова, и сказалъ: «Пойдемъ.»

Можешъ бышь еще въ первый разъ Ломоносовъ не внимашельно слушалъ лекцію своего любимаго Профессора Вольфа, и даже спараясь бышь внимашельнымъ не понималъ почти ничего.

Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета , какимъ образомъ Христина , со своимъ розовымъ личикомъ , и съ полными слезъ глазами , и съ какимъ-то умоляющимъ видомъ , являлась въ мысляхъ его безпрестанно , о чемъ-бы ни началъ онъ думать. Въ немъ было шеперь одно , непреодолимое желаніе : видѣть ее , и онъ радовался воображая , что можешь видѣть ее каждый день. Вечеромъ общаго ужина не было , и попому въ эпошъ день онъ не надѣялся взглянуть на свою милую хозяйку. Это сипрахъ какъ печалило его. Богъ знаетъ чинѣ опдалъ-бы онъ за то только , чтобы взглянуть на нее. Онъ думалъ , что эта дѣвушка обрапила на себя вниманіе его шѣмъ необыкновеннымъ видомъ , въ какомъ предшавилась ему : краснѣющая , со слезами на глазахъ.

«Я не знаю ея , не слыхалъ ея голоса , слѣдовательно это одна жалость къ ней , не больше. И какое-же иное учаспіе могу я принимаю въ ней? Неужели это любовь , чувство , которое воспѣвали всѣ поэты , начиная отъ Омира до нашего Тредьяковскаго? Смѣшно подумать! Да и можно-ли такъ скоро влюбиться? Я-же ничего не чувствовалъ глядя на нее. Говорашъ , что любовь разливается пламенемъ въ жилахъ , что она поражаетъ человека молніей , а я былъ очень спокоентъ; мнѣ только было спранно обѣдать съ незнакомою дѣвушкою и попомъ спало

жалъ ея. Она такая хорошенькая! Впрочемъ не знаю: я почти не видалъ ея.... Нѣтъ, она хороша! Особенно была она хороша когда заплакала!... Эпопъ несносный Виноградовъ! Съ чего вздумалось ему говорить объ умершей матери при такой чувствительной дочери! Надобно увидѣть ее веселую, а то она все представляется мнѣ плачущею. Надобно увидѣть ее, и ужъ не говорить при ней объ умершихъ.»

Таковъ былъ хаосъ различныхъ мыслей въ головѣ Ломоносова. Онъ не зналъ до сихъ поръ любви, не думалъ никогда, что явится она въ свою очередь передъ нимъ, не въ вычурныхъ разсказахъ Овидія, а въ живомъ образѣ милаго существа, и никакъ не догадывался, что не только Овидій, но и баснословный Прошей не могли-бы изобрѣсти, одинъ своимъ воображеніемъ, другой волшебствомъ, стѣхъ разнообразныхъ превращеній, въ какихъ любовь является передъ человѣкомъ и покоряетъ себѣ его. Жалость къ хорошенькой дѣвушкѣ! Онъ не подозрѣвалъ, что это самое опасное превращеніе любви, а болшунъ Овидій не сказалъ ему о томъ ни слова. Можешь быть, при Октавіи Августѣ любовь еще не принимала на себя плѣнительнаго вида плачущей дѣвушки: тогда любили женщинъ, блистающихъ роскошью и величіемъ красоты; въ наше время, напрошивъ, любятъ ихъ подъ покрываломъ смиренія, можешь быть больше

нежели подъ прозрачною шкандю панцующей Вакханки. Въ нашъ вѣкъ, сколько грозный своими бѣдствіями, лучше понимаютъ величіе и красоту смиренія. И чего не сдѣлаешь юноша этого вѣка, рано чувствующій силу окружающихъ его бѣдствій, чего не сдѣлаешь онъ при видѣ плачущей красавицы? Слезы милой женщины скорѣе поймутъ его сердце, нежели сердце закаленного войною Римлянина, который почиталъ женщинъ прелестными игрушками, актрисами, шанцовщицами, не подозревая, что онѣ также имѣютъ душу и сердце.

Безпокойно провелъ ночь Ломоносовъ, и на другой день упрямъ, слушая лекцію думалъ только о томъ, что онъ скоро увидишь Хришнину.

Онъ увидѣлъ ее, только не печальную, а радостную, даже веселую, сколько позволяла ей непреодолимая застенчивость не свѣтской дѣвушки. Какъ досадовалъ онъ на себя, сидя опять за столомъ съ нею, что не могъ прямо глядѣть на нее и невольно пощупывалъ глаза, когда они встрѣчались съ глазами Хришнины. Одинъ разъ, онъ почувствовалъ даже огонь въ лицѣ своемъ, когда она спросила его (какова смѣлость?): нравятся-ли ему Нѣмецкія кушанья.

— О, мнѣ очень нравятся они!— сказалъ онъ съ замѣшательствомъ. — Особенно когда при-

гоповлены пвоими ручками — прибавилъ онъ про себя.

«А у васъ въ Россіи,» сказалъ опецъ, «я слыхалъ, смѣюся надъ Нѣмецкимъ споломъ?»

— Можесть бышь шѣ, кпо не бывалъ за нимъ никогда. Хорошее любяшъ вездѣ.

Такой благоразумный опвѣшъ очень понравился спарику. Онъ распроспранился въ похвалахъ каршофельному и овсяному супу, рѣшному соусу и морковному пирожному. Съ ужасомъ слушалъ онъ описаніе Русскаго спола, и не понималъ, какъ можно ѣспъ шакъ много мяса и рыбы, какъ ѣдашъ ихъ Рускіе. Ломоносовъ не могъ объяснишь ему чшо значишь кулебяка, пошому чшо Нѣмецъ не понималъ соединенія рыбы съ шѣспомъ. Онъ качалъ головою при описаніи другихъ Русскихъ кушаньевъ, и шакъ развеселился когда ему изъяснили сосшавъ крѣпкаго спавленаго мѣду, чшо сказалъ наковецъ со смѣхомъ:

«Вы люди ученые! у васъ не распознаешъ правды опъ небылицы; можесть бышь, вы и сочиняете эши описанія для меня спарика.

Обѣдъ кончился и Ломоносовъ съ воспоргомъ замѣшилъ, чшо Хрисшина шолько съ нимъ сказала два слова; онъ не подумалъ на эшопъ разъ о ея засшѣчивосши.

Прошло нѣсколько дней, и Ломоносовъ чѣмъ больше глядѣлъ на Хрисшину, шѣмъ больше на-

ходилъ въ ней совершенствъ. Самая заботливостъ ея о хозяйствѣ правилась ему. Видя ее иногда, по упру, перебѣгающую черезъ дворъ въ кладовую или въ садъ, въ упренномъ чепчикѣ и въ фаршукѣ, онъ любовался ею какъ прелеснымъ ребенкомъ, который созданъ для счастья. Даже среди самыхъ глубокомысленныхъ занятій науками, онъ часто выпускалъ изъ рукъ перо и циркуль, когда думалъ о Христианѣ; а онъ думалъ о ней почти безпрестанно.

«Да! я люблю ее!» сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ, какъ будто рѣшивши важную задачу. «Люблю, и не могу жить безъ нея, не могу быть чужимъ ей! Я умру опъ шоски, если такое состояніе души продолжится. До сихъ поръ я не зналъ счастья. Чтò занимало меня? Мечты, непрерывный прудъ, и недостижимое стремленіе къ какому-то совершенству въ наукахъ. Это шакже мечта? Я однакожь не оставляю ея, этой мечты, пошому что она сдѣлалась жизнью для меня; науки вѣчно будутъ моимъ занятіемъ, моею цѣлю, ушѣхою; но. . . . однѣ, могутъ-ли онѣ наполнить мою душу? Нѣтъ, онѣ оставляютъ въ ней какую-то пустоту, которую давно чувствовалъ я и не понималъ причины ея. Теперь, я вижу, чувствую, что для полношъ въ жизни необходима любовь. Да, любовь! Только съ нею человекъ можетъ быть счастливъ. Если Христина любитъ меня,

что я не буду одинокъ въ мірѣ; а теперь я бездомный сирота, для котораго не бьется ни одно сердце. Такое состояніе ужасно! Знать, видѣвъ свое одиночество, бывъ увѣреннымъ, что люди холодно глядятъ на насъ, и только изъ корыстныхъ видовъ или по прихоти оказывающъ намъ участіе. . . . О, это ужасно! Я испыталъ и теперь испытываю это состояніе! . . . Дружба? Но я еще не встрѣтилъ друга, и, кажется, не встрѣчу никогда, если и добрый мой Виноградовъ любитъ во мнѣ только хорошее, только то, что нравится ему и что хвалятъ другіе. Нѣтъ! истинный другъ долженъ любить всего меня, любить мои недоспашки, обожать мои слабости, потому что въ миломъ сердцу человѣкѣ все прекрасно, все очаровательно! Вотъ безкорыстная привязанность! И могу-ли надѣяться, могу-ли требовать ея отъ людей? Они конечно не виноваты, если такъ созданы, но и я послѣ этого имѣю право искать привязанности сильнѣйшей! . . . Искать! . . . Какое холодное слово! Развѣ можно *искать* такихъ чувствованій? Они являются намъ какъ свѣтъ небесный, какъ радуга, завѣтъ надежды, какъ ангелъ утѣшитель! . . . Теперь передо мной эшотъ ангелъ. Христина! я пью, на вѣки пью, и ты должна быть моею! Но. . . . любитъ-ли она меня? О, вѣрно любитъ: я чувствую это, я убѣжденъ въ

этомъ, хоть не слыхалъ опъ нея почти ничего, не только слова о любви. Но милые глаза ея говорящъ такъ краснорѣчиво. . . . они не обманываютъ меня. А если она любитъ меня, то будетъ моею; для сильной воли нѣтъ прецѣпствій, особенно когда ее одушевляетъ любовь.»

Ломоносовъ началъ искалъ случаевъ чаще быть съ Христиной и говорить съ нею. И то и другое было довольно прудно. Заспѣчивость Христины дѣлала и его робкимъ. Онъ не просилъ-бы себя, если-бы привелъ ее въ малѣйшее замѣшательство, а уже самое присутствіе его заставляло ее краснѣть. Но любовь изобрѣтательна. Онъ сказалъ однажды опцу, что желалъ-бы почаще говорить съ нимъ, для того чтобы скорѣе привыкнуть къ Нѣмецкому языку. Спарикъ обрадовался, что въ свою очередь можешь научить чему нибудь ученаго чужестранца, и просилъ его приходить во всѣ свободные часы.

« Не я, такъ Христина будетъ говорить съ вами и поправлять ваши ошибки прошивъ Нѣмецкаго языка. Да, сударь, нашъ языкъ очень пруденъ, и ему надобно учиться долго. »

Спарикъ не подозрѣвалъ никакой опасности сближать свою дочь съ молодымъ человѣкомъ, скромнымъ, любезнымъ и — ученымъ. Онъ-же по-

любилъ Ломоносова за его веселый характеръ и всегда встрѣчалъ съ удовольствіемъ.

Мало по малу и Хриспина привыкла видѣть Ломоносова, и наконецъ уже безъ боязни разговаривала съ нимъ. Предметовъ для разговора было много: она рассказывала ему о своемъ городѣ, о своемъ семействѣ и занятіяхъ своихъ; онъ описывалъ ей свое далекое отечество, чудеса его природы и оригинальные нравы жителей; говорилъ о престольной Москвѣ и волшебномъ Петербургѣ. Однажды, въ минуточку опкровенности, онъ рассказалъ ей свою спранныю жизнь, и потомъ началъ говорить о своихъ надеждахъ, своихъ мечтахъ, о возвращеніи въ отечество.

— А развѣ вы думаете уже скоро воропншься въ отечество? — спросила Хриспина.

« Не знаю и самъ : это зависнть отъ моихъ начальниковъ. Но, раньше или позже, все надобно будетъ возвращнться домой и оставнть вашу прекрасную сторону.

— Стало бытъ вамъ нравнться у насъ ?

« Нравнться ? Мало выражаетъ это слово : я счастливъ здѣсь , или , лучше сказать , только здѣсь и спалъ я счастливъ.

Хриспина пошутила глаза и сказала въ полголоса:

— Прнпно видѣть людей счастливыхъ....

« На копорыхъ вы не хошнше и глядѣть.

— Ахъ, нѣтъ, Г. Ломоносовъ! — сказала она подымая свои глаза и краснѣя — право, я. . . только немного задумалась.

« О чемъ задумывашься вамъ, Хриспина! Иное дѣло я, сироша въ мірѣ, для котораго нѣтъ родныхъ, нѣтъ близкихъ сердцу. А вы шакъ любимы своимъ родишелемъ; вы живете мирно, счасливо.

— Да, благодарю Бога! . . . Но что-же мѣшаесть вамъ оспашься здѣсь. . . то есть у насъ, въ Германіи, если вамъ пріятно жить съ нами?

« Милое дитя! » сказалъ Ломоносовъ съ восторгомъ. « Съ вами оспался-бы я навѣчно, оспавиль-бы родину и разорвалъ всѣ связи съ нею, если-бы только вы пожелали эшого.

— Ахъ, Боже сохрани! — вскричала Хриспина, будто не понимая его. — Я никогда не пожелаю эшого.

« Никогда! . . . Зачѣмъ-же мнѣ оспавашься здѣсь, когда вы не хошите эшого?

— Да что-же значить для васъ бѣдное мое желаніе?

« Все, Хриспина! Скажу больше: если вы не скажете, что вамъ пріятно, чтобы я оспавался здѣсь, я поспараюсь уѣхать какъ можно скорѣе отсюда, и навсегда!

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ-же эшо! — невольно проговорила Хриспина. Лицо ея вспыхнуло и

она прибавила съ замѣшательствомъ: — Впрочемъ, я не имѣю ни какого права удерживать васъ; вы лучше знаете что должно вамъ дѣлать.

« Скажите одно слово: не уѣзжай, Михайло!

Христина закрыла руками лицо и убѣжала въ другую комнату.

Эпопъ разговоръ рѣшилъ судьбу Ломоносова. Какъ ни былъ онъ неопытенъ въ искусствѣ понимать гіероглифическій языкъ женщины, однакожь ясно увидѣлъ, что Христина чувствовала вполнѣ каждый намекъ, каждое слово, которые внушало ему сердце; что она раздѣляетъ любовь его, и только не смѣетъ или не умѣетъ сказать этого. Въ разговорѣ любящей женщины слова служатъ не выраженіемъ, а только покровомъ тайной мысли. Счастливъ, кто видитъ сквозь эпопъ покровъ тайну души и сердца, тайну, которой не открываетъ женщина никому, ни даже самой себѣ.

Съ обыкновенною своею пылкостью, Ломоносовъ объявилъ Виноградову, что онъ любитъ, что онъ любимъ, что онъ хочетъ и долженъ быть счастливъ.

Виноградовъ выслушалъ всѣ его воспорженныя восклицанія, и хладнокровно сказалъ:

— Неужели ты хочешь жениться на дочери порпнаго?

Ч. I.

45

«Женишься?... Это никогда еще не приходило мнѣ въ голову!...» отвѣчалъ Ломоносовъ.

— Мнѣ кажется то-же, что это было-бы, просто сказать, глупо.

«Какъ?» вскричалъ Ломоносовъ. «Глупо найдти свое величайшее счастье? Но ты вѣрно хотѣлъ не то сказать, или я не понимаю тебя, Виноградовъ! Я потому никогда не думалъ о женитьбѣ, что это кажется мнѣ счастье недостижимое, невозможное! Я схожу съ ума отъ одной мысли, что Хриспина можетъ быть моей женой.

— Есть отъ чего сходить съ ума. Проспѣнь-кая дѣвочка, дочь поршняго, Нѣмка! Удивительное счастье!

«Послушай, Виноградовъ!» сказалъ съ гнѣвомъ Ломоносовъ. «Если ты не шутишь, то я прошу тебя удержаться отъ такихъ выражений. Твоя вялая душа не понимаетъ Хриспины; ты не видишь ангельской прелести ея, и рассуждаешь только о томъ, что она дочь поршняго. После этого мнѣ остается жалѣть, что я хотѣлъ разделить съ тобой свою радость.

— Добрый мой Михайло! Я не думалъ огорчить тебя. Я говорилъ такъ, какъ думалъ; извини, если огорчилъ тебя, но позволь-же мнѣ сказать тебѣ, какъ другу, что ты поступаешь очень необдуманно.

« Поди ты опъ меня со своею обдуманностью! » вскричалъ Ломоносовъ. « Тутъ нечего думать, когда я не могу выбрать: мнѣ надобно или упоишься, или быть счастливымъ съ Христиной. Я не могу жить безъ нея.

— Это конечно возраженіе сильное, однакожъ, вспомни свое назначеніе. Ты пожертвовалъ всѣмъ, чтобы вырваться изъ тѣсныхъ стѣпъ деревенской жизни и дѣйствовать на обширномъ поприщѣ ума и знаній. Теперь, когда тебѣ остается одинъ шагъ до цѣли, ты хочешь броситься въ объятія самой просной жизни и сдѣлаться мѣщаниномъ Нѣмецкаго города, потому что, женись на Христинѣ, ты уже не можешь продолжать своего поприща.

« Почему-же не могу? »

— Потому что Академія, узнавши о перемѣнѣ твоей жизни, вѣрно откажетъ тебѣ въ своемъ покровительствѣ, и ты будешь принужденъ работать для насущнаго хлѣба.

« Ну, что-жъ такое? буду работать и жить счастливо.

— Опъ души желаю этого, только не думаю, чтобы сбылись твои слова. Ты не рожденъ для этой жизни? »

« Для счастья? »

— Это слово имѣетъ обширный смыслъ. Ты можешь быть счастливъ только необыкновен-

ною умственной дѣятельностью; мѣщанская жизнь скоро надоѣстъ тебѣ.

«Да что ты употребляешь такъ часто это слово: мѣщанская жизнь? Я и рожденъ не для власши! Я былъ мужикъ, и мѣщанское счастье мнѣ къшапи.

—Я ни сколько не думаю унижать званія мѣщанина. Ты знаешь, что и самъ я не Графъ, не Князь. Я говорю объ этой жизни, гдѣ жена бываетъ кухаркой, гдѣ дѣятельность ограничивается работою для насущнаго хлѣба, а счастье нянченьемъ дѣтей. Тебѣ-ли быть счастливымъ этою жизнью?

«Ты обманываешься, Виноградовъ. Во-первыхъ, жена моя будетъ хозяйкою въ домѣ, а не кухаркой. Дѣятельности моей не помѣшаетъ счастливая семейная жизнь. Неужели бывши ученымъ человекомъ, Профессоромъ, Академикомъ, я не могу быть женомъ? А дѣти только умножатъ мое счастье.

—Все это прекрасно въ теоріи, но паково-ли будетъ на дѣлѣ? Теперь ты можешь посвящать свое время учености, а тогда будетъ-ли у тебя досугъ для этого? Сначала надобно обезпечить себя, мой другъ, приобрести независимость, не думать о пропитаніи, и потомъ уже выбирать жену.

«Пропитаніе! . . . Такъ вотъ чѣмъ ограничивается твоя высокая теорія жизни! Виногра-

довъ! Я вижу, что мы не можемъ понимать другъ друга. Ради Бога, не совѣшуй мнѣ ничего.

— Ну, такъ женись на своей Хриспинѣ и не жалуйся послѣ, когда тебѣ нечего будетъ ѣсть! — сказалъ съ досадою Виноградовъ.

« Ты можешь говорить что угодно: я не перемѣню для тебя своей рѣшимости. Хриспина любитъ меня! Для нея готовъ пожертвовать я всѣмъ.

— Но, скажи пожалуйста, что нашелъ ты въ ней привлекательнаго? Ни красоты, ни ума, ни воспитанія. . . .

« Виноградовъ! замолчи, ради Бога замолчи, если не хочешь поссориться со мной навсегда.

— Кажется, безъ этого и не обойдется, если ты не оставишь своего глупаго намѣренія.

Друзья замолчали. Виноградовъ вскорѣ ушелъ изъ дома, а Ломоносѣвъ оспался мечшая на свободу. Ему досадны были слова поварища, но онъ упѣшалъ себя мыслью, что Виноградовъ не понимаетъ его счастья.

Онъ началъ однакожь размышлять о словахъ его, и сколько ни думалъ, вездѣ находилъ блаженство. Разговоръ съ Виноградовымъ не ушибилъ, а еще больше воспламенилъ любовь его: онъ только напомнилъ ему, что Хриспина можетъ сдѣлаться его женою. До сихъ поръ, зна

мысль не ясно представлялась ему; но теперь, когда Виноградовъ не находилъ въ эпюмъ ни какой невозможности, и думалъ только что у Ломоносова не будетъ средствъ *кормить* будущее свое семейство, онъ рѣшился непременно жениться на Христиинѣ. Помышленіе объ эпюмъ приводило его въ восторгъ. Онъ придумывалъ разные средства, какъ исполнить свое намѣреніе, и вскорѣ мечты его приняли образы истинно поэтическіе. Онъ не могъ больше удерживать своего душевнаго порыва, схватилъ бумагу, перо, и хотѣлъ выразить душу свою гармоническими звуками. Но упрямый Русскій языкъ, тогда еще непослушный волѣ поэтовъ, никакъ не повиновался восторгу Ломоносова. Цѣлый вечеръ писалъ онъ, и раздиралъ написанное: эпю выходили какія-то длинныя, несвязныя спровки, а не стихи.

«Неужели нашъ языкъ не способенъ выражать мысли и чувства такъ-же стройно, какъ выражающіяся они на языкѣ Латинскомъ?» сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ. «Надобно подумать объ эпюмъ, поговорить съ людьми свѣдущими. . . . Да, ксшапи, завтра увижу я на лекціи товарища Шпренглибера. Онъ спрашный охотникъ до Поэзіи, самъ пишетъ стихи, и любитъ говорить о нихъ. Я еще худо знаю теорію Нѣмецкаго стихосложенія: не лѣзя-ли опш-

крышъ въ ней законовъ и для нашего стихо-
шворства?»

На другой день, когда кончилась лекція, онъ подошелъ къ Шпренглиберу.

— Пойдемъ ко мнѣ на квартиру, Шпренглиберъ. Ты еще не былъ у меня.

«А далеко-ли отсюда живешь ты?»

— Два шага. Да все равно; мнѣ надобно поговорить съ тобой о любимомъ моемъ предметѣ: о стихахъ.

«Тѣмъ лучше! Пойдемъ.

Разговоръ поспѣшъ завязался о старыхъ и новыхъ Нѣмецкихъ стихошворцахъ. Шпренглиберъ, послѣдователь и приверженецъ Гопшета, не любилъ старыхъ поэтовъ Нѣмецкихъ, холодно отзывался объ Опицѣ, и съ восторгомъ произносилъ имена Галлера и Гиншера.

«Гиншеръ! Вотъ былъ поэтъ! Какъ жаль, что поэтъ человекъ рано умеръ. Знаешь-ли ты его сочиненія?»

— Нѣтъ.

«О, такъ надобно тебѣ познакомиться съ ними. Это былъ поэтъ, и въ жизни и въ стихахъ. Слыхалъ-ли ты о его бурной, поэтической жизни?»

— Нѣтъ.

«Я расскажу тебѣ ее. Гиншеръ родился лѣтъ за пять до нашего столѣтія, то есть въ 1695 году. Онъ былъ сынъ какого-то лекаря, кото-

рый хотѣлъ обучить его своему искусству, и отдалъ въ школу; но Гинперъ писалъ тамъ не анатомическія и терапевтическія разсужденія, а стихи. Надобно сказать, что и въ школѣ писаны имъ стихи превосходные. Онъ сочинялъ ихъ съ удивительною легкостью, и особенно отличился своими духовными пѣснопѣніями. Но при этомъ былъ онъ порядочный шалунъ, и только строгость отца удерживала его отъ разгульной жизни. Двадцати лѣтъ пришелъ онъ въ Випшенбергскій Университетъ, и съ этого времени явился пѣмъ, чѣмъ былъ во всю остальную жизнь: пламеннымъ юношею, до безразсудства веселымъ шалуномъ, и вмѣстѣ склоннымъ къ самой тяжелой задумчивости человѣкомъ. Отецъ называлъ его *сангвино-меланхоликомъ*, а онъ былъ добрый, ошкровский малый, чистая, прекрасная душа. Вѣчно несогласный съ самимъ съ собою, онъ всегда предполагалъ дѣлать лучше нежели дѣлалъ, и это не отъ безсилія, а отъ непостоянства характера. Вмѣсто того, чтобы заниматься какъ должно Медициной, онъ бросился въ удовольствія, забылъ всѣ науки, влюблялся, пилъ, дѣлалъ долги, и наконецъ совершенно предался буйной жизни. Съ добрымъ сердцемъ, онъ безпрестанно впускался въ непріятныя исторіи, гдѣ все падало на него. Напримѣръ, онъ часто признавалъ за собой шакіе долги, которыхъ на немъ не бывало,

и это единственно для того, чтобы прекратить неудовольствие. Не одна ловкая интриганка обобрала его, и послѣ съ нимъ-же заводила плясбу. Наконецъ онъ увидѣлъ свои дурачества и ушелъ изъ Висшенберга въ Лейпцигъ. Но уже такъ глубоко погрязъ онъ въ развратную жизнь, что извлечь его изъ нея не могли ни самые вѣрные друзья, ни самые усердные покровители. Тутъ случилось съ нимъ полу-забавное и полу-печальное происшествіе.

«Въ Дрезденѣ понадобился придворный поэтъ. Гиншеръ былъ первый изъ современныхъ поэтовъ, и друзья тотчасъ поспѣшили доставить ему это мѣсто. Его приняли ко Двору, хотя подъ именемъ *шута* (Pritschmeister), однакожъ на *штатное мѣсто* придворнаго поэта. Надобно было представиться Королю, Фридриху Августу. Гиншеръ хотѣлъ придашь себѣ смѣлости, и выпилъ такую порцію, что когда вышелъ Король, онъ не могъ ничего говорить и едва держался на ногахъ. Король улыбнулся и велѣлъ прогнать его. Бѣдный Гиншеръ! Тутъ-то началась бѣдственная жизнь его. Онъ бродилъ то по Саксоніи, то по Силезіи, не находя нигдѣ мѣста. Опецъ не пускалъ его къ себѣ, какъ развратнаго сына. Часто у Гиншера не было куска хлѣба, и въ такихъ-то обстоятельствахъ писалъ онъ свои пѣснописанія. Повѣришь-ли ты, что стихи, кото-

рые сочинялъ онъ на разные случаи, часо за пѣсколько грошей, служили единственнѣмъ средствомъ его пропитанія! Правда, многіе желали помогать ему и были готовы обезпечить жизнь такого необыкновеннаго человѣка, но онъ былъ уже неисправимъ и погибъ совершенно. Еще разъ хотѣлъ онъ приняться за Медицину, думая черезъ то имѣть благопріиспѣшное содержаніе; но прискорбія, нужда и дурная жизнь невозвратно разстроили его здоровье. Гинтеръ пришелъ наконецъ въ Іену, и тамъ умеръ, въ самыхъ снѣсенныхъ обстоятельствахъ. Это случилось въ 1723 году. Ему было тогда двадцать восемь лѣтъ.

«Странная участь поэта! Вскорѣ послѣ смерти Гинтера были изданы его стихотворенія, и слава загремѣла о немъ по всей Германіи. — Неужели это писалъ поэтъ Гинтеръ, который шатался, пьяный, изъ города въ городъ? — спрашивали читая торжественныя оды его, духовныя пѣсни и умныя сапиры. — Жаль, жаль этого человѣка! Умень былъ. — Но теперь поздно жалѣть о немъ. Возьми лучше стихотворенія его, и читай ихъ, Ломоносовъ! Ты увидишь въ немъ совершенную противоположность съ прежними нашими стихотворцами. Какая-то чопорность господствуетъ въ сочиненіяхъ Опица; какая-то мѣлочность, пошлость видна въ Гёффмансвальдау и даже въ Логен-

ишейнѣ; но, главное, всѣ они слишкомъ нарядны, или, лучше сказать, парадны. Въ Гиншерѣ нѣтъ ничего поддѣльнаго: это именно украшенная природа, коюрой пребываютъ великіе наставники. Гиншеръ сдѣлалъ-бы эпоху въ нашемъ стихотворствѣ, если-бы несчастная судьба не спѣсняла и наконецъ не погубила его.

— А въ какомъ родѣ сочиненій превосходилъ онъ? — спросилъ Ломоносовъ.

« Во всѣхъ. Я пришлю тебѣ сочиненія его. Замѣтъ порожеславенныя оды его: это верхъ искусства. Таковы-же похвальные и духовныя его стихотворенія, шаковы и сапиры, исполненныя остроумія и тонкихъ намѣковъ.

— Любопытно, любопытно. А какими стихами писалъ онъ?

« Александрійскими. Они утвердились у насъ со времени Опица, и кажутся останутся навсегда.

Мысль: не лѣзя-ли примѣнить этого размѣра къ Русскимъ стихамъ, блеснула въ головѣ Ломоносова. Онъ просилъ Шпренглибера поскорѣе прислать ему стихотворенія Гиншера, и съ жаромъ принялся читать ихъ, когда получилъ. Шпренглиберъ прислалъ ему также вышедшія не задолго стихотворенія Галлера и Гагедорна, которые только что начинали свое поэтическое поприще. Но они не сдѣлали на

него такого впечатлѣнія какъ Гинперъ, кошораго читалъ и перечитывалъ Ломоносовъ. Онъ потчасъ принялся за теорію Русскаго стиха, и попышки его выходили удачны. Слова мужескаго языка нашего легко укладывались въ Александрійскіе стихи. Поэтъ былъ въ восторгѣ отъ этого, и началъ писать множество посланій и похвальныхъ стиховъ своей милой Христинѣ. Одними изъ нихъ онъ былъ такъ доволенъ, что рѣшился сказать ей объ этомъ.

Случилось, что отца ея не было дома къ обѣду; Виноградовъ часто оплучался въ последнее время, и Ломоносову пришлось въ первый разъ обѣдать съ Христиной одному. Слугъ не было, и молодая хозяйка сама ходила за кушаньемъ, то-же своего приготавленія. Никогда еще Ломоносовъ не видалъ ея столько веселою и привѣтливою къ нему. Онъ не замѣтилъ, какъ окончился обѣдъ, въ разговорахъ живыхъ, радостныхъ. Послѣ обѣда, когда Христина собралась со стола и принялась за какое-то рукодѣлье, Ломоносовъ еще не оставлялъ ея комнаты.

— Христина! — сказалъ онъ ей наконецъ. — Знаете-ли, что я написалъ для васъ стихи?

«Стихи? для меня?» спросила она съ изумленіемъ, въ которомъ видно было удовольствіе. «Какіе-же это стихи?

— Я говорю въ нихъ то, что чувствую....

« Михайло ! » прервала она его. « Я конечно могу знать все, что вы чувствуете : такъ увѣрена я въ добромъ вашемъ сердцѣ . »

— О, конечно, конечно, Хриспина ! Ты угадала Проси меня, что я говорю тебѣ дружеское *ты* : я не могу называть тебя многоличнымъ *вы* .

Хриспина уже такъ привыкла къ спрашиваемымъ выраженіямъ Ломоносова, что ей не показалось страннымъ и это признаніе его. Напрошивъ, она радостно приняла его , и вмѣстѣ ошѣивша промолвила :

— Прочитай-же стихи, написанные для меня.

Воспорженный Ломоносовъ выхватилъ изъ кармана бумагу и началъ читать ; но вскорѣ ему самому спало смѣшно , что онъ читалъ *Русскіе* стихи Нѣмкѣ, не понимавшей ни одного Русскаго слова.

И онъ, и Хриспина засмѣялись.

— А какъ мнѣ жаль, что я не понимаю твоихъ стиховъ ! — сказала наконецъ она съ чувствомъ. — Выучи меня Русскому языку, Михайло !

Ломоносовъ ошѣмѣлъ ошъ восхищенія, когда услышалъ это желаніе , высказанное съ дѣтскимъ просподушіемъ.

«Ты будешь учиться Русскому языку, Христина?»

— Да, для того, чтобы понимать твои списки.

Ломоносовъ спалъ на колѣни и торжественно произнесъ :

«Даю слово, что ты выучишься Русскому языку! Никакія препятствія не отвлекутъ меня отъ этого. Но, Христина, достанешь-ли твоей рѣшимости?»

«Учишься? у тебя? О, вѣрно ты не сдѣлаешь для меня того, что я готова для тебя сдѣлать! Иначе ты не спалъ-бы спрашивать меня объ этомъ.

— Я готова отдать тебѣ жизнь мою! Она твоя, твоя съ этихъ поръ!

«А моя давно принадлежишь тебѣ, Михайло! Христина сказала это, и сама встревожилась. Въ смущеніи прибавила она :

— Я думаю, скоро придетъ папенька: онъ не любитъ долго осматриваться на обѣдахъ. Пора намъ разлучиться.

«О, я не хочу оставить тебя!»

— Должно, Михайло.

Христина! для чего не могу я всегда быть съ тобой, видѣть тебя, слышать, восхищаться тобой!

Она не хотѣла слушать его долѣе, и поспѣшила уйти.

Черезъ нѣсколько дней, влюбленные условились, чѣшбы каждое послѣ-обѣда, когда спарикъ поршней ошдыхалъ въ дальней каморкѣ, Ломоносовъ приходилъ учить Христину Русскому языку. Учене эшо состояло въ томъ, что онъ приносилъ ей нѣсколько Русскихъ словъ, написанныхъ Нѣмецкими буквами, вмѣстѣ съ переводомъ, и на слѣдующій день училъ ее составлять изъ нихъ фразы. Онъ дивился успѣхамъ своей ученицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ немного дней она выучила множество словъ и цѣлыхъ рѣченій. Великое слово: *люблю*, разумѣется, играло шую важную роль.

Безопечное, пылокъ чувство наконецъ стало принимая для Ломоносова одинъ образъ, опредѣленный и обольстительный. Онъ воображалъ Христину своею неразлучною подругою, и часто, одинъ, думалъ, какъ счастливъ былъ-бы онъ, если-бы соединилъ съ нею судьбу свою. «Христина такъ прекрасна, такъ любишь меня! Она усладила-бы жизнь мою; я не былъ-бы одинокъ съ нею. Тогда и горести, которыя неизбѣжны для человѣка, не казались-бы мнѣ спрашными. Я утѣшался-бы глядя на нее. Да, одинъ взглядъ ея уже дѣлаешь меня счастливымъ. Чѣмъ же если-бы она была со мною всегда, неразлучно, принадлежала мнѣ?» спросилъ онъ наконецъ самъ себя. «Отецъ ея конечно согласится видѣть счастливою свою дочь. А другихъ пре-

пашшвй нѣтъ; надобно шолько согласіе ошца. Виноградовъ сказалъ-бы: чѣмъ жить?... Правда, у меня нѣтъ никакого имѣнія, за то естъ шрудолубіе. Буду работашъ, и прилежаніемъ заслужу себѣ мѣсто. До возвращенія въ ошество еще далеко; но здѣсь мы будемъ жить у ошца. Неужели онъ не дастъ мнѣ угла?... Но что думаешь объ этомъ! Это прозаическіе вздоры. Я буду счастливъ : вошъ главное! О, какъ буду я счастливъ! Въ самомъ дѣлѣ, я не могу представишь себѣ, какое чудное, непоспизи-мое счастье, всегда бышь съ Христиной, знашь, что она принадлежишь мнѣ и можешъ опкры-шо говоришь: я швоя!»

Онъ прыгалъ по комнашѣ и радовался какъ дитя, воображая Хрисишну своей женою.

« Для чего давно не рѣшилъ я просишь руки ея? » думалъ онъ. Сколько счастливыхъ дней, кошорые прожили-бы мы съ нею, шеперь погиб-ло невозвратно! Глупецъ! Я не зналъ своего счастья. Я искалъ его въ мечтахъ, въ ошвле-ченныхъ умшвенныхъ занятіяхъ, не понимая, что оно было такъ близко подлѣ меня. Да! что можешъ сравнишь съ блаженшвомъ шихой семейшвенной жизни?... Завшпра-же скажу ошцу о своемъ намѣреніи: я не хочу долѣе чуждашь своего счастья.

Глава XI.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой-же день Ломоносовъ сказалъ поршному, что онъ любилъ дочь его и предлагаетъ ей свою руку.

Старикъ изумился до такой степени, что сначала не понялъ его, а когда понялъ, то сказалъ съ огорченіемъ:

«Г. Рускій! кажешся, я не далъ вамъ повода смѣяться надо мной и надъ моею дочерью.

— Смѣяться? Но я не вижу ничего насмѣшливаго въ томъ предложеніи, опъ котораго зависилъ счастье моей жизни.

«Да какое счастье жизни въ такой несообразности! Я бѣдный поршмой и коренной Нѣмецъ, а вы иноспранецъ, путешественникъ, ученый человѣкъ! . . . Это, сударь, насмѣшка, просто насмѣшка.

— Сдѣлайте милость, примите это въ прямомъ смыслѣ. Я прошу у васъ руки вашей дочери, и клянусь, что согласіе ваше сдѣлаетъ меня счастливымъ.

« Да могу-ли я принимаешь серьёзно такое предложеніе, которое невозможно для васъ ?

— Какъ невозможно ?

« Дочь моя не будетъ вашею женой.

Ломоносовъ поблѣднѣлъ отъ внутренняго движенія, и сказалъ въ полголоса.

— Она будетъ моею. . . . женой.

« Какъ ? вы рѣшаешесь, сударь, говорить это такъ смѣло, въ присутствіи отца ? Чѣмъ это значить ?

— То, что препяшсвій никакихъ нѣтъ, и вы должны благословить насъ.

« А я вамъ скажу тысячу препяшсвій: во-первыхъ, дочь моя Люперанка, а вы другого закона.

— Я Христіанинъ. Разность въ догматахъ нашихъ религій не мѣшаетъ браку.

— « Во-вторыхъ : я не знаю кто вы.

— Вы знаете, что я честный человекъ ; нѣсколько мѣсяцевъ живя у васъ въ домѣ, каже-ся, могли вамъ доказать это.

— Я и увѣренъ, что вы честный человекъ; но я, напримѣръ, поршней : ножницы да игла доставляютъ мнѣ хлѣбъ; а вы чѣмъ живете и чѣмъ можете содержать свою жену ? . . . Я не знаю.

« Милость Императрицы Россійской доставляетъ мнѣ существованіе ; а когда я окажусь достойнымъ этой милости, то мнѣ дадутъ хорошее мѣсто по ученой части.

— Но вы чужеземецъ , вы должны ѣхать въ свое отечество; вы разлучите меня съ дочерью, если женишесь на ней; вы увезете ее въ свою Россію, а я никакъ не соглашусь на это.

« Но если дочь ваша будетъ счастлива со мной ?

*— Это знаетъ только Богъ. Наконецъ, я не согласенъ на это ; да вѣрно и дочь моя не согласится.

« Спросите у нея.

— Боже мой! неужели вы говорили съ ней объ этомъ.— вскричалъ спарикъ всплеснувъ руками.

« Я знаю , что она согласится быть моею женой.

— О позоръ! дочь моя изъяснялась съ вами въ любви? О срамъ! . . . никогда, никогда , сударь, не соглашусь! . . .

Спарикъ началъ ходить большими шагами по комнаѣ, качая головой, вздыхалъ, охалъ.

— Позвольте сказать мнѣ одно: вы могли-бы слышать каждое слово , которое говорилъ я вашей дочери, и вѣрно не нашли-бы ни въ одномъ ничего предосудительнаго. Увѣряю васъ въ этомъ какъ честный человекъ. Впрочемъ , не хочу долѣе смущать васъ, и прошу подумать о моемъ предложеніи.

Спарикъ не слушалъ его. Ломоносовъ вышелъ.

Въ комнаѣ своей увидѣлъ онъ Виноградова и пошчасъ сказалъ ему, что хочетъ жениться.

—Женишься? шы?—воскликнулъ Виноградовъ.

«Да. Что-же находишь шы удивительнаго въ этомъ?»

—Шушки въ спорону: женись на Христинѣ; она славная дѣвушка!

«Я на ней и хочу жениться,» швердымъ голосомъ сказалъ Ломоносовъ.

—Какъ можешь шы говоришь объ этомъ не смѣясь? Чудный человекъ!

«Потому что я не шучу, и говорю тебѣ какъ духовнику своему. Я женюсь на Христинѣ.

—Полно, Михайло! Повѣрю-ли я такой не-лѣпости.

«Несносные люди! Когда сказалъ опцу, что я смѣюсь надъ нимъ! Говорю алтому, онъ думаетъ, что я шучу! Коротко и ясно: я женюсь! Тупъ нѣтъ никакой шушки.

—Но можешь-ли шы жениться на Христинѣ? Я уже говорилъ однажды, что это будетъ для тебя источникъ непріятностей.

«А я думаю, что это будетъ началомъ моего счастья. Я люблю Христину, она любитъ меня. Чего-же еще недосааетъ намъ для счастья?

—Бездѣлицы: ни у тебя, ни у нея ничего нѣтъ! А вы конечно воздухомъ пицаетесь не будеше.

«Жалкій прозаикъ! ты думаешь только о желудкѣ, а не о сердцѣ.

— Нѣтъ, я думаю еще о томъ, что эта женитьба совершенно разстроитъ тебя. Женатый человѣкъ плохой студентъ; а ты еще не окончилъ курса. Академія не позволила-бы тебѣ жениться. Если-же ты сдѣлаешь это безъ ея позволенія, то она лишитъ тебя своего покровительства.

«Я готовъ и на это, хоть не совѣмъ вѣрю словамъ твоимъ.

— Что-же выйдешь изъ этого? Ты будешь принужденъ оставивъ ученое поприще, и дѣло кончившя тѣмъ, что понадобишься работать для хлѣба, который всегда приводитъ тебя въ гнѣвъ, какъ начнешь говорить о немъ.

«Виноградовъ! ты хочешь остаться моимъ другомъ?

— На томъ условіи, что ты не сдѣлаешь дурачества, о которомъ говорилъ теперь.

«О, дружба на условіяхъ не годится мнѣ! За что люблю я Хриспиу? За то, что она любитъ меня безотчетно, и даже теперь не знаетъ о моемъ намѣреніи, если о томъ не сказалъ ей отецъ.

— А ты уже сдѣлалъ предложеніе опцу?

«Да!

—Такъ это уже не просто намѣреніе, а событіе?

«Конечно. Вольно тебѣ не вѣришь.

—Если шакъ, то я не хочу напрасно перащъ словъ. Женись, Михайло! Но съ этой минуны мы не поварищи съ шобой.

«Почему-же, Виноградовъ?

—Потому, что должны идиши разными пушами. Ты погрязнешъ шеперь въ семейной жизни, а я хочу еще пригошовляться бышь полезнымъ опеществу.

«Неужели-жъ ты думаешь, что я меньше шеб буду полезенъ ему? О, ты не знаешь меня, Виноградовъ!

— Чего ждашь опъ челоука, сполько безхарактернаго, что онъ для взгляда первой дѣвчонки, для пущаго удовольствія, гошовъ бросишь все назначеніе своей жизни!

«Удержись, Виноградовъ, опъ такихъ словъ, какъ я удерживаюсь опъ гнѣва на тебя!

— Да, конечно лучше молчать. Но я еще долженъ объявишь тебѣ, что мы и безъ этого скоро разошались-бы. . . . шолько можешь бышь иначе нежели шеперь.

«Какъ? что это значишь?

— Я їду изъ Марбурга.

«Куда? зачѣмъ?

— Профессоръ Вольфъ опправляетъ меня въ Швейцарію и на Апеннинскія горы. Тебѣ сдѣлалъ онъ также назначеніе, шолько на слѣдующій годъ.

«Я ничего и не знаю объ этомъ.

—Потому что не рѣдко пропускаешь лекціи, и не ходишь къ Профессору.

«Да, это правда. Но въ послѣднее время я, право, не могъ. . . .

—Видишь-ли, Ломоносовъ, слѣдствія. . . .

«Не говори, ради Бога, не говори! Вскорѣ окончатся мои душевныя превогы, и тогда примусь я за дѣло съ новымъ жаромъ.

— Дай Богъ, дай Богъ — сказалъ Виноградовъ качая головой.

Видимая холодность раздѣлила друзей въ послѣдніе два дни, которые Виноградовъ провелъ до своего отъѣзда въ Швейцарію. Онъ сердился на Ломоносова и не могъ одобрять его намѣренія; а шопъ былъ влюбленъ, былъ гордъ, и не могъ сознайся въ своемъ безразсудствѣ, потому что не видалъ его. Они разспались молча; только взоры говорили за нихъ. Казалось, друзья, столь различные характеромъ, готовы были сказать одинъ другому: хоть я и сержусь на тебя, а все-таки люблю.

Между тѣмъ спарикъ поршней не давалъ отъѣзда, и съ того-же дни, въ который Ломоносовъ имѣлъ съ нимъ объясненіе, велѣлъ приносить обѣдъ въ комнату постылацевъ.

Ломоносовъ рѣшился идти къ нему самъ.

— Я пришелъ услышать ваше согласіе — смиренно сказалъ онъ поршню.

Старикъ примѣнно встревожился и возразилъ полу-сердишо:

« Милоспивый государь ! я сказалъ вамъ и повшоряю шеперь, что не могу согласишья на бракъ вашъ съ моею дочерью.

— Это послѣднее ваше слово ?

« Да. Я просилъ-бы еще васъ перемѣнить квартиру, пошому что, послѣ нашего объясненія, вамъ уже не годишся бытъ въ моемъ домѣ, а мнѣ не лзя держать опъ васъ взаперти Хриспину. Вы знаете, что она у меня хозяйничаетъ въ домѣ всѣмъ: я безъ нея какъ безъ рукъ.

Спокойно выслушалъ Ломоносовъ эшошъ Нѣмецкій опвѣшъ, и сказалъ :

— Желаніе ваше будетъ исполнено.

Опъ чего-же явилось такое спокойствіе въ Ломоносовѣ ? . . . Онъ былъ готовъ къ опвѣшу поршнаго ; еще больше : онъ рѣшился женишья на Хриспинѣ шайно, и уже получилъ на то ея согласіе. Пылкая юность ихъ разсудила, что надобно шолько обвѣнчашья, а опецъ по неволѣ примешъ ихъ къ себѣ, хопъ вѣрояшно, и посердишя. Такая рѣшишельность не должна казашья спранною въ молодой дѣвушкѣ, протшой дочери поршнаго. Въ эшихъ протспыхъ существахъ иногда скрывающя сильныя чувшва, пламенныя спрасши, копшоря пожаромъ

вспыхивающіе отъ прикосновенія такихъ душъ, какую встрѣшила Хриспина въ Ломоносовѣ. Можешь бышь, она оспалась-бы навсегда мирною хозяйкою простаго Нѣмецкаго быта, если-бы судьба не сблизила ея съ такимъ человѣкомъ. Но удивительно-ли, что Эшна его спроси загла ея дѣвическую душу?

И трудно-ли было скрыться влюбленной дѣвушкѣ отъ спарика отца, у котораго она со-спавляла почти всю прислугу? Можешь бышь сердце ея трепетало, когда выходила она изъ опеческаго дома, съ шѣмъ чѣмъ навсегда соединить свою судьбу съ человѣкомъ, уже не чужимъ ей любовью, но увлекавшимъ ее совѣмъ въ иной міръ. Однакожь рѣшительность превозмогла все: Хриспина ушла съ Ломоносовымъ въ церковь, и паспортъ, напередъ задобренный, обвинчалъ ихъ. Печально было эшо порожество, столь милое сердцу! Почти одиноко окончился обрядъ въ церкви; но по выходѣ изъ нея, когда надобно было идти не въ домъ опеческій, а на кварширу, вновь наняшую Ломоносовымъ, Хриспина почувствовала, что тоска сжала ея сердце. Только тупъ поняла она вину свою!

Очарованный своимъ счастьемъ, Ломоносовъ показывалъ ей пригошовленное имъ убѣжище, гдѣ все было бѣдно, однакожь удобно для жиз-

ни; Христина не могла глядѣть ни на что. Она плакала и сквозь слезы говорила ему:

«Я бѣжала изъ отеческаго дома, какъ преступница! Я рѣшилась на дѣло не угодное Богу! Родитель не благословилъ меня! . . .

—Но Церковь благословила насъ, Христина! Завтра-же пойдемъ мы къ родителю своему, и онъ конечно проститъ тебя, когда увидитъ наше счастье!

«Проститъ! Для чего-же должна я искать его прощенья?

—Для того, что иначе онъ не согласился-бы такъ скоро увидѣть насъ счастливыми.

Сердечное краснорѣчіе и любовь Ломоносова нѣсколько успокоили Христину.

На другой день, счастливые супруги смиренно явились къ огорченному родителю. Онъ провелъ ночь въ страшномъ безпокойствѣ; сначала спрашивалъ у всѣхъ окружавшихъ его, у сосѣдей и даже всѣхъ шедшихъ по улицѣ, не видали-ль его Христины. Ни кто не умѣлъ отвѣчать ему. Наконецъ онъ бросился въ комнату Ломоносова, и нашелъ ее запершою; онъ понялъ все, и пересталъ искать дочь. Сложивъ руки, почти до утра ходилъ онъ по своей комнатѣ въ задумчивости.

Онъ почти не изъясилъ удивленія, когда увидѣлъ Христину съ Ломоносовымъ, и довольно холодно сказалъ:

— Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ? ты не дочь моя. . . .

«Папенька! папенька!» закричала Хриспина падая передъ нимъ на колѣни. «Просиши меня! Просиши моего мужа!»

— Мужа? . . .

«Да, вчера вечеромъ, мы соединились святымъ, вѣчнымъ союзомъ,» сказалъ Ломоносовъ.

— Я не благословлялъ васъ на этотъ союзъ, и не признаю его. Не хочу преслѣдовать васъ закономъ, но не могу и любить дочери непослушной. Подише съ глазъ моихъ!

Чувство придавало словамъ добраго спарика непобѣдимую силу.

Хриспина рыдая обнимала его колѣни и не могла произнести ни одного моленія. Ломоносовъ говорилъ, но оправданія его разсыпались въ прахъ передъ немногими словами правды, кошорую высказывалъ оскорбленный отецъ. Наконецъ Ломоносовъ былъ принужденъ увести полубезчувственную жену свою.

Если-бы спарикъ встрѣпилъ ихъ гнѣвомъ, проклятіями, то можетъ быть Хриспина не почувствовала-бы такъ глубоко своего проступка. Но тихій ропотъ его, но оскорбленное чувство отца, выражавшееся въ немногихъ упрекахъ, поразили дочь, горячо любившую его. Она провела нѣсколько дней въ слезахъ, и по-

сылала своего мужа молишь отца о прощениі ; но старикъ упорно не хотѣлъ видѣть ея , и только при описаніи горести ея смягчился нѣсколько. Забывая гнѣвъ свой вымолвилъ онъ :

«Скажи Хриспинѣ , что я желалъ-бы изгнать ея изъ моего сердца, но не могу. Она оскорбила меня , больше нежели можешь предсавивъ себя; однако я все еще не въ силахъ забыть ея. Оставимъ времени будущее: если вы окажешесь достойны прощениа моего , то , я чувствую , что еще могу смягчиться. Я люблю дочь мою. Ты, Михайло, не женщина, и уменъ больше меня ; ты самъ понимаешь , какъ я долженъ глядѣть на тебя, виновника ея просупка. Не говори-же мнѣ болѣе никакихъ оправданій теперь, когда еще оскорбленіе слишкомъ живо въ моемъ сердцѣ. Поди, и спарайся, съ женою своею, оправдать не совсѣмъ испребленную къ ней любовь мою.»

Старикъ говорилъ какъ чувствовалъ , а онъ чувствовалъ какъ ошецъ , и при томъ жистель маленькаго Нѣмецкаго городка.

Хриспина ожила при зарѣ надежды услышавъ отъ своего родителя слова прощениа. Она спала спокойнѣе и принялась за свое маленькое хозяйство съ удивительнымъ усердіемъ. Ломоносовъ получалъ отъ Академіи порядочное жалованье, копорымъ могъ жить, со всѣми удобствами одинокой жизни ; но Хриспина

умѣла распорядиться такъ , что этого оказалось доспапочно имъ двумъ. Она исправляла почти всѣ занятія и даже работы сама. Любовь украшала все это для Ломоносова , и онъ почиталъ себя совершенно счастливымъ человекомъ. Часпо, глядя какъ Христина заботилась объ устройствѣ домашней жизни, онъ не могъ насмотрѣться на нее и шико благодарилъ Бога за свое счастье.

Ученая дѣятельность его возобновилась. Онъ опять спалъ усердно посѣщая лекціи , и часпо являясь къ Вольфу. Этошъ знаменитый человекъ, живя въ маленькомъ городѣ, не могъ не слышать о женибѣ Ломоносова , которая привела въ движеніе всѣ круги и кружки Марбургскаго общества. Однакожъ онъ не говорилъ ему своего мнѣнія до шѣхъ поръ , пока самъ Ломоносовъ не сказалъ уважаемому имъ Профессору о своей женибѣ. Вольфъ конечно смотрѣлъ на это глазами философа , однакожъ почелъ обязанностью своею замѣнить молодому человеку , онданному нѣкопорымъ образомъ подъ его покровительство, что онъ поступилъ очень необдуманно. Ломоносову больно показалось шакое мнѣніе , и это выразилось на лицѣ его.

«Не оскорбляйшесь моими словами ,» сказалъ Вольфъ , «и дайше мнѣ выразишь вамъ подробнѣ мысль мою. Бракъ—необходимое условіе въ

жизни, необходимое до такой степени, что человек не женатый кажется существом, не исполнившим своего назначения, одиноким среди людей, эгоистом, который уклоняется от самой тяжелой обязанности, налагаемой на него условиями жизни в мире. Но это лишь вещественное назначение человека; для него не должен он забывать другой, не менее важной обязанности своей: действовать в мире нравственном. Это призвание людей, узнавших мир не с одной вещественной стороны. Они должны иногда отказываться от всех других обязанностей, для того чтобы действовать в мире нравственном. С таким-то высоким назначением были устроены обители монахов, где человек навски отделялся от всего вещественного, и посвящал себя единственно духовным подвигам. Сообразите, что был-бы теперь мир без этого великого устройства? Кто показал нам истинный духовный, лучший мир, как не отшельники, не монахи? Теперь эти действовали, силою времени и обстоятельством, ослабляются и удаляются с своего поприща (*). Место их должны занять мы, так называемые *ученые*. Вы, человек предназначенный

(*) Здесь разумется Протестантская Германия.

судьбой и опечесствомъ къ ученому званію, вы вдругъ перешли теперь къ жизни семейной, которая необходимо опвлечетъ васъ на нѣкоторое время отъ пріамаго пути къ цѣли вашей.

— Я все еще не понимаю, Г. Профессоръ: неужели человекъ ученый не долженъ жениться?

«Напрощивъ : *долженъ* ; но вы можете-ли называть себя ученымъ? Рѣшите сами.

Ломоносовъ поникнулъ головой.

«Позвольте мнѣ выразиться проще, но яснѣе: только имѣя аптеспанъ на званіе ученаго могли вы всупить въ новую обязанность. Теперь-же, вы будете имѣть на себѣ двѣ обязанности, которыя могутъ показаться вамъ тягостны. Впрочемъ—прибавилъ Вольфъ улыбаясь—я увѣренъ, что сила вашего духа подкрѣпитъ васъ.

Послѣ этого разговора, Вольфъ уже никогда не говорилъ съ Ломоносовымъ о его женитьбѣ, какъ-бы давая тѣмъ разумѣть, что не хочетъ вспоминать о проступкѣ своего ученика.

Но что люди почиали проступкомъ, въ томъ Ломоносовъ видѣлъ величайшее свое счастье. У него оказывался недоспапокъ въ деньгахъ ; но добрая жена умѣла вознаградишь это экономіей, и онъ почти не замѣчалъ нужды, часто грозившей ему. Онъ восхищался добрымъ сердцемъ и милымъ характеромъ своей жены,

которая, казалось, жила только для его утѣшенія. И дѣйствительно, все, что можетъ изобрѣсти нѣжная предупредительность любви и дружбы, все было исощено ею. Сверхъ того, она выражала каждымъ поступкомъ своимъ такую довѣренность къ мужу, что онъ иногда былъ готовъ спастъ передъ нею на колѣни и еще разъ поклясться въ вѣчной любви.

Въ то время, когда такъ тихо и мирно капились дни Ломоносова, онъ вдругъ узналъ о побѣдѣ, одержанной Русскими войсками подъ Хошиномъ. Это сдѣлало на него впечатлѣніе радостное и сильное. Въ отдаленіи отъ опечесства, среди чужеземцевъ, въ глуши раздались передъ нимъ побѣдные громы Россіи. Волненіе чувствъ его сдѣлалось наконецъ такъ живо и сильно, что онъ рѣшился выразить его на бумагѣ. Въ первый разъ посѣпилъ его истинный восторгъ, и онъ написалъ оду, которая начинается такъ :

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведешь на верхъ горы высокой, и проч.

Лицо его горѣло и дыханіе прерывалось, когда онъ окончилъ оду. Онъ спалъ перечислявъ: хорошо! Но всего больше радовало его, что онъ написалъ свою оду новымъ размѣромъ, въ подражаніе знаменитой Гиншеровой одѣ Принцу

Евгенію. Тогда не почиталось грѣхомъ , просто , переводить цѣлыя строфы изъ извѣстныхъ чужеземныхъ стихотвореній и выдавать ихъ за свои ; однако Ломоносовъ воспользовался этимъ правомъ очень умѣренно , такъ что сличая его оду съ Гинтеровой , почти не найдете близкаго подражанія : оно болѣе замѣтно въ общности , въ шонѣ и оборошахъ.

Такъ родился подъ перомъ его *ямбическій стихъ* , надолго оставшійся первенствующимъ въ Русскомъ стихотворствѣ! Ода на взятіе Хопшина была первымъ истиннымъ стихотвореніемъ , не Русскимъ , а правильнымъ , гармоническимъ , доказывающимъ гибкость и величіе Русскаго языка.

Творецъ этой оды былъ такъ доволенъ ею , такъ убѣжденъ въ ея достоинствѣ , что рѣшился послать ее въ Петербургъ , къ бывшему тогда Президентомъ Академіи Наукъ , Барону Корфу. Въ письмѣ къ нему онъ объяснялъ , что ода написана развѣромъ новымъ , неслыханнымъ дополъ въ Русскомъ стихотворствѣ.

Этотъ опытъ показываешь , что Ломоносовъ не переставалъ заниматься стихами и сдѣлалъ въ теоріи ихъ большіе успѣхи. Необыкновенный взглядъ его производилъ новое во всемъ , куда ни проникалъ онъ : такова принадлежность генія ; онъ можешь ошибаться , но никогда не идешь по чужимъ слѣдамъ.

Между тѣмъ, ни идиллическая жизнь, ни спихи, ни что не могло ошвлечь его опъ любимыхъ занятій почными науками. Онъ слушалъ Вольфа, любилъ углубляться въ блестящія его изслѣдованія; но собственно Философія не была удѣломъ нашего соотечественника, потому что въ ней всѣ искали не того, чего искать должно. Она была собраніемъ предположеній и гаданій, больше или меньше удачныхъ; но метода изслѣдованія оставалась только въ немногихъ, гениальныхъ головахъ. Поэтому-то Ломоносовъ оказалъ всего меньше успѣховъ въ Философіи. Умъ его болѣе склонялся къ наукамъ и знаніямъ опытнымъ, каковы Химія, Металлургія, и Физика, бывшая также сборомъ опытовъ по разнымъ частямъ Естествознанія. Тутъ онъ дѣлалъ чудеса и удивлялъ своихъ учителей проникательностью. Работая съ Профессоромъ Химіи въ лабораторіи, онъ вскорѣ сдѣлался любимымъ его помощникомъ; Профессоръ Металлургіи предвѣщалъ въ немъ оплчнаго ученаго по Горной части; Профессору Физики онъ дѣлалъ всѣ опыты съ необыкновенною ловкостью и смѣливостью. Часто цѣлые дни занимался онъ съ ними, и только опдыхать возвращался домой. Послѣ шрудныхъ умственныхъ занятій, человеку необходимъ опдыхъ, и духомъ и тѣломъ. Проводя большую часть дня въ Университетѣ со своими Про-

фессорами, Ломоносовъ возвращался домой и посвящалъ оспальное время дружескимъ разговорамъ съ женою, занятіямъ Словесностію, чтенію. Онъ читалъ много, особенно писателей Нѣмецкихъ, такъ что сдѣлался совершенно знакомъ съ тогдашнею, еще бѣдною Нѣмецкою Словесностію. Незамѣтно выучился онъ, почти самъ собою, Французскому языку, и читалъ Французовъ, у которыхъ не задолго былъ великій вѣкъ Словесности, какъ называли они время Расина, Мольера, Буало, Лафонтена. Древніе не переслаивали занимать его: Цицеронъ, Гораций, Овидій, и опчаспи Греческіе писатели, не сходили съ письменнаго стола Ломоносова. Все это называлъ онъ опдыхомъ. Но истиннымъ опдыхомъ его было то время, когда онъ не дѣлалъ ничего и наслаждался тихою семейною жизнью, или училъ жену свою Русскому языку и рассказывалъ ей о Россіи многое, что возобновлялось въ памяти его, при мысли о миломъ опечесствѣ.

«Знаешь-ли, Хриспина!» сказалъ онъ ей однажды. «Иногда мнѣ кажется, что я не поѣду въ Россію.

—Почему-же, Михайло?

«Мнѣ такъ хорошо здѣсь; я нашелъ столько счастья жить тамъ, гдѣ моя родина, что хочу сберечь его, это счастье, и не смогу на всю привязанность къ опечесству, боюсь раз-

спроишь наши тихіе , мирные дни новымъ переселеніемъ.

— Ахъ, нѣтъ, Михайло! я не хочу чтобы ты разстался навсегда съ опечесшвомъ , пвоею Россією. И что называешь ты нашимъ счастьемъ? Любовь нашу? Но я буду вездѣ съ тобой. Любовь опца? Но.... онъ изгналъ меня и не хочетъ видѣть.

Она прослезилась.

«Опецъ скоро примирится съ нами , милая Хриспина. Онъ такъ добръ ! И всѣ здѣсь такъ добры! Въ опечесствѣ , я не зналъ никакихъ наслажденій; шамъ всѣ были чужды мнѣ; а здѣсь я нашелъ себя , и съ тобой цѣлый міръ счастья !

— Я не могу прошиворѣчить тебѣ , пошому что не знаю ничего кромѣ своего города , и никого кромѣ немногихъ родныхъ; однако мнѣ кажется , что тебѣ надобно возвращишься въ Россію.

«Для чего, Хриспина ?

— Не умѣю объяснить этого. Ты здѣсь какъ будшо не на своемъ мѣстѣ; тебѣ надобно что-то другое.

Ломоносовъ задумался. Простое чувство женщины было вѣрнѣ его ума , обширнаго , но увлекаемаго воображеніемъ и непостояннаго въ привязанностяхъ ! Это поразило его , когда онъ обдумалъ слова Хриспины. Идиллическая

жизнь увлекла его до такой степени, что онъ былъ готовъ забыть для нея все: общество, назначеніе свое, и даже цѣль жизни. Мы уже видѣли много такихъ мгновенныхъ его вспышекъ; увидимъ ихъ и дальше.

Дни черезъ два послѣ этого разговора, неожиданно явился къ нимъ отецъ, поршней. Нѣсколько мѣсяцевъ не видался онъ со своею дочерью, и во все это время щепательно наблюдалъ за нею. Онъ былъ знакомъ почти со всѣми въ городѣ, легко находилъ случай узнавать, каково живетъ она съ мужемъ, чѣмъ занимающіяся они, каково идетъ ихъ хозяйство, и обо всемъ этомъ слышалъ однѣ похвалы. Черезъ хозяйина дома, гдѣ жили они, особенно развѣдалъ онъ, что дочь его много печалится о разлукѣ съ отцомъ и часто плачетъ. Наконецъ это расшевелило *благоразумное сердце* его, и онъ рѣшился заключить порожественное примиреніе съ бѣглагою-дочерью и съ похищеннымъ-мужемъ ея.

Христина заплакала, закричала, когда увидѣла отца, и хотѣла броситься къ нему, но онъ протянулъ руку—удержать ее отъ этого, и потомъ сказалъ наставительную рѣчь, какъ дурно поступила она, какое право имѣлъ онъ сердиться на нее, какъ дорого она должна цѣнить любовь отцовскую, кошорая одна заславляетъ его теперь забыть все, и снова принять

заблудшую дочь въ милосѣ и покровишельсн-
во. Послѣ этого онъ подошелъ къ ней, поцѣ-
ловаль ее въ лобъ, далъ ей поцѣловать свою
руку, и произнесъ маленькое насѣавленіе Ло-
моносову. Тотъ не могъ наконецъ выдержатъ
этого церемоніала и кинулся обнимаѣ спарика.
Краснорѣчіе его довершило все оспаль-
ное. Спарикъ самъ распрогался, расцѣловаль
своихъ дѣпей и предложилъ имъ переѣхатъ къ
нему въ домъ.

«Если-бъ ты знала, какъ грустно мнѣ было
осѣаватъ сиротой!» сказалъ онъ дочери. «Я
привыкъ къ тебѣ, и безъ тебя никто не могъ
угодить мнѣ, ни въ чемъ!»

—Папенька!—говорила она, цѣлуя руку опца.
—Я не смѣю надѣяться вознаградишь когда ни-
будь за огорченіе, которе сдѣлала вамъ по не-
опытности своей! Но, жизнь моя будетъ по-
сѣаена вашему ушѣшенію.

Дѣло сладилось. Ломоносовъ переѣхалъ съ
женою къ опцу ея, и спарикъ скоро забылъ
свой гнѣвъ. Хриспина угождала опцу со всѣмъ
усердіемъ дочери, желающей загладишь вину
свою. Единственнымъ признакомъ недавняго
разлада ихъ оказалось то, что Хриспина съ
мужемъ должна была имѣть свое хозяйство:
спарикъ не хотѣлъ, да и не могъ ничего да-
ватъ ей на издержки. Слабое здоровье, еще
болѣе разсѣроенное лѣпами и работою, не

позволяло ему заниматься ремесломъ своимъ съ бывалымъ прилежаніемъ. Во время опсущивія дочери, онъ опнуслилъ почти всѣхъ своихъ работниковъ и опъ того доходъ его уменьшился до крайней степени. «Живите какъ умѣете,» говорилъ онъ Хриспинъ. «Я не въ силахъ помогать вамъ ничѣмъ, кромѣ кварширы, которою можете вы пользоваться.»

Ломоносовъ, которыи никогда не заботился о пропитаніи, не хотѣлъ и теперь думать объ этомъ. Онъ сказалъ спарику, что надѣется на собственныя свои силы, и никогда не попревожилъ его просьбой о деньгахъ. Однако вскорѣ обстоятельство должны были перемениться, и Ломоносову пришлось испытать горькія непріятности, которыхъ не зналъ онъ прежде.

Г л а в а XII.

Еще разъ жизнь въ Марбургѣ улыбнулась бѣдному пришельцу: у Ломоносова родилась дочь. Заботы, неизбѣжныя при этомъ важномъ семейномъ событіи, не мѣшали ему радоваться и раздѣлять свою радость съ женою, которая сдѣлалась для него существомъ, еще болѣе драгоценнымъ. Но путь-же счастье его было смущено непріятностію, которой онъ не предвидѣлъ: у нихъ не было денегъ, даже на расходы, необходимыя при рожденіи дитяти. Ломоносовъ увидѣлъ себя принужденнымъ продать за безцѣнокъ нѣсколько дорогихъ для него книгъ, и войдя въ новые долги у лавочника, которому уже былъ долженъ, забирая всякій вздоръ для хозяйства. Жена его въ послѣднее время и послѣ рожденія дитяти не могла сама хозяйничать, и опъ того деньги шли безъ толку, подъ завѣдываніемъ Ломоносова. Онъ былъ шакъ не экономенъ, шакъ щедръ, что скоро положеніе его сдѣлалось ужасно. Хлѣбникъ

переспалъ оппускавъ ему хлѣбъ , а лавочникъ всякую другую провизію , когда эти люди узнали , что молодой должникъ ихъ продаетъ послѣднія свои вещи. Мало этого : они начали наспопашельно требовать своихъ денегъ , а заплашивать было нечѣмъ. Съ большимъ трудомъ успокоилъ ихъ Ломоносовъ , уговоривши подождать до полученія прешнаго его жалованья. Они согласились , но между тѣмъ надобно было каждый день пить и ѣсть. Ломоносовъ опшскалъ новаго лавочника , которъй рѣшился оппускавъ ему въ долгъ необходимые съѣстные припасы. Хлѣбъ покупалъ онъ на деньги , занимая по нѣскольку грошей у своихъ товарищей.

Наконецъ прешное жалованье было получено , и Ломоносовъ спѣшилъ расплачиваться съ своими кредиторами ; но долгъ превышалъ всѣ полученные имъ деньги. Онъ принужденъ былъ сдѣлать уплату , и оставить ничтожную сумму себя на расходы. Кредиторы его успокоились , но онъ уже почувсцовалъ всю тягоспѣ бытъ должникомъ , и со спрахомъ думалъ о будущемъ. Въ первый разъ узналъ онъ цѣну деньгамъ !... Прежде , одинокій , беззаботный , онъ проводилъ иногда цѣлыя дни пополамъ съ голодомъ , и забывалъ это углубляясь въ свои занятія. Но теперь , на рукахъ его были два безпомощныя , слабая существа : жена и малюшка дочь. Онъ могъ

перѣтъ нужду самъ и не жаловашься на эшо; но заславлять мѣтъ перѣтъ — эшо было выше его силъ! Сверхъ того, прежде онъ не зналъ, что такое значило: быть должнымъ; а теперь онъ испытывалъ горестъ этихъ словъ, и съ опчаяніемъ видѣлъ, что долги его не только не уменьшались, но росли непрерывно, какъ головы баснословной гидры.

Жена его долго не могла оправиться отъ болѣзни, а онъ не зналъ, что она своею неуспѣшною работою, шитьемъ, вязаньемъ, подкрѣпляла бѣдные доходы его, которыхъ и прежде не могло-бы доставать имъ на содержаніе. Теперь, слабость силъ не позволяла ей работать, а расходы и долги увеличились. Она сберегала многое также своею хозяйственностью, а теперь у нихъ жила наемная женщина, которая, кромѣ того что стоило ей содержаніе, умножала расходы своимъ плохимъ усердіемъ. И все эшо пало на небольшое жалованье, которое получалъ Ломоносовъ отъ Академіи, такъ что онъ вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ нуждою, бѣдностью и долгами неоплашными.

«Боже мой! чѣмъ-же все эшо кончилось?» думалъ онъ, когда безобразная нищета напоминала ему о себѣ. «Если-бъ я былъ въ Россіи, то могъ-бы найти себѣ какую нибудь работу; а здѣсь, на чужой сторонѣ, въ чужомъ городѣ, что спану я дѣлаю? Я не гоюсь даже и въ пи-

сая Нѣмцамъ! Да и гдѣ мнѣ взять времени, кошораго едва достаесть на необходимыя ученыя занятія и на заботы о больной женѣ! Неужели сбудесть предвѣщаніе Виноградова?... о Боже! избавь меня хоть отъ этого униженія! Меня какъ ребенка оспанавливали отъ женишбы, и я не хотѣлъ никого слушать, я запыкалъ уши отъ ихъ *благоразумныхъ совѣтовъ*, жершвуя всѣмъ для доброй моей Хриспины. Я говорилъ имъ правду, увѣряя, что буду счастливъ съ нею; я прочно счастливъ; но эта проклятая нужда!... Признаюсь, я не предвидѣлъ, что такъ тяжело съ нею раздѣлываться. Но, вооружусь всѣми силами! Провидѣніе уже не разъ спасало меня отъ непріятностей и прискорбій, можешь быть не меньше спрашныхъ.»

Такъ всегда оканчивалъ Ломоносовъ размышленія свои объ угрожавшихъ ему бѣдспвіяхъ, и вѣра въ Провидѣніе всегда оправдывала его надежды. Почти то-же случилось и теперь.

Вольфъ прислалъ за нимъ.

«Я получилъ отъ Пешербургской Академіи,» сказалъ онъ Ломоносову, «новое распоряженіе. Видя изъ полученныхъ ею отъ меня свѣдѣній, что вы оказываете особенные успѣхи въ Металлургіи, она желаетъ, чтобы вы съѣздили во Фрейбергъ, къ извѣстному Бергъ-Рапу Генкелю, и занялись подъ его руководствомъ Горнымъ Дѣломъ практически. Для поѣздки вашей

прислана особенная сумма денег , которую я и вручу вамъ.

— Съ благодарностью исполню волю Академіи — сказалъ Ломоносовъ. — Но прежде позволите мнѣ поблагодарить васъ, потому что, безъ сомнѣнія, вамъ обязанъ я этимъ новымъ случаемъ къ усовершенствованію себя въ любимой моей наукѣ.

« Я писалъ въ Академію то , что видѣлъ ; впрочемъ , отправивъ васъ къ Генкелю почто съѣзжалъ я, и увѣренъ, что это будетъ для васъ полезно.

— Я уже сколько знаю о заслугахъ Г-на Бергъ-Рапа въ наукѣ , что почту особеннымъ счастьемъ заняться Металлургіею подъ его руководствомъ.

«Тѣмъ болѣе , что вы должны прожить у него цѣлый годъ.

— Цѣлый годъ ? . . . да, конечно это большая выгода.

Вольфъ не хотѣлъ понимать истиннаго смысла этого восклицанія, хотя и видѣлъ, что Ломоносовъ не совсѣмъ-то былъ радъ такой долговременной разлукѣ съ семействомъ.

«Теперь извольте получить инструкцію Академіи , и жалованье за годъ , съ прибавкою на переѣзды.

Тушъ онъ вручилъ Ломоносову довольно значительную сумму денегъ , далъ всѣ необходимыя наставленія и письмо къ Генцелю .

Ломоносовъ не зналъ , возвращаясь домой, радовался-ли ему или печалился? Онъ былъ радъ неожиданному пособию въ деньгахъ , не думая, что онъ понадобится ему на путешествіе; но разлука съ женой и маленькой дочерью навѣвала тоску на его сердце. Онъ размышлялъ еще и о томъ , какъ объявишь о своей поѣздкѣ женѣ , не совсѣмъ оправившейся отъ болѣзни? Но, пришедши домой , онъ принялъ веселый видъ и сказалъ :

«Христина! знаешь-ли, что я принесъ съ собою кучу денегъ?»

— Денегъ? На что ихъ намъ много? Да и не откуда получишь ихъ тебѣ, милый другъ.

Тушъ съ величайшею оспороженностью началъ онъ описывать ей свое свиданіе съ Вольфомъ, и намекнулъ о поѣздкѣ во Фрейбергъ.

—Такъ что-же? — сказала Христина. — Если это для твоей пользы, я очень рада перенести самую тягостъ разлуки. Неужели ты думаешь, что я буду печалиться , когда вижу полезное для себя? Напротивъ , Михайло ! я рада для себя на всѣ лишенія.

«Милая, милая Христина! Точно эта поѣздка будетъ полезна для моего усовершенствованія

въ наукѣ; но разлука съ шобой. . . . Я не смѣлъ и думатьъ объ эшомъ, не смѣлъ сказать тебѣ....

— Ты мало довѣряешь моей любви къ тебѣ. Скажи только: на долго-ли расстаемся мы?

Ломоносовъ молчалъ.

— Неужели на цѣлые годы?

« На одинъ годъ , Христина , но на цѣлый годъ !

— Такъ что-же ? — сказала она стараясь сохранить спокойный видъ? — За то, какъ весело будешь намъ свидѣться. . . . Ты будешь писать ко мнѣ , будешь любишь меня , шакъ-же какъ теперь.

«О , для чего не могу я выразишь тебѣ всей любви моей ! Каждое слово ливое , Христина, есть слово чистой, ангельской души.

Онъ съ жаромъ обнялъ ее.

«По крайней мѣрѣ я буду спокойнѣе отъ того, что мы , слава Богу, можемъ заплашишь наши долги. Для поѣздки получилъ я много денегъ. Но я возьму съ собой какую нибудь бездѣлицу, пойду пѣшкомъ, а ошальное заплачу заимодавцамъ, и опдамъ тебѣ. Ты не будешь знашь никакой нужды.

— Я рада, что ты будешь отъ эшого спокойнѣе; но идти пѣшкомъ во Фрейбергъ невозможно: ты долженъ ѣхать шуда.

«Напрощивъ, я долженъ идти, во-первыхъ для того что сберегу эшимъ сколько нибудь денегъ; а во-вторыхъ, такимъ образомъ я лучше узнаю Саксонію, которую видѣлъ только мимоходомъ.

— Но ты дорожишь моимъ спокойствіемъ, а я дорожу своимъ; я спану меньше беспокоишься, когда буду знать, что ты не утомляешь себя пѣшеходствомъ.

Ломоносовъ обѣщалъ наконецъ исполнить ея желаніе. Послѣ этого, Хриспина съ величайшимъ мужествомъ начала приготавливать все необходимое для его путешествія: уклала въ небольшой чемоданъ плащъ и бѣлье мужа, которое содержала всегда въ возможномъ порядкѣ; положила туда-же нѣсколько книгъ, назначенныхъ имъ самимъ; наконецъ пригостила особенное плащъ для дороги.

Съ любовью и благодарностью смотрѣлъ Ломоносовъ на добрыя заботы ея и цѣловалъ попеременно то милую жену, то маленькую дочь свою. Въ слѣдующее утро, надобно было расстаться. Хриспина хотѣла провожать мужа за городъ, но онъ уговорилъ ее не дѣлать этого. Нѣсколько слѣзокъ, вырвавшихся насильно изъ глазъ ея, были единственнѣйшимъ признакомъ сердечной тоски, которая угнетала эту добрую женщину. Ломоносовъ спѣшилъ къ почтовому двору и шамъ сѣлъ въ общую карету.

Ему было очень грустно въ первый день; но сердце его постепенно успокоивалось; въѣхавши въ Саксонію, онъ могъ даже наслаждаться красотою природы этой очаровательной страны. Прелестна Саксонія лѣтомъ, въ свѣтлое утро, когда каждая деревенька ея представляешь ландшафтъ, передъ которымъ ничтожны всѣ знаменитыя картины Пуссеней и Бергемовъ! Но всего прелестнѣе южная часть ея, граничащая съ Богеміею. Тутъ сама природа, кажущаяся, помогала жителямъ устраивать неожиданныя, живыя картины. Тутъ дикія красоты смѣшаны съ привлекательнымъ устройствомъ образованности; шутъ живописные холмы и горы, лѣса и сады, виноградъ и дубъ, какъ будто наперерывъ стараются приковать къ себѣ вниманіе путешественника, между тѣмъ какъ добрые жители обновляютъ для него патриархальныя времена и стараются добродѣтель гостепріимства.

На границѣ Саксоніи Ломоносовъ выскочилъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ. Онъ уже такъ сблизился съ Нѣмецкими нравами, что это путешествие казалось ему пріятною прогулкою среди родныхъ, близкихъ сердцу. Почтенные Нѣмцы торжествуютъ семейною жизнью; а Ломоносовъ былъ теперь семьянинъ, и не разъ картина мажери съ малюшкою на рукахъ заставляла его вздыхать о разлукѣ съ Христиной.

Впрочемъ , путешествіе его скоро кончилось, потому что переходъ отъ границы Саксоніи до ея средопочія не великъ. Оставивъ Дрезденъ влѣво , Ломоносовъ приблизился къ Фрейбергу, знаменишму своими горными заведеніями. Въ городѣ , видъ соборной церкви поразилъ его какимъ-то сходствомъ съ церквами Москвы , и онъ рѣшился осмолѣннѣ на досугѣ эшотъ великолѣпный храмъ.

Ошдохнувъ и оправившись отъ дороги, уже на другой день Ломоносовъ явился къ будущему покровителю своему, Бергъ-Рапу Генкелю.

Эшо былъ человекъ старый , въ огромномъ парикѣ , и съ необыкновенно-важною осанкою, учпивый и словоохотный. Онъ раскланялся съ Ломоносовымъ, и когда узналъ, что шотъ пріѣхалъ съ письмомъ отъ знаменишаго Вольфа, усадилъ его, прося позволенія прочестъ письмо Г-на Профессора. Изъ письма увидѣлъ онъ, что Ломоносовъ Рускій, что Вольфъ рекомендуетъ его , какъ отличнаго по способностямъ и знаніямъ своимъ молодаго человека.

—Очень радъ, весьма радъ, чрезвычайно радъ, Г. Ломоносовъ , способствовать вашимъ ученымъ трудамъ—сказалъ Генкель.—Вы особенно посвящаете себя Металлургіи?

«Я люблю эшу науку , и желалъ-бы въ ней усовершенствоваться. Кажется, ни гдѣ не могу

достигнуть этой цѣли такъ вѣрно какъ во Фрейбергѣ, подъ вашимъ руководствомъ.

— Благодаренъ вамъ, очень, премного благодаренъ ! Но я увѣренъ также , что встрѣчу въ васъ необыкновеннаго ученика. Петербургская Академія, которую глубоко уважаю , и Г. Профессоръ Вольфъ , къ которому пишу величайшее почтеніе, свидѣтельствуютъ о вашихъ необыкновенныхъ способностяхъ.

«Извините, Г. Бергъ-Рашъ, если я попрошю у васъ: въ Россіи еще такъ мало занимающихся науками, что даже усердіе къ нимъ награждаютъ выше заслугъ; потому-то Петербургская Академія оправила меня сюда, и дала благодарственные средства слышать наставленія ученыхъ мужей. А Г. Профессоръ Вольфъ мой благодаренъ; я еще не успѣлъ заслужить того, что онъ дѣлаетъ для меня.

—Благоразумно, похвально и почтенно изволите говорить ! Но въ Россіи теперь великія дѣла совершаются. Давно-ли мы слышали о Рускихъ—извините—какъ о варварахъ; а теперь , мы бесѣдуемъ съ вами объ ученыхъ матеріяхъ !

Такъ продолжался разговоръ съ полчаса, и Ломоносовъ не замѣтилъ въ Генкелѣ никакихъ отличныхъ свѣдѣній, ни даже отличнаго ума. Казалось , это былъ добрый спарикъ , не блиставшій ни ученостью, ни даромъ слова. Но

когда, на другой день, Ломоносовъ увидѣлъ его въ обширной Фрейбергской лабораторіи; когда Генкель началъ дѣлать передъ нимъ различные опыты, изъясняя ему разные законы Химіи и сообщая новыя открытія и наблюденія свои, тогда Ломоносовъ былъ готовъ чистосердечно раскаяться во вчерашнемъ мнѣніи о немъ.

Въ самомъ дѣлѣ, многіе ученые мужи бывають велики только передъ своимъ предметомъ, и кажутся менѣе нежели обыкновенными людьми въ разговорахъ общихъ. Привычка-ли усердствовать весь свой умъ на любимый, избранный предметъ, и невниманіе ко всему осязальному, или особенное устройство умственныхъ органовъ тому причиной, только такихъ людей встрѣчается много. Къ числу ихъ принадлежалъ и Генкель. Его можно было назвать гениемъ опытной Химіи: пусть онъ являлся великъ, поучительнъ, геніаленъ, и Вольфъ не ошибся оправдывая къ нему Ломоносова, которому надобно было только соприкосновеніе необыкновеннаго въ какой либо части человека; а въ Генкель онъ нашелъ еще и опытнаго руководителя. Замѣтивши въ молодомъ человѣкѣ особенную страсть къ Металлургіи и Химіи, Генкель раскрылъ передъ нимъ все богатство своей опытности и занималъ его часно, и по многу часовъ, забывая время. Тупъ и словоохотливость его превращалась въ краснорѣчіе, и

спрасъ къ своему занятію дѣлалась пушеводною звѣздою для молодаго ученаго. Больше ничего и не нужно было для Ломоносова: онъ оказалъ успѣхи немовѣрные.

Но не въ одной только лабораторіи занимался онъ. Генкель водилъ его въ славные Фрейбергскіе рудники, откуда, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, люди выкопали громадное количество серебра. Но и серебро, благородный металлъ, требуетъ очистки. Для этого были устроены во Фрейбергѣ превосходныя заведенія. Тогда еще не было тамъ преобразователя Горнаго Дѣла, безсмертнаго Вернера; во Фрейбергѣ процвѣталъ съ пятнадцатаго и даже шестнадцатаго столѣтія. Богатые прииски серебра, открытые около него, какъ полагаютъ, еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи, скоро привлекли людей. Воздвигся большой городъ, украшенный многими произведеніями Искусства и знаменитый своею Горною Академіею. Тридцатилѣтняя война, этотъ пожаръ цѣлой Германіи, заглушила было дѣятельность Фрейбергскихъ рудокоповъ и славныхъ тамошнихъ заведеній Горнаго Дѣла. Однако упадокъ ихъ былъ не продолжителенъ. Хотя городъ никогда уже не достигъ прежняго своего цвѣтущаго состоянія, однако во время Ломоносова Горное Училище было на высокой степеніи славы. Изъ всѣхъ концовъ образованной Европы спе-

кались шуда учиться разработыванію внутренности земли и всѣмъ необходимымъ для этого свѣдѣніямъ.

Ломоносовъ записался вольнымъ слушателемъ въ Училище, взялъ участіе въ рудникахъ для разработшки, и неуспѣшно обогащалъ себя свѣдѣніями. Генкель посовѣщивалъ ему съѣздить къ горному хребту Богеміи, для осмотра другихъ горныхъ заведеній и для узпанія различныхъ породъ. Ломоносовъ отправился шуда пѣшкомъ, и съ мѣсяць бродилъ по хребтамъ Рудныхъ горъ.

Неизобразимое чувство изумленія овладѣло имъ, когда увидѣлъ онъ вдалекѣ Исполинскія горы. Голубыя вершины ихъ показались ему сначала огромными облаками; пошомъ зрѣніе привыкало находить въ нихъ однообразныя, неподвижныя формы; наконецъ протяженіе ихъ, уходившее въ пространство, казалось безконечною поэзіею, кошорая начиная видимыми, ошущительными предметами, скрывается во глубинѣ души человѣческой. По цѣлымъ часамъ стоялъ Ломоносовъ, глядя на эту огромную поэзію горъ, въ кошорыхъ сама природа дѣлается поэшомъ. Чего не перечувствовалъ онъ въ эти часы! Съ какимъ расположеніемъ духа возвращался онъ въ углубленія долинъ и въ обыкновенный атмосферическій воздухъ!

Онъ не забывалъ и находившихся на пуши его горныхъ заведеній, гдѣ щастливо осматривалъ все, достойное вниманія. Черезъ нѣсколько недѣль онъ возвратился во Фрейбергъ. Генкель обрадовался увидѣвъ своего любимаго ученика, и когда Ломоносовъ рассказывалъ ему свои наблюденія, онъ дополнялъ и объяснялъ ему то, чего не лзя было узнать или понять при быспромъ обзорѣ.

Въ это время Ломоносовъ отправилъ въ Петербургскую Академію подробное донесеніе о своихъ занятіяхъ во Фрейбергѣ, о своемъ путешествіи къ Богемскимъ горамъ, и въ заключеніе просилъ позволеніе ему побывать также въ Гарцѣ и обозрѣвъ тамошніе горные заводы, для окончательнаго усовершенствованія себя въ Горномъ Дѣлѣ и въ Металлургіи.

Во Фрейбергѣ начались опять прежнія занятія его. Генкель ввелъ Ломоносова въ кругъ ученыхъ своихъ товарищей, гдѣ путешественникъ узналъ многихъ отличныхъ людей и пользовался ихъ наставленіями. Но болѣе всего занимался онъ съ самимъ Генкелемъ, и подъ руководствомъ его совершенно приспосаблился къ опытной Химіи, примененной къ Горному Искусству. Плавильная печь заставила его позабыть на нѣсколько времени даже Спиховорство.

Между тѣмъ, для развлеченія, Ломоносовъ гулялъ иногда по городу и осматривалъ примѣчательныя зданія его. Такъ однажды зашелъ онъ въ соборную церковь, которая поразила его при первомъ взглядѣ. Разсматривая подробности этого великолѣпнаго храма, онъ нашелъ въ немъ прекрасный памятникъ Византійскаго Искусства, такъ называемыя *Златыя Врата*. Стоя передъ ними, онъ сначала благоговѣлъ, изумлялся художеству; наконецъ душа его обратилась къ отечеству, по какой-то неясной связи Византіи съ Кіевомъ и древнею Русью. Тихими шагами возвращаясь домой, Ломоносовъ сказалъ самъ себѣ: « Прекрасна ты, Германія! прекрасна своимъ народомъ, своимъ просвѣщеніемъ, своими памятниками, искусствами, природою; но моя далекая Россія драгоцѣннѣе моему сердцу! Я могу на время оспаваться въ странѣ чужой, могу любить ее, даже находишь въ ней счастье; но всегда гонювъ я лешѣшь къ тебѣ, мое отечество!... Непоспѣжимая сила родной земли! Что-же такое она? Что составляетъ эту силу, которая такъ-же вѣчно и вѣрно влечетъ насъ къ себѣ, какъ полюсъ намагниченное желѣзо?... Все! Воздухъ, деревья, камни, развалины, звуки родной земли, лица, знакомыя мнѣ и въ чужихъ людяхъ, солнце, которое иначе сіяешь надъ моимъ небомъ, гробы оицъ и драгоцѣнный ихъ прахъ, все это мое отечес-

ство, все привязываетъ меня къ нему узами, неразрѣшимыми и непонятными для холоднаго ума. . . . Таково чувство мое къ тебѣ, Россія! а чувства не умѣютъ давать оцѣнку.»

Другое воспоминаніе занимало его поспѣшно, и съ живостью возобновлялось въ немъ письмами жены. Она увѣдомляла его о себѣ, но еще болѣе о ихъ дѣяніи, и Ломоносовъ часто желалъ взглянуть на милыхъ его сердцу. Когда минулъ годъ, назначенный ему для прожитія во Фрейбергѣ, онъ поспѣшилъ въ обратный путь. Генкель далъ ему самое одобрительное свидѣтельство объ успѣхахъ, объ усердіи, дѣятельности и опличныхъ занятіяхъ его. Трогательно было прощаніе Ломоносова съ этимъ спарикомъ, который полюбилъ молодого Русскаго, и, съ жаромъ привязаннаго къ своему занятію чловѣка, уговаривалъ его распроспранить въ Россіи истинное познаніе Горнаго Искусства.

Ломоносовъ опсправился въ Марбургъ пѣшкомъ, пошому что кошелекъ его былъ давно пущъ. Онъ мало взялъ съ собою денегъ, прожилъ во Фрейбергѣ долго, путешествовалъ, и шеперь принужденъ былъ возвращаться въ большой нуждѣ. Еще разъ взглянулъ онъ на Саксонію, копорая всегда представлялась ему въ новой красотѣ, и наконецъ, черезъ нѣсколько дней, добрелъ до жилища своей жены.

Съ восторгомъ бросилась къ нему на шею Христина и долго не могла произнести ни одного слова. Наконецъ она указала ему на маленькую дѣвочку, которая увивалась около нея, и произнесла съ шревогой чувствъ :

— Ты-ли это, Михайло? Тебя-ли наконецъ вижу я?

Онъ, не отвѣчая на вопросы ея, схватилъ на руки дѣвочку, и спрашивалъ въ свою очередь:

« Неужели это дочь наша? неужели это наша Минна? »

— Да, да! это она! Ахъ, Михайло! наконецъ ты опять со мной.

« Съ тобой, милая Христина! Но я и въ разлукѣ любилъ воображать себя подлѣ тебя, любилъ думать, что ты невидимо со мной.

— А для меня это было однимъ утѣшеніемъ! И какъ долго длилась наша разлука!... Но ты усмалъ, Михайло, ты ужасно усмалъ!

Она бросилась и принесла ему ужинъ, бѣдный, приправленный только ея радушіемъ.

Ломоносовъ возврапился вечеромъ, и долго рассказывалъ о своемъ пушешествіи, о своихъ впечатлѣніяхъ, и успѣхахъ. Ему было такъ весело дѣлиться съ Христиной всѣмъ, что принесъ онъ изъ своего пушешествія! Малюшка дочь иногда прерывала его рассказы, и онъ бралъ ее на руки, ласкалъ съ нѣжнымъ чув-

ствомъ ошца, и ошпшь обрашсался къ своей Христшнѣ.

Послѣ людей чуждыхъ, холодныхъ въ самомъ радушіи своемъ, послѣ продажныхъ услугъ наемниковъ и шоргашей удобствами, послѣ долгой неволи чувствъ, копорымъ нѣтъ простора въ кругу самыхъ благоразумныхъ, самыхъ добрыхъ, самыхъ пріятныхъ, но чужихъ намъ людей, какъ усладштельно вдругъ очушшсь въ родной семьѣ, въ шихомъ уголкѣ своемъ, среди немногихъ, близкихъ сердцу! Какъ весело взглянушь на всѣ знакомые намъ предметы! увидѣшь радосшныя лица любящихъ насъ, и сбросшшь съ себя вдругъ всѣ шруды, все одшночешство, всѣ досады пушш, для пріятнаго ошдыха. Ломоносовъ вполнѣ испышалъ эшо наслажденіе, и ни одна шревожная мысль не возмушшла его радосшнаго забышья, ни одно горькое воспоминаше не ошправило его спокойствія въ день свиданія съ женою. А эшо подарокъ судьбы. Эшо рѣдкій вышгрышь у слѣпаго счастья.

Глава XIII.

На другой-же день гидра заботы впила въ него. Добрая Христинна должна была сказать Ломоносову, что у нея давно испрачены всѣ оставленные имъ деньги, и что она уже болѣе двухъ мѣсяцевъ принуждена была жить нищенски. Накопилось опять много и долговъ.

Ломоносовъ повелъ рукой по лбу, какъ будто оширая холодный потъ, или требуя совѣта у головы своей, и, скрѣпивъ сердце, сказалъ :

— Я пойду къ Вольфу. Можетъ быть онъ выдаситъ мнѣ прѣсное жалованье. Или не пособишь-ли намъ отецъ твой, хотя мнѣ очень не хотѣлось-бы просить у него помощи.

«Онъ не отказался-бы раздѣлить со мной послѣдній кусокъ хлѣба; но, бѣдный, онъ уже давно боленъ; работники его разошлись всѣ, и у него теперь нѣтъ никакого дохода. Онъ самъ не знаетъ чѣмъ жить.

— Пойду къ Вольфу! — повторилъ Ломоносовъ, и отправился съ надеждой, что и въ

этомъ разъ онъ выведешъ его изъ непріятнаго положенія.

Профессоръ Вольфъ принялъ его очень ласково, спрашивалъ о путешествіи, и былъ чрезвычайно доволенъ прочитавъ письмо и аппешашъ, данные ему Генкелемъ.

Наконецъ Ломоносовъ довелъ разговоръ до самого щекотливаго пункта — денегъ. Онъ всегда робѣлъ, когда надобно было говорить объ этомъ предметѣ, и даже не понималъ, какъ люди умѣютъ такъ свободно разсуждать о деньгахъ? Но онъ произнесъ это слово.

— Денегъ нѣтъ — отвѣчалъ Вольфъ. — Даже нѣтъ назначенія, отъ кого получишь ихъ для другаго вашего путешествія.

«Для другаго путешествія, Г. Профессоръ? Куда? . . . А! вѣрно въ Гарцъ?»

— Да, въ Гарцъ. Академія позволяетъ вамъ, послѣ успѣшнаго возвращенія изъ Фрейберга, отправишься въ Гарцскія горы, и обозрѣшь ихъ; теперь вы могли-бы и ѣхать, но для этого не назначено никакой суммы.

«И такъ надобно подождать, Г. Профессоръ?»

— Да; впрочемъ, на путешествіе ваше надобно такъ немного денегъ, что я готовъ дать вамъ для этого своихъ. Отдохните нѣсколько времени, и потомъ можете отпрапляться.

« Но, признаюсь вамъ, я перплю крайнюю нужду. . . . » осмѣлился вымолвить Ломоносовъ.

Вольфъ какъ будто не слыхалъ словъ его и спокойно прибавилъ :

— Да, черезъ нѣсколько времени надобно вамъ опсправиться въ Гарцъ.

Дѣлашъ было нечего. Съ поникшею головой возвратился Ломоносовъ, и вмѣсто денегъ принесъ женѣ своей извѣстіе — о новой разлукѣ.

Сердце ея не выдержало: она заплакала и молча прижалась къ своему мужу, какъ будто требуя у него защиты отъ судьбы. Въ это время нѣжнаго, нѣмага объясненія супруговъ, изъ дверей выставилась голова мучителя ихъ, лавочника. Увидѣвши Ломоносова, онъ ввалился въ комнату, началъ кланяться, поздравляшъ его съ возвращеніемъ, и подалъ длинный счетъ.

Мужъ счастливый, но несчастный хозяинъ, былъ гошовъ прогнашъ, выкинуть въ окно этого неспоснаго чловѣка; но потъ былъ въ *своихъ правахъ*, шребовалъ *своего*, и пошому необходимо было *просить* его о нѣкоторой опсрочкѣ долга. Лавочникъ съ важносшію началъ исчисляшъ свои добродѣшли, довѣрчивость, честность, долгоперпѣніе, и довольно нахально шребовалъ денегъ. Ломоносовъ собралъ все мужество, и мирно упрашивалъ своего кредитора подождашъ. Послѣ многихъ кривляній, важни-

чанья и почти грубосней, шопъ согласился ждашь еще недѣлю.

Супруги молчали нѣсколько времени; наконецъ Ломоносовъ спросилъ :

— Есть-ли у насъ что нибудь обѣдать?

Хриспина съ горькою улыбкою отвѣчала :

«Есть, но очень немного. Кусокъ хлѣба, и шопъ надобно оспавишь Миннѣ.

Молча взявъ Ломоносовъ со сполы Квинпа Курція, подареннаго ему еще въ Законоспас-ской Академіи, и попомъ сказалъ :

— За эшо дадутъ нѣсколько грошей; покуда эшого и будешь. А шамъ получимъ деньги.

Тяжело вздохнулъ онъ отдавая Хриспинѣ книгу, для него драгоцѣнную. Самыя мрачныя мысли шемнили его голову, сжимали его душу. Въ пакомъ соспоянїи провелъ онъ съ полчаса, не могъ ничѣмъ занимапсья, и наконецъ вышелъ изъ дому, освѣживъ себя чистымъ воздухомъ. Онъ шелъ, самъ не зная куда, и вдругъ услышалъ чей-то знакомый голосъ :

«Ломоносовъ! Ломоносовъ!»

Онъ поднялъ голову: къ нему подходилъ Шпрингнадель, съ другимъ студентомъ. Ломоносовъ не видалъ его больше года: въ эшо время Шпрингнадель перемѣнился чрезвычайно, и его лицо, его выраженіе показывали человѣка, сдѣлавшаго новыя успѣхи въ буйной жизни.

Онъ съ веселымъ видомъ, ударилъ ешараго знакомаго по рукѣ и вскричалъ :

« Ты , брашець , совсѣмъ забылъ меня !

— Я долго не былъ въ Марбургѣ.

« Гдѣ-же носился ты ?

— Пушечеспвовалъ.

« Въ самомъ дѣлѣ ? Куда ? Зачѣмъ ?

— Ъздилъ во Фрейбергъ, учился шамъ.

« Чортъ возьми ! Ты безпреспанно учишься !
Давно-ли ворошился къ намъ ?

— Вчера.

« Э, брашець ! шакъ надобно выпить за твое возвращеніе.

Ломоносовъ съ непріятностью вспомнилъ о вечерѣ, проведенномъ имъ на пирушкѣ у Шпрингнаделя, и рѣзко сказалъ :

— Ты знаешь, что я далъ себѣ слово не пить съ шобой никогда.

« А ты еще не забылъ этого ? Стыдись, брашець ! Я хотѣлъ себѣ-же сдѣлать удовольствіе. Впрочемъ , теперъ мы не будемъ пить много : на троихъ одну бушылку.... Кспаши мы подлѣ знакомаго погребщика.

Ломоносовъ согласился, можетъ бышь даже пошому, чтобы опвязапъся опъ Шпрингнаделя. Въ первый разъ вошелъ онъ въ подземное жилище , называемое погребомъ. Шпрингнадель , какъ обычный гостъ , велѣлъ подапъ бушылку вина и закуску. Ломоносовъ чувспвовалъ и го-

лодь и жажду: онъ съ удовольствіемъ пилъ, ѣлъ, и не замѣнилъ какъ поварищъ его велѣлъ подать другую бутылку. Вино прогнало его мрачныя мысли. Живой разговоръ съ пріятелями, копорые были оба не глупые ребята, разсѣялъ его еще больше, такъ что онъ на время забылъ даже свое горе, и расставаясь съ Шпрингнаделемъ искренно благодарилъ его за это.

Домой возвратился онъ, что называется, въ веселомъ расположеніи, и это состояніе чрезвычайно понравилось ему. На другой день, когда опять домашнія заботы окружили его, онъ былъ готовъ искать сотоварищества Шпрингнаделя.

Въ крайней бѣдности провелъ онъ недѣлю, безпрестанно мучимый мѣлкими заботами о жизни. Продать было нечего, потому что кромѣ нѣсколькихъ книгъ онъ не имѣлъ ничего, ни даже лишней одежды. Безпрерывныя нападенія мѣлкихъ заимодавцевъ были довершены прислупомъ лавочника, кошорому Ломоносовъ задолжалъ довольно порядочную сумму. Эшопъ несносный челоувѣкъ шребовалъ ея насшоятельно. Напрасно умолялъ его Ломоносовъ подождать еще нѣсколько времени: лавочникъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ уплаты, и въ прошивномъ случаѣ грозилъ ему шюрмою. Онъ ушелъ наконецъ; но слово: *тюрьма*, зазвенѣло въ ушахъ бѣднаго должника чрезвычайно непріятно.

— Вошъ чѣмъ должно кончиться эпо! — вскричалъ онъ. И въ головѣ его явилась пагубная мысль: прогнашь свое горе виномъ. Онъ пошчасъ опсправился къ Шпрингнаделю, но, какъ человѣкъ, незнакомый съ развратомъ, напередъ сыскалъ причину идши къ нему.

« Я попрошу у него денегъ взаймы: мнѣ теперь дорогъ и одинъ шалеръ; а сверхъ того, эпошъ весельчакъ прогонитъ мое горе. »

Онъ заспалъ Шпрингнаделя дома, и въ самомъ дѣлѣ, пошъ ошдалъ ему всѣ свои деньги (нѣсколько шалеровъ), накормилъ его славнымъ завпракомъ, и опспустилъ ушѣшеннаго виномъ.

Обстоятельствва Ломоносова поправились немного опъ эпого, но нравспвенная сила его погибла. Онъ заплашилъ нѣкошорые долги и могъ просущесспвовашъ нѣсколько времени; но за то при всякой неприяшности шелъ къ друзьямъ, разгоняшъ свое горе. Дошло до того, что даже послѣднія, чужія деньги онъ трапилъ иногда на бушылку вина, и сначала шайно опъ Хриспины, а попомъ и при ней пилъ и веселился.

Нужно-ли говоришь, какъ огорчало, какъ печалило эпо бѣдную его жену? Она покушалась иногда совѣшовашъ ему бросишь своихъ безпорядочныхъ прияшелей, но Ломоносовъ не слушалъ ея. Въ минушъ бурныя онъ спановился звѣремъ, и шогда бѣдная Хриспина принуждена

была укрываться отъ него, и плакать въ какомъ нибудь уголкѣ. Состояніе отца ея совершенно разстроилось, и это еще болѣе увеличивало ея спраданія.

Такъ прошло нѣсколько времени. Хозяйство Ломоносова уже давно не существовало, долги увеличились болѣе прежняго. Но присущіе ума, но свѣтлыя помышленія не переслаивали одушевлять его въ занятіяхъ ученыхъ и поэтическихъ. Онъ посѣщалъ Университетъ уже не такъ часто какъ прежде, но это было и не нужно, потому что курсы были всѣ пройдены, и онъ болѣе для удовольствія и развлечения ходилъ иногда на лекціи. Но тѣмъ прилежнѣе занимался онъ теоріею Русскаго языка, и особенно стихотворства, въ которомъ открылъ ясныя законы. Часто писалъ онъ правильные, звучные стихи, переводилъ классическихъ стихотворцевъ подлинными размѣрами, и былъ въ восторгѣ отъ гибкости и приема своего роднаго языка. Такія упражненія помогали ему забывать непріятности существенной жизни, и возвращаться ко всѣмъ нѣжнымъ чувствамъ, которыми было такъ богато его сердце.

Однажды Вольфъ увидѣлъ его въ Университетѣ и сказалъ :

— Пора вамъ ѣхать въ Гарцъ.

« Я готовъ, Г. Профессоръ; но вамъ извѣстно, что это зависитъ не отъ меня.

— Я дамъ вамъ денегъ на издержки: приходите ко мнѣ завтра ушромъ.

Ломоносовъ явился по назначенію въ слѣдующее утро, и Вольфъ вручилъ ему нѣсколько талеровъ. Эпопъ великій ученый, эпопъ славный философъ, имѣлъ свои расчеты дѣлая маленькое одолженіе, конечно не Ломоносову, а мѣшу, отъ котораго пошъ зависѣлъ. Онъ любилъ деньги до такой степени, что по вызову Петра соглашался ѣхать въ Россію не иначе, какъ за двойное прошивъ другихъ жалованье. Петръ отвергнувъ его пребываніе, и въ Петербургѣ осталось только преданіе о корыстолюбіи Вольфа. Теперь, онъ хотѣлъ загладить это дурное впечатлѣніе, давая Русскому ученому свои деньги, которыя впрочемъ надѣялся вѣрно получить.

Но какимъ бѣднымъ пособіемъ были онѣ для Ломоносова! Обстоятельства принуждали его оставить половину талеровъ Вольфа женѣ, и отправляясь въ Гарцъ пѣшкомъ! Онъ былъ радъ уйдши на время изъ города, въ которомъ угнетала его жестокая бѣдность. Но онъ покидалъ тамъ жену свою и бѣдную малюшку! Онъ оставался на произволъ судьбы, потому что кромѣ больного опца Хриспины, не было никого, кто могъ-бы защитить ихъ отъ несносныхъ кредиторовъ, которые грозно поговаривали о своемъ долгѣ. Впрочемъ, Ломоносовъ надѣялся

пробыть въ Гарцѣ не много времени, и по возвращеніи найдши наконецъ свое жалованье. Все это говорилъ онъ желая утѣшить свою Христину, хоть самъ иногда переспаивалъ вѣришь и судьбѣ, и посуламъ ея, и всѣмъ надеждамъ на будущее. Христина просила его только беречь себя и увѣряла, что она мужественно перенесетъ новую разлуку съ нимъ. Они разспались. Сердцу Ломоносова было тяжко.

Проходя черезъ Гёппингенъ, онъ остановился тамъ, осмотрѣвъ учрежденный лишь за нѣсколько годовъ Университетъ. Имя Рускаго и ученика Вольфа открыло передъ нимъ двери этого впоследствии знаменитаго храма наукъ. Но и тогда въ немъ процвѣталъ, еще юный и уже славный Галлеръ, столько-же великій ученый, сколько ослѣпленный поэтъ. Ломоносовъ зналъ стихотворенія его, и даже старался подражать ему въ Русскихъ стихахъ. Бывши въ Гёппингенѣ, онъ почелъ за долгъ явиться къ этому знаменитому человеку, и былъ принятъ съ обыкновеннымъ Галлеровымъ радушіемъ и любезностью.

Послѣ разныхъ вѣжливостей, Ломоносовъ сказалъ ему :

«Первое изданіе вашихъ стихотвореній было безъ имени автора, но публика Нѣмецкая уже такъ просвѣщена, что опъ нея не укр-

лись вы, и дарованіе нашло свою награду въ общей хвалѣ.

— Ахъ, ради Бога, не напоминайте о моихъ списахъ! Это опыты первой молодости. Я сжегъ большую часть ихъ, и жалѣю что не всѣ.

«Какъ! Неужели вы рѣшились опияшъ у публики лишнее удовольствіе?»

— Мнѣ кажется, я сдѣлалъ ей большое одолженіе, и всегда называю счастливымъ день этого аушо-да-фе. Я какъ будто спыдился ворошиться на родину съ запасомъ плохихъ списхопвореній, и шеперь вовсе не пишу стиховъ.

«Неужели отказались вы опъ нихъ навсегда?»

— Пишу, но очень мало. Во время путешествія по Англіи и Франціи, а еще болѣе учившись въ Лейденѣ, я развлекалъ себя стихами послѣ Медицинскихъ лекцій Альбинуса и Боэргава, или вспоминалъ въ нихъ объ опечеспвѣ. Въ родной Швейцаріи, при видѣ нашихъ горъ и долинъ, иногда я невольно брался за свою скромную лиру. Но здѣсь, Профессору Анапоміи и Ботаники не приходишъ и въ голову писать стихи!

«А какое любопытное время для Нѣмецкой Словесности! Превосходный Гиншеръ недавно еще явилъ собой независимаго поэта. Мудрый Гошпедъ возстановляетъ шеперь у васъ истинный вкусъ. Гагедорнъ, вы....

— Обо мнѣ говорить нечего: я знаю свое мѣсто. Но теперь мы только еще готовимся къ возрожденію.

— Мнѣ кажется, Словесность ваша уже шакъ богаша, обрабошана? . . .

« Признаюсь, я не вижу эшого; еще надобно рабошашъ по всѣмъ часшамъ. Спарме писатели наши не могутъ служишъ для насъ примѣромъ; а новыхъ нѣтъ. Вы назвали Гиншера: онъ былъ конечно спихошворецъ съ дарованіемъ; но спихи у него больше счасшлвы нежели испинно прекрасны. Вы упомянули о Гопшедѣ: уважаю его доброе намѣреніе и даже пользу, какую онъ приносишъ языку Нѣмецкому и направленію Словесности; однако не могу не соглашашся и съ землякомъ моимъ Бодмеромъ, копорый говоришъ слишкомъ рѣзко, но едва-ли не справедливо.

— Извините, если я, иностранецъ, худо знакомый съ Нѣмецкою Словесностью, осмѣлюсь замѣшишъ: Гопшедъ воспановляешъ испинныя правила вкуса, предписанныя намъ Древностью.

« То есшъ: хочешъ воспановляшъ, и берешъ ихъ опъ Французовъ, которые точно превосходятъ въ правильности языка и спихошворства. Но вошъ и единственная хорошая его сторона. Опица называешъ онъ образцомъ, не за просподушную вѣрность Нѣмецкаго вкуса, а за правильность его Александрійскаго спиха.

Бодмеръ и Брейшингеръ противопоставляютъ этому Англійскую Словесность, но также односторонне, хотя и не безъ основанія, и также хвалятъ классическихъ и старыхъ Нѣмецкихъ писателей. Такимъ образомъ весь споръ выходитъ односторонній.

— Но чистота языка Гошшедова, но его Грамматическіе труды?

« Отдаю справедливость имъ, и жалѣю только, что Г. Гошшедъ съ супругою, вѣрною помощницей его, не имѣютъ никакого дарованія. Это губитъ все доброе въ ихъ трудахъ.

— Неужели не признаете вы въ Гошшедѣ никакого дарованія?

« Почти такъ. Впрочемъ, не думайте, чтобы мнѣнія мои были не искренни: я не принадлежу ни къ Гошшедовой *Лейпцигской*, ни къ Бодмеровой *Швейцарской* паршii, которая раздѣляетъ теперь и занимаютъ умы всей литературной Германіи.

Кажется, однакожъ, что послѣдователей у Гошшеда болѣе нежели у Бодмера.

« Можешь быть; но споръ еще въ самомъ сильномъ разгарѣ и рѣшить это трудно. Могу сказать однакожъ, что на сторонѣ Бодмера большая часть людей съ дарованіемъ. Какъ ни желаетъ Гошшедъ привлечь къ себѣ моего друга Гагедорна, но шомъ хранимъ вѣрный не-

ушралипешъ, и я знаю, что никогда не будешь онъ Гошшедіанцемъ.

Разговоръ перешелъ къ стихошворнымъ размѣрамъ, которые такъ-же не были въ то время усшановлены у Нѣмцевъ, какъ лѣшъ черезъ сто у насъ, Рускихъ. Ямбъ владѣлъ у нихъ всѣми родами стихошвореній, и Ломоносовъ, вводя его въ Русское стихошворешво, желалъ знашь мнѣніе о немъ Галлера. Тотъ былъ самъ приверженецъ Александрійскаго стиха и съ жаромъ доказывалъ прелестъ его. Не удивишельно: его стихошворенія, по большей часши наполненныя нравспвенными изрѣченіями, шакъ хорошо ладили съ эшимъ размѣромъ!

Ломоносовъ осшавилъ Галлера, съ величайшимъ уваженіемъ къ его обширнымъ свѣдѣніямъ и благородной просшотѣ обхожденія.

Изъ Гѣшпингена онъ скоро пришелъ въ средопочіе горныхъ заводовъ Гарцскихъ, въ прелестный городокъ Клаусшаль.

Рекомендашельныхъ писемъ не было у него ни къ кому; но онъ зналъ, что въ Клаусшаль находился тогда опличнй Металлургистъ, Бергъ-Рашъ Крамеръ; къ нему-шо рѣшился онъ идши, и не ошибся въ успѣхѣ.

Крамеръ пламенно любилъ свою науку, и принималъ Русскаго путешеспвенника съ опвершыми объясніями. Ломоносовъ имѣлъ уже шакія обширныя познанія въ Горномъ Искусшвѣ, что

ему не нужны были теоретическія лекціи, и въ Гарцѣ пришелъ онъ единственно для практическихъ упражненій въ Металлургіи. Впрочемъ, съ большимъ любопытствомъ и съ пользою разсматривалъ онъ сочиненіе Крамера: *Объ Искусствѣ раздѣленія металловъ*, которое было совершенно къ печати. По этому-то сочиненію прошелъ онъ вновь важную часть Металлургіи, и подъ руководствомъ Крамера началъ упражняться практически. Дальнѣйшимъ средствомъ къ усовершенствованію служили ему поѣздки въ разныя горныя заведенія, которыхъ въ Гарцѣ множество. Крамеръ самъ объѣзжалъ ихъ въ это время, и Ломоносовъ сопутствовалъ ему. Порядокъ и опредѣленность въ занятіяхъ работниковъ, обширность и даже нѣкошорая роскошь многихъ заведеній, изумляли Ломоносова. Гарцскіе рудники и заводы конечно были тогда еще не на той степени совершенства какъ нынѣ, однакожь они давно славились необыкновеннымъ устройствомъ своимъ. Цѣлое народонаселеніе шрудился шамъ, и получаетъ богатое вознагражденіе за свой шрудъ. Точность и порядокъ въ занятіяхъ его напоминающъ что-то военное. Работники одѣты большею частью одинаково и раздѣлены на равночисленныя общества.

Сшраншвуя по горамъ, деревнямъ и городамъ Гарца, Ломоносовъ провелъ цѣлое лѣто.

Онъ подходилъ къ Брокену, и только непрерывныя занятія помѣшали ему взобратъся на эту гору, знаменитую своею вышиною и славную по сказкамъ о Брокенскихъ вѣдѣмахъ.

Настала зима; поѣздки и пѣшеходства его прекратились; надобно было возвратиться въ Марбургъ. Крамеръ былъ очень доволенъ прилежаніемъ, ученостью и всего болѣе провицальностью своего неожиданнаго ученика. Безъ всякой просьбы со стороны Ломоносова, онъ далъ ему самое лестное одобрительное свидѣтельство. Русскій путешественникъ изъяснилъ душевную благодарность Нѣмецкому ученому за его доброжелательство, и за все, такъ великодушно, благородно сдѣланное для него. Они разсѣлись.

Въ Марбургѣ, между тѣмъ, спрдала его Христина, угнепаемая бѣдностью и кредиторами. Она забыла все, когда увидѣла своего мужа; но лицо ея, прежде столь свѣжее, розовое, было теперь блѣдно, и на немъ ясно выражались слѣды душевныхъ ея спраданій. Ломоносовъ, обрадованный свиданіемъ съ нею, не спрашивалъ о домашнихъ обшоятельствахъ и поспѣшилъ на другой день узнать: прислано-ли наконецъ жалованье его?

«Прислано!» отвѣчалъ Вольфъ, отъ котораго онъ долженъ былъ узнать это, и кошорый, по обыкновенію своему, ласково встрѣпилъ и

съ участіемъ спрашивалъ Ломоносова о путешествіи въ Гарцъ. Послѣ разговора довольно продолжительнаго, онъ вручилъ ему претное жалованье. Ломоносовъ спѣшилъ обрадовать Хриспину, и вбѣжалъ въ комнашу показывая ей полученныя имъ деньги.

« Вошъ онъ, гадкія! Вошъ онъ, эши проклятыя деньги. Ну, Хриспина, прежде всего, какъ порядочные люди, сообразимъ: сколько должимъ мы ошдашъ лавочнику, хлѣбнику, и всѣмъ, всѣмъ? »

Хриспина горько улыбнулась. Она спала сказывая ему свои долги: выходило, что полученныхъ денегъ не доспанешъ заплашишь и половину эшихъ долговъ.

« Ну, такъ мы заплашимъ сколько можемъ, пошому что надобно оспавишь что нибудь и для себя. »

— Конечно. Только всѣ кредитшоры наши такъ давно ждали, что сдѣлались элы какъ собаки: едва-ли согласяшся они ждашь еще.

« Подождушъ и нѣ хошя! Но, для радости свиданья нашего, пригошовъ, Хриспина, сегодня хорошій обѣдъ, а я куплю бушмылку добраго вина. »

Ломоносовъ какъ будшо не испыналъ еще, что бѣдность не позволяешъ даже радовашься! Въ радости человекъ бываетъ щедръ, а бѣдность мспишъ за каждую копѣйку. Онъ нико-

гда не понялъ этого, и всякій разъ, имѣя въ рукахъ деньги, гошовъ былъ распрашивать ихъ всѣ, такъ что не доставало и удивительной бережливости Хриспины для внезапныхъ, мгновенныхъ его расходовъ. Къ этому прибавилось еще новое: Ломоносовъ уже *привыкъ* пить вино, и часто издерживалъ на него послѣдній серебряный грошъ. Онъ привыкъ также погулять съ поварихами, съ пріятелями, и это вовлекало его въ новыя издержки. Вскорѣ увидѣлъ онъ себя въ положеніи опчаянномъ.

Предвѣщаніе Хриспины сбылось. Кредиторы Ломоносова не охотно согласились ждашь, получивши только небольшую уплату; но уже ни какъ не хотѣли они отсрочивашь далѣе назначеннаго времени.

Онъ еще имѣлъ средства изворачивашься нѣсколько времени, покуда они не приступили къ нему сильнѣе прежняго, съ угрозою пожаловаться городовому начальству, какъ на не плащащаго должника.

«Дѣлайте, что хотите!» сказалъ имъ наконецъ Ломоносовъ, и они ушли, обѣщаясь придти на слѣдующій день съ полицейскимъ офицеромъ.

«Что мнѣ дѣлать, Хриспина?» спросилъ онъ у нея.

— Не знаю, милый другъ! Я могу только плакать съ тобой.

« Плакать! . . . Это у васъ , женщинъ , всегдашнее и всеобщее средство, » возразилъ съ нѣкошорымъ ожесточеніемъ Ломоносовъ.

Хриспина изумилась и подняла на него глаза, блиставшіе слезами. Онъ потчасъ почувствовалъ несправедливосшь своего упрека, и бросился цѣловать ея руку.

« Проси меня, Хриспина! Я право теряю разсудокъ отъ этихъ несносныхъ обстоятельствъ. Мнѣ остается одно средство: бѣжать изъ Марбурга.

— Бѣжать? . . . Но что-же будетъ съ швоею Хриспиною, съ швоею Минною?

« Богъ защититъ васъ!

— О, милый другъ! Не умножай горести моей, не уходи отсюда какъ бѣглець! Я не перенесу этого.

« Но легче-ли будетъ тебѣ, если меня посадятъ въ тюрьму?

— Въ тюрьму? О Боже! . . .

Она закрыла глаза, сжала голову руками, и не могла произнести болѣе ничего.

« Успокойся, милая Хриспина! Я еще постараюсь отвесити какъ нибудь эту грозу. Вѣрь по крайней мѣрѣ, что я не оставляю тебя.

Говоря это, онъ самъ не вѣрилъ словамъ своимъ и твердо рѣшился — бѣжать въ Россію. Но какъ сдѣлать это? Какъ дойдши до Пешенбурга? Онъ изобрѣшалъ разные планы и нако-

нець остановився на одномъ: иди въ Голландію или въ Любекъ, ближайшія мѣста, гдѣ находились Русскіе Резиденцы, и просишь у нихъ заступленія.

Можешъ бышь, Ломоносовъ не вдругъ-бы вздумалъ эшо, если-бы видѣлъ какое нибудь средство избавишься ошъ своихъ преслѣдовашелей. Но на другой-же день явился полицейскій чиновникъ. . . . Появленіе его привело въ ужась Хриспину; Ломоносовъ встрѣшилъ его съ величайшею пвердосью.

Полицейскій объявилъ ему пребываніе кредиторовъ, и сказалъ, что законъ позволяешъ должнику воспользоваться еще шремя днями опсрочки, но по испеченіи этого времени подвергнешъ его заключенію. Ломоносовъ опвѣчалъ, что онъ поступитъ сообразно своимъ общопшельшвамъ.

Покуда гроза была еще хошь въ нѣкошоромъ опдаленіи, присущспвіе духа не оспавляло его. Но шушь, жеспокая шоска и самыя гореспнныя ощущенія наполнили его душу.

«За что-же смѣнешъ надо мной шы, судьба?» подумалъ онъ. «Чѣмъ заслужилъ я шакое безжалоспное гоненіе? Не шы-ли вывела меня изъ сѣверныхъ лѣсовъ моей родины, пособляла мнѣ побѣждать всѣ шрудности моего пуши, возвысила, очиспила мой умъ, и теперъ хочешъ ки-нушь въ шюрму Нѣмецкой полиціи? Довольно

нищенствовалъ я : надобно, чтобы я испыталъ еще и тяжестъ заключенія. О, эшо ужъ слишкомъ ! Я не вдругъ поддамся себѣ. . . . Жаль, горько мнѣ оставивъ Хриспину съ бѣдною нашею Минною въ такомъ ужасномъ положеніи. . . . Но, дѣласть нечего ! Сегодня-же ночью надобно бѣжать опъ нихъ. Впрочемъ, и пора избавившись мнѣ опъ эшой тяжостной, невыносимой жизни. Чего ждашь ? Академія какъ будто забыла обо мнѣ, и я, обогащенный теперь всякими познаніями, остаюсь безъ куска хлѣба, на порогѣ шюрмы ! . . . Прекрасно быть такимъ ученымъ человѣкомъ ! . . . Хорошо быть супругомъ, опцомъ, и — поминъ голодомъ свое семейство ! Правду сказашь : семейная жизнь. . . . О, судьба дорого продаетъ намъ каждое наслажденіе ! »

Такъ безпорядочно, несвязно, опчаянно размышлялъ Ломоносовъ одинъ, самъ съ собою. Но при женѣ онъ умѣлъ показаться почти веселымъ, и провелъ съ нею послѣдній вечеръ въ непрерывныхъ разговорахъ. Онъ увѣрилъ ее, что скоро прекращаясь всѣ непріятности ихъ положенія, что скоро надобно будетъ ему возвращишься въ Россію, а пріѣхавши шуда они заживушъ мирно и счастливо. Хриспина казалась спокойною : можетъ быть она въ самомъ дѣлѣ вѣрила словамъ мужа, который готовился оставивъ ее черезъ нѣсколько часовъ. Но самъ Ломоносовъ едва не потерялъ своей твердо-

спи, когда маленькая дочь его просталась съ нимъ, ложась спать. Мысль: что онъ долженъ оставишь это милое, безпомощное существо, оставишь надолго и почти безъ пропитанія — эша мысль расперзала его.

Онъ улучилъ минушу и написалъ нѣсколько спрочекъ женѣ своей, гдѣ увѣдомлялъ ее о своемъ бѣгствѣ, просилъ не опчаявашься, и обѣщаль черезъ нѣсколько дней дашь о себѣ извѣстіе.

Послѣ эшого, съ какимъ-то непоняпнымъ для него самого спокойствіемъ, онъ легъ заснушь. Но сонъ его былъ не продолжителенъ. Часу въ двѣнадцашомъ онъ вспаль. Добрая жена его и маленькая дочь спали крѣпкимъ сномъ невинности. Онъ одѣлся въ обыкновенное свое плашье, и накинулъ на плеча вешій свой плащъ. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на милыхъ его сердцу, благословилъ ихъ, и бросивъ на столъ пригошовленную имъ записку о своемъ бѣгствѣ, вышелъ.

Вспомнимъ, что онъ пускался въ далекій, безвѣстный пушь, не имѣя въ карманѣ ни одной копѣйки; что онъ оставлялъ жену и дочь въ нищестѣ, на произволъ своихъ кредиторовъ, и могъ понимашь весь ужась пробужденія Хриспины; что наконецъ онъ самъ не зналъ, когда и чѣмъ окончишь эшо спранные сѣпленіе обспояшельствъ, и шогда шолько мы поймемъ,

съ какими чувствами вышелъ онъ изъ своего жилища, и чпѣ чувствовалъ проходя по опускаемымъ улицамъ Марбурга! Разумѣется, что, скрывая побѣгъ свой, онъ не простился ни съ Вольфомъ, ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ. И до того ли было ему, когда въ послѣдніе дни столько жестокихъ ощущеній терзали его сердце?

Глава XIV.

Темнота не мешала несчастному бѣглецу идти всю ночь. Она была для него оправданіе свѣта, въ которомъ думалъ-бы онъ видѣть обличіе своего ужаснаго состоянія.

Онъ шелъ по дорогѣ въ Голландію, не останавливаясь, не чувствуя голода, и только на другой день упалъ на правую, пошому что уже не имѣлъ силъ. Мрачныя мысли бродили въ его головѣ безпорядочно; тоска грызла его сердце. На минушу забылся онъ сномъ, и вскочилъ, не съ ободренными силами, но въ какомъ-то раздраженіи, которое долго можетъ поддерживать въ человѣкѣ дѣятельность. Онъ пустился опять въ свой путь, иногда опдыхалъ, но не заходилъ въ деревни, спѣша впередъ.

На претій день, около вечера, заблесталъ передъ нимъ, вдали, серебристый Рейнъ. Вечеръ приближался очаровательный: солнце тихо кашилось за горизонтъ, и вся природа, какъ будто послѣ радостнаго труда, начинала отды-

хоть, свѣжѣла, дышала жизнью. Благоуханіе травъ, цвѣтовъ, роскошная зелень деревъ, пѣніе веселыхъ пшичекъ въ воздухѣ и рощахъ, и это неизобразимое спокойствіе, которое шакъ плѣнительно въ полѣ, вечеромъ, послѣ жаркаго дня, все это могло разсѣять самыя черныя думы; но Ломоносовъ глядѣлъ на окружающую его природу и на прелести ея равнодушно, даже съ какою-то завѣсью, будто на красивую кокетку, которая, занимаясь своимъ нарядомъ, не помнитъ что въ мірѣ есть несчастливцы. Ему было досадно слышать нѣжное щебепанье пшичекъ, казалось, насмѣхавшихся надъ его горестію; его не занимали милостивые ландшафты по сторонамъ, и величественное зрѣлище рѣки впереди.

Невольно однакожь дошелъ онъ до самаго берега Рейна, и когда тихое плесканье его, когда нѣжная синева его и свѣжее дыханіе волнъ подѣйствовали на изнуреннаго чувства спранника, онъ остановился. Мало читалъ онъ поэтическихъ описаній этой рѣки, но онъ былъ самъ поэтъ, и гармонія души съ величественнымъ зрѣлищемъ Рейна произвела въ немъ какое-то прелепаніе, поспешенно перешедшее въ тихій воспоргъ. Онъ любовался, восхищался, радовался неожиданнымъ для него поржесствомъ великолѣпной природы; онъ понялъ воспорженныя рассказы и любовь прибрежныхъ Рейнскихъ

жишелей къ своей рѣкѣ, и съ сожалѣніемъ вспомнилъ, что ему надобно идти далѣе.

« Но я не пойду въ городъ! не хочу нарушать моего впечатлѣнія! » сказалъ онъ. « Люди пошчасъ напоминашь неизбѣжныя съ-ними бѣдсшвія; а мнѣ долго ждашь такой не возмущенной минушы спокойсшвія. »

Онъ въ самомъ дѣлѣ не пошелъ въ городъ Диссельдорфъ, находящійся при впаденіи Дисселя въ Рейнъ, и бывший очень близко отъ него. Ондохнувши тѣломъ и духомъ подлѣ Рейна, онъ пуслился по берегу его, вправо. Но самый эшосъ ондыхъ пробудилъ въ немъ силы, и зашсавилъ его почувсшвовашъ сильнѣйшій голодъ, тѣмъ больше, что уже шрешій день онъ не ѣлъ ничего. Надобно было остановишъся ошошедши не далеко отъ Диссельдорфа, въ первомъ поспояломъ дворѣ. Новое препяшсшвіе: несчащный бѣглець не имѣлъ ни копѣйки, шакъ что ему не на что было купишь куска хлѣба. Однакожь онъ вошелъ въ поспоялый дворъ, и въ общую комнату его. Тушъ сидѣло нѣсколько человекъ военныхъ, и за особеннымъ споломъ хозяинъ. Ломоносовъ подошелъ къ нему и попросилъ — куска хлѣба!

« А кружку пива прикажете? » спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ. Я и за кусокъ хлѣба не могу вамъ заплашшть: возьму, если дадите мнѣ его даромъ.

«То естъ въ милостыню? . . . Ну, шакъ и говорилъ-бы! А шо еще спрашиваешъ, какъ будто за деньги.» Ошпрѣзывая кусокъ хлѣба, хозяинъ прибавилъ: «Да, куда-же эшо идешъ ты, пріятель?»

Ломоносовъ не зналъ, чшѡ ошвѣчать на эшошъ вопросъ, и наобумъ сказалъ:

—Тушъ, около Везеля, деревня, гдѣ живушъ мои родишели: я иду къ нимъ.

«А опкуда?»

—Изъ Марбурга. Тамъ учился я въ Университешъ, и вы видите во мнѣ бѣднаго студента.

Между тѣмъ хозяинъ далъ ему кусокъ хлѣба, и Ломоносовъ, поклонясь, хошѣлъ ушопишъ свой голодъ, когда ошъ стола, за кошорымъ сидѣли военные, загремѣлъ шолстый башъ:

—Садишесь лучше съ нами поужинашъ!

Ломоносовъ оборошился шуда, и увидѣлъ, чшо эшо говорилъ офицеръ, дородный, веселый, съ длинными усами.

—Садишесь, Г. студентъ, къ намъ за столъ! Мы, люди военные, рады дѣлишсь всѣмъ съ добрыми людьми. Оспавъше эшого поргаша, скареда, іуду!

«Милоспи просимъ!» загремѣло еще нѣсколь-
ко голосовъ.

Ломоносовъ охотно подѣлъ къ нимъ, и началъ ѣсть съ перваго блюда, которое подали ему.

— Эшопъ мерзавецъ, нашъ хозяинъ, только и думаешь о деньгахъ! А вѣдь поѣсть у него нечего!

«Г. офицеръ! за что-же вы изволише бранишься?» сказалъ оскорбленный хозяинъ.

— Молчи, іуда!— закричалъ офицеръ.— Подай сюда бутылку вина.

И хозяинъ смиренно пошелъ исполнять его волю.

— Право, не лзя иначе говорить съ этими христопродавцами: ругнешъ его, шакъ онъ и слушается.

Уполивъ первый голодъ, Ломоносовъ осмошрѣлся и увидѣлъ, что, кромѣ офицера, за столомъ сидѣло еще нѣсколько человекъ солдатъ, истинныхъ рейшаровъ Фридриха II-го. Они уже всѣ, какъ видно, кончили свой ужинъ, и попивали вино и пиво.

— Нѣтъ въ свѣтѣ лучше людей, какъ нашъ братъ военный!— сказалъ офицеръ, наливая Ломоносову вина.— Жизнь привольная, служба молодецкая; у Короля мы первые любимцы; только и заботы, что угодишь ему, а потомъ погулять да попить.

«Я почи въ первый разъ имѣю удовольствіе бесѣдовать съ военными,» сказалъ Ломоносовъ;

«но глядя на васъ, вѣрю вамъ. На свѣщѣ рѣдко встрѣишь привѣпливосшь и радушіе.

— У насъ всѣ привѣпливы! Да и о чемъ шу-
жишь? Опець-Король думаетъ за насъ и даетъ
намъ все: и деньги, и кварширу, и хлѣбъ, и
вино! Эхъ, да славная жизнь! Ребяща! Круго-
вую рюмку.

Вахмистръ взялъ не почашую бупылку со
спола, сбиль съ нея палашемъ горлышко и роз-
лилъ всѣмъ въ спаканы. Разумѣлся и Ломоно-
сову.

«За здравіе Его Королевскаго Величества,
Фридриха II-го!» возгласилъ офицеръ подымая
спаканъ.

— За здравіе! — повтори́ли всѣ солдашы.

«Пейте-же по нашему,» сказалъ офицеръ, под-
ливая Ломоносову еще вина.

Между шѣмъ у пиракширщика брали все, что
было у него лучшаго изъ кушанья, и усердно
подчивали Ломоносова. Онъ уже давно уполилъ
свой голодъ и ѣлъ нѣ хопя, но вино возбуж-
дало его аппепишъ. Наконецъ, уподчиванный,
онъ и самъ воскликнулъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, я ужъ давно не бывалъ
шакъ веселъ, какъ съ вами, господа!... За здо-
ровье ваше!»

— Чокнемся по-братски! — закричали солдашы.

«Ну, послушай, поварищъ!» сказалъ офицеръ.
«Хочешь-ли бышь нашимъ братомъ, солдашомъ?»

— Солдашомъ? нѣтъ, нѣтъ, господà!

«А ты самъ сказалъ, что тебѣ не на что купить куска хлѣба?»

— Это правда.

«Возьми денегъ!» Офицеръ вынулъ изъ кармана горсть серебра и положилъ ее передъ Ломоносовымъ.

— Нѣтъ, господà! Чужаго не хочу.

«Это швое: я не возьму назадъ, когда вынулъ изъ кармана.

Ломоносовъ задумался; сонъ клонилъ его; солдаты бросились обнимать и цѣловать его. «Братъ! товарищъ! другъ!» кричали они ему безпрестанно.

Но Ломоносовъ уже едва слышалъ слова ихъ и ничего не понималъ; онъ вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

«Ну, ребята! проворнѣй! Нашивайте ему красный воротникъ», сказалъ офицеръ.

—А, а! попался, пріятель!—говорили солдаты исполняя приказаніе своего командира.

«Суньте ему и деньги въ карманъ», сказалъ офицеръ.

Такимъ образомъ, не думая, не гадая, Ломоносовъ завербовался въ Прусскіе рейшары. Известенъ эпопѣй сипранный обычай Прусскихъ войскъ: сшарались уподчивать, напоить не-

опытнаго молодого человѣка, и попомъ объявляли его солдапомъ. Такъ случилось и съ Ломоносовымъ.

На другой день, онъ вспалъ, и удивился взглянувши на красный воровникъ свой. « Чтò это значить ? » подумалъ онъ и съ шрудомъ припоминалъ о своей пирушкѣ съ солдапами. « Они вѣрно хопяшъ посмѣяшъся надо мной. » Но въ карманѣ его бракнули деньги, тѣ, которыми дарилъ его офицеръ. « Это ужъ не походишь на шушку, » подумалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. Тамъ окружили его рейтары, и Вахмиспръ съ веселымъ видомъ сказалъ :

« Ну, брашъ-поварищъ, поздравляю ! . . . Кланяйся господину командиру, » прибавилъ онъ, увидѣвъ идущаго къ нимъ офицера.

— Какому командиру ? — спросилъ съ досадой Ломоносовъ.

« Господину офицеру ! »

— Какой-же онъ командиръ мнѣ ? возразилъ Ломоносовъ.

Между тѣмъ офицеръ подошелъ и сказалъ своимъ громкимъ голосомъ :

« А, новый поварищъ ! Ну, я увѣренъ, что ты будешь храбрый солдапъ ! Почитай за счастье, что ты теперь въ Прусскомъ войскѣ, и постарайся заслужить имя нашего собрата. Прусскіе воины первые въ мірѣ, а ты теперь по-

же Прусскій солдашъ. Вахмиспръ! прими его въ команду.»

Проговоривъ это, онъ пошелъ далѣе.

Ломоносовъ слушалъ его, и не понималъ, о чемъ идетъ дѣло. Но солдашъ безпрестанно называли его брашомъ, поварищемъ, и онъ съ неперпѣваемъ воскликнулъ :

— Какой я братъ вамъ? я Русскій, и не го-жусь вамъ въ родню.

«Ты, видно, еще не проспался!» грозно закричалъ на него Вахмиспръ. «Или забылъ, что вчера побрашался съ нами?»

— Я побрашался съ вами?... Такъ вы привязываетесь къ этому слову?

«Нѣтъ, вчера, при всѣхъ товарищахъ, выпилъ круговую рюмку и вступилъ въ Королевскую службу; билъ по рукамъ съ Г-мъ Поручикомъ; взялъ деньги, выпилъ за здоровье нашего полка! Развѣ мало всего этого?»

— Такъ вы за рюмку вина хошите сдѣлать меня Прусскимъ солдашомъ?

«Да и сдѣлаемъ: ты будешь славный солдашъ; только не унывай и не думай ни о чемъ. Тебѣ у насъ полюбишься, и ты годишься на коня....»

—Подите вы къ чоршу!— вскричалъ Ломоносовъ.—Не хочу я ни коня вашего, ни брашпива!

«А, шакъ эшакъ-шо? Постой, я усмирю тебя!» сказалъ Вахмиспръ и замахнулся на него фух-шелемъ.

Двое солдапъ схватили его за руки. . . . но Вахмиспръ удержалъ ударъ.

— Будешь-ли служишь вѣрой и правдой Его Королевскому Величеству?—спросилъ онъ.

«Буду, буду!» отвѣчалъ Ломоносовъ.

—То-то-же!—сказалъ Вахмиспръ.

Ломоносовъ видѣлъ, что надобно покориться глупой необходимости; но шутъ-же онъ твердо рѣшился избавишься опъ новыхъ своихъ мучителей.

Новобранныхъ рекрутовъ, въ томъ числѣ и Ломоносова, отправили въ крѣпость Везель, для обученія военной службѣ. Вахмиспръ былъ ихъ провожающимъ, и сдалъ бѣдныхъ молодыхъ людей другому, шакому-же опытному служака. Ломоносовъ упошибилъ это въ пользу. Въ новой командѣ онъ притворился спрасно полюбившимъ военную жизнь, и спалъ заниматься ученемъ солдапской экзерциціи. Казалось ему, что за нимъ присматривающъ спрое чѣмъ за другими рекрутами. Но онъ разсѣялъ всѣ подозрѣнія своимъ веселымъ видомъ и ревностью къ службѣ. Впрочемъ, вырваться изъ этого шягосшнаго, внезапнаго плѣна, было довольно шрудно. Вмѣстѣ съ другими солдапами, Ломоносовъ жилъ, правда, не въ самой крѣпости, а въ казармѣ близъ вала; но по валу были разспавлены часовые. Въ опредѣленное время на-

добно было вспахать и проводить цѣлый день въ ученѣ. Вечеромъ спорогоспъ увеличивалась: обходы, перекликиванья, дозоры опымали всякую мысль о бѣгспвѣ. Но чего не сдѣлаешь человѣкъ, рѣшившійся лучше пожертвовать своею жизнью, нежели оспаться въ чуждомъ, несперпимомъ для него состояніи!

Ломоносовъ щцашельно и незамѣтно для другихъ осмошрѣлъ валъ, довольно высокій и показый съ обѣихъ споронъ. Въ казармѣ, гдѣ спалъ онъ съ поварищами, было окно въ задней стѣнѣ, къ валу. Но за валомъ былъ наполненный водою ровъ, и далѣе шли внѣшнія укрѣпленія. Трудно пробраться черезъ такіа преграды невидимкой! Однако Ломоносовъ не терялъ надежды, и началъ шѣмъ, что всякій вечеръ ложился спать раньше всѣхъ поварищей, такъ, что когда другіе были еще въ первомъ снѣ, онъ уже просыпался. Сначала, надъ сонливоспью его насмѣхались; но черезъ нѣсколько дней привыкли къ ней и уже не обращали вниманія на то, что приходи съ учебной площади, онъ хидался на нары и храпѣлъ.

Наспали темныя ночи, копорыхъ дожидался онъ несперпѣливо. Въ одну изъ такихъ ночей, Ломоносовъ пробудился часу въ двѣнадцатомъ. Всѣ вокругъ него спали мертвымъ сномъ. Дерзкій рѣшился немедленно исполнишь свое намѣреніе. Онъ вслушался еще разъ: спятъ. При-

звавъ на помощь Бога , онъ подошелъ къ заднему окну и вылъзъ въ него , такъ тихо, что самъ не слыхалъ своихъ движеній. Но , вошъ , впереди валъ ; зная , въ какихъ мѣстахъ обыкновенно стояшъ на немъ часовые , Ломоносовъ поползъ въ самомъ далекомъ отъ нихъ разстояніи , поползъ для того , чтобы они и въ темнотѣ не могли замѣшить опаснаго его путешествія. Взобравшись на вершину вала, онъ также оспорожно спускался по другой споро-нѣ его. Наконецъ , стоя на землѣ , онъ вспрѣпилъ самое важное препятствіе: глубокій ровъ, наполненный водою. Но это препятствіе было предвидѣно имъ , и онъ , ни мало не задумываясь , бросился во всемъ плашъ въ воду. Такія массы водъ случалось переплывать урожденцу береговъ Сѣвернаго моря ! Онъ пошчасъ переплылъ черезъ ровъ, вышелъ на другой берегъ его, и тихо пробрался мимо внѣшнихъ укрѣпленій и рavelина. Чрезвычайно затруднили его коншръ-эскарпъ , покрышый ходъ , палисадъ и гласисъ. Но всѣ эти препятствія и опасности вскорѣ оспалились позади его : онъ очутился въ полѣ, и бросился бѣжать, для того чтобы скорѣе перейти за Прусскую границу, до комо-рой оспавалось гораздо болѣе мили.

Почти цѣлую милю бѣжалъ онъ не останавливаясь , и забывая , что платье на немъ было мокро , послѣ купанья во рву. Силы начинали

уже оставлялъ его , когда на разсвѣтѣ услышалъ онъ пушечный выстрѣлъ въ крѣпости : обычный знакъ о бѣжавшемъ новобранцѣ. Онъ зналъ, что послѣ этого немедленно опсправляется погоня во всѣ спороны , зналъ и то, какое ужасное наказаніе ожидаетъ его вслучаѣ поимки. Спрахъ придалъ ему новыя силы и онъ пустился бѣжашъ сильнѣе прежняго.

Но кто представишь себѣ ужасъ несчастнаго бѣглеца , когда оглянувшись , онъ увидѣлъ скачущаго вдаль челоуѣка ! Правда , нѣсколько десятиковъ сажень оспавалось до границы, но гнавшійся за нимъ скакалъ во весь опоръ, и могъ насичъ его. Съ невѣроятнымъ усиліемъ пустился Ломоносовъ впередъ, не слыша подъ собою ногъ, и такъ быспро миновалъ проспранство, раздѣлившее его отъ границы, что успѣлъ не только перебраться черезъ нее, но даже вбѣжашъ въ находившійся не подалеку лѣсъ. На землѣ Веспфалии онъ былъ уже безопасенъ, и эша мысль какъ будто опняла у него мгновенно всѣ силы. Онъ упалъ, благодарилъ Бога за свое избавленіе, и вскорѣ почувствовалъ въ себѣ новую бодрость.

Спрахъ его былъ еще такъ великъ , что и на землѣ, уже не принадлежавшей Пруссіи, онъ не смѣлъ войдти въ селеніе, а обошелъ его лѣсомъ. Тамъ, въ глуши, въ чащѣ оспановился онъ и спалъ сушивъ свое мокрое плашье, отдыхашъ,

и въ то-же время думать о спранномъ своемъ приключеніи.

«Что-же такое было эшо?» сказалъ онъ самъ себѣ. «Къ чему эша новая игра судьбы надо мной? Неужели въ самомъ дѣлѣ я попался было въ Прусскіе солдапы, и могъ оспаться на вѣкъ въ рядахъ Фридриховыхъ воиновъ? Да! эшо такъ: я былъ завербованъ и принужденъ служить солдапомъ! Только опчаянное бѣгство спасло меня. А съ какими опасностями было соединено эшо бѣгство! И что, если-бы я попался опять въ когти Прусскихъ служивыхъ? Они прогнали-бы меня сквозь спрой и ужь покрѣче упрятали-бы куда нибудь! Тогда, прощай Михайло Ломоносовъ! Ты на вѣкъ остался бы чужеземцемъ, и вся жизнь пвоя прошла-бы въ томипельныхъ шрудахъ. Но я былъ на волось опъ эшого, и еще теперь не вѣрю самъ себѣ, что избавился опъ палки Вахмиспра. Къ чему-же было эшо новое испытаніе, эшопъ паяжкій урокъ? Неужели для шого провелъ я паяннадцать лѣтъ за книгами, въ обласпи наукъ и фанпазіи, чтобы подвергнувшись послѣ эшого военной службѣ, и можешъ быть на вѣкъ оспаться въ ней? Нѣшъ, эшо новая насмѣшка судьбы, копорая ведепъ меня къ какой-то цѣли, но такъ спранно, такъ оплично опъ всѣхъ другихъ людей, что я не знаю какъ назватъ и какъ объяснить эшо. И долго-ли еще буду я

спранникомъ , нахлѣбникомъ . въ мірѣ и обществѣ? . . . Да , правду сказать , шеперь судьба моя не завидна . До цѣли еще далеко , а между тѣмъ я не знаю , буду-ли сыпѣ сегодня , и какъ спану пишаться въ слѣдующіе дни! . . .»

Въ самомъ дѣлѣ , у Ломоносова не на чпо было не только пообѣдашь , но и купишь кусокъ хлѣба . Деньги , данныя ему офицеромъ во время вербовки , послѣ опобрали у него въ арпельную сумму , и онъ бѣжалъ съ пусыми карманами . Но это состояніе казалось ему шеперь такимъ счастіемъ , что онъ радовался ему и беззаботно предавался своей будущности . Благодѣшельный сонъ овладѣлъ имъ . Проснувшись уже за полдень , Ломоносовъ бодро вспалъ , и если не съ весельемъ , то по крайней мѣрѣ съ новою живостью вышелъ изъ лѣсу . Въ первой крестыанской хижинѣ , которая встрѣпилась ему , онъ попросилъ *изъ милости накормить его* , и назвалъ себя Саксонскимъ бѣднымъ студентомъ . Добрые жители не спрашивали его болѣе , и поставили передъ нимъ сыпный обѣдъ .

Онъ продолжалъ свой путь и далѣе , черезъ Голландію , вездѣ называясь бѣднымъ Саксонскимъ студентомъ .

И шакъ Ломоносовъ опашъ долженъ былъ пишаться *милостынею , подавнїемъ* ! Человѣкъ , обнимавшій умомъ своимъ цѣлый міръ , познѣ .

которымъ восхищалась въ послѣдствіи вся Россія, первоклассный ученый, особенно между современниками, словомъ, гений, какіе рѣдко являющіеся на землѣ—просягивалъ руку, просилъ подающаго и милосердія! Онъ принужденъ былъ или умереть съ голоду, или употребить это ужасное средство для своего пропитанія!

Спранная судьба великаго челоѣка!

Пусть Ломоносова лежалъ черезъ Арнгеймъ и Упрехтъ въ Амстердамъ, гдѣ надѣялся онъ найдши Россійскаго Посланника и хотѣлъ просить его о возвращеніи своемъ въ ошечество. Надобно-ли описывать, сколько шруда, ушомленій, непріятностей долженъ былъ онъ вытерпѣть въ этомъ беззащитномъ спранствованіи? Бѣдный скипалецъ не могъ оспановишься нигдѣ, и безъ вниманія проходилъ черезъ красивые, богатые города. Почти не видалъ онъ, пошому что не хотѣлъ и не могъ видѣть, ничего до тѣхъ поръ, пока передъ нимъ не замелькали громадные зданія Амстердама.

«Здѣсь найду я успокоеніе и ошдохну душой и тѣломъ!» сказалъ онъ самъ себѣ, вступая въ этотъ городъ.

Глава XV.

Въ Амстердамѣ Ломоносовъ пошчасъ опискалъ Россійскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, Ольдекопа, и немедленно попросилъ у него свиданія.

«Вы Рускій, и пришли сюда пѣшкомъ изъ Марбурга?» спросилъ Ольдекопъ, вышедши къ нему. «Такъ по крайней мѣрѣ сказали мнѣ о васъ?»

— Я такъ и просилъ доложить о себѣ, Г. Министръ.

«Какимъ-же образомъ попали вы въ Марбургъ и затѣмъ пришли сюда?»

Ломоносовъ въ короткихъ словахъ объяснилъ ему свою исторію и свои странствованія; описалъ припомъ свидѣтельствъ ошъ Пешербургской Академіи и пѣхъ мѣстъ, гдѣ учился въ Германіи. Онъ не забылъ взять ихъ съ собой изъ Марбурга и сохранилъ во время пущи.

— Я увѣренъ, Г. Министръ — прибавилъ онъ — что вы окажете милоспивое вспомошествованіе мнѣ; болѣе не имѣю никакой надежды.

«Прежде всего прошу васъ не называшъ меня Министромъ: я только Повѣренный въ дѣлахъ Россійскаго Двора, а Полномочный Министръ, Графъ Головкинъ, живешъ въ Гагѣ. Но, скажише, чѣмъ могу я бытъ вамъ полезенъ?»

— Совѣщусь, но долженъ просить васъ: дозволишь мнѣ опдохнуть нѣсколько дней въ вашемъ домѣ. . . .

«Объ эпомъ не нужно и говоришь: васъ успокояшь какъ только можно лучше. Но что попомъ?»

— Я желалъ-бы поскорѣе возврашиться въ Россію, и въ эпомъ случаѣ прибѣгну опять къ вашему покровительству.

«Жаль, что эшо не опъ меня зависить. Я обязанъ сноситься обо всемъ съ Посланникомъ, и пошому надобно подождать, покуда получу на вашу просьбу опвѣтъ опъ Графа Головкина. Я напишу къ нему немедленно.

— Не смѣю ничего и желашъ больше.... Но, не позволише-ли, Ваше Превосходишельство, мнѣ самому опвезти письмо ваше къ Графу?»

«Эшо еще лучше! Здѣсь, по каналамъ и рѣкамъ, сообщенія такъ легки, что вы скорѣе всякаго курьера будете въ Гагѣ.

— Благодарю васъ за милоспивое вниманіе къ моей просьбѣ. Признаюсь только, что у меня нѣтъ ни копѣйки денегъ, такъ что я не могу не только ѣхать, но и существовать безъ вашего благодѣтельнаго пособія.

«Денегъ на проѣздъ я могу дать вамъ,» сказалъ Ольдекопъ. «Теперь отдыхайтесь покуда, а между тѣмъ я велю опысать попутную шляпку.

На другой-же день была готова къ отплытію одна шляпка, и Ломоносовъ отправился на ней, вмѣстѣ съ нѣкошорыми другими путешественниками, въ Гагу.

Путешествіе по каналу, идущему черезъ Гарлемъ и Лейденъ, не представляло ничего занимательнаго. Русскій путешественникъ не успѣлъ заглянуть даже въ Университетъ, находящійся въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ. Но тѣмъ скорѣе прибылъ онъ въ Гагу.

Тутъ Ломоносовъ долженъ былъ явиться къ Русскому Посланнику, Графу Головкину, и пріемъ у знаменитаго вельможи не былъ похожъ на пріемъ у Ольдекопа, кошорый, при всей вѣжливости и услужливости къ бѣдному Русскому студенту, старался только не выйти изъ границъ своей власпи. Напротивъ, Посланникъ принялъ своего земляка почто какъ Рускій, какъ умный Бояринъ, воспитанникъ Пепіровой школы. Онъ щщательно спросилъ Ломоно-

сова о цѣли, съ какою Академія отпправила его, разсмопрълъ одобришельныя свидѣтельсва, данныя ему Генкелемъ, Крамеромъ, и оспановилъ на томъ, почѣму не имѣеть онъ также свидѣтельсвъ отъ Марбургскихъ Профессоровъ и особенно отъ Вольфа?

Ломоносовъ признался ему, что онъ бѣжалъ изъ Марбурга, отъ долговъ, за копорые хотѣли посадить его въ пюръму.

— А развѣ ты не получалъ отъ Академіи денегъ на содержаніе себя?

«Получалъ, Графъ, но на себя одного, а не на семейство. . . .»

— Какое-же у тебя семейство въ Марбургѣ?

«Я женился тамъ. . . .»

— Женился?... Впрочемъ, это дѣло хорошее, хотя и не кспаша сдѣланное, если нечѣмъ было кормить жену. Какъ-же оставилъ ты ее?

«Въ домѣ отца и на произволъ Бога.

— Но ты еще долженъ былъ позаботиться о ней какъ человѣкъ и мужъ.

«Я не имѣлъ никакой возможности для этого.

Графъ прошелся по комнаѣ и началъ спрашивать его объ успѣхахъ, какіе сдѣлалъ онъ проживши въ Германіи чешыре года. Быспрые,

основательные, умные опыты Ломоносова вскорѣ показали, что онъ не даромъ провелъ это время.

— Хорошо, хорошо — прибавлялъ Графъ послѣ каждого опыта его, и наконецъ сказалъ: — Жаль, что ты опоздалъ родиться и не могъ заспать въ живыхъ великаго благодѣтеля Россіи, Государя Пешра Алексѣевича! Упѣшилъ-бы ты его опеческое сердце, и получилъ-бы достойную награду за свой трудъ въ просвѣщеніи. А что мы теперь? Овцы безъ пастыря!

Онъ задумался на нѣсколько секундъ, и продолжалъ:

— Ты былъ-бы человекъ по сердцу этого великаго Государя. Насъ гналъ онъ къ наукамъ, въ Европу, а ты самъ бѣжалъ къ нимъ. Такой порывъ достоинъ вознагражденія и я съ своей стороны сдѣлаю для тебя все, что могу. Чего желаешь ты?

«Если Ваше Сіятельство будете сколько великодушны, то прежде всего дозволюте и пособиете мнѣ возвратиться въ Петербургъ, чтобы я могъ дать Академіи отчетъ о своемъ путешествіи.

— Хорошо, я сдѣлаю это. Что тебѣ еще нужно? денегъ? бери ихъ, только не больше чѣмъ нужно.

« Приношу чувствительную признательность за ваше благодѣяніе ! Деньги нужны мнѣ только для переезда въ Россію.

— Разумѣется. *Рублей десятка два* довольно тебѣ для этого. Только ѣхашъ надобно моремъ, а отсюда корабли не ходящъ, и пошому должно возвратиться въ Амстердамъ. Однако ны проживи у меня нѣсколько дней. Осмотри городъ : онъ стоимъ вниманія.

« Я исполню всѣ приказанія Вашего Сіятельства.

— Это, братецъ, не приказанія, а совѣты. Напиши къ женѣ письмо, и я берусь доставить его. Надобно успокоить бѣдную, а то она, вѣрно, не знаетъ что и думать о тебѣ.

Во всѣхъ этихъ словахъ Ломоносовъ слышалъ Русское сердце, видѣлъ заботливость добраго земляка, и забылъ знаменитость человека, съ которымъ говорилъ. Съ сердечною признательностью вышелъ онъ изъ кабинета Графа, и ожилъ духомъ. По приказанію Посланника, ему отвели хорошую комнату, довольствовали его сполномъ, оказывали всѣ возможные услуги.

Ломоносовъ не забылъ совѣтовъ Графа и прежде всего написалъ къ женѣ письмо, гдѣ сказывалъ ей о своемъ прибытіи въ Амстердамъ и опшуда въ Гагу, просилъ ее вѣрить

любви и заботливости его, но не посылая къ нему напрасно писемъ, потому что онъ и самъ еще не знаетъ о будущемъ своемъ мѣстопребываніи и назначеніи. Письмо вручилъ онъ Графу, который и отправилъ его, еще до отъѣзда Ломоносова изъ Гаги. Эпошъ благодарный вельможа всякій вечеръ призывалъ къ себѣ путешественника, говорилъ съ нимъ о многихъ предметахъ, спрашивалъ что осматрѣлъ онъ въ Гагѣ, и при томъ объяснялъ ему многое самъ.

Но ни ласковость Графа, ни привлекательный городъ, ни добрые, прудолюбивые Голландцы не могли долго удерживать Ломоносова. Вскорѣ ему стала скучна однообразная, хотя и красивая жизнь нидерландцевъ, надобно имъ опрятные дома, ихъ великолѣпныя фабрики, и всѣ чудеса ихъ промышленности. Онъ не чувствовалъ никакой склонности, никакого влеченія къ этой *матеріальности*, и потому любопытство просаго путешественника скоро утихло, тѣмъ больше, что всѣмъ другія помыслы и надежды вѣселились въ головѣ его. Самое это положеніе какой-то неопредѣленности, неокончательности въ назначеніи жизни, начинало тяготить его. Онъ спалъ просилъ Графа позволить ему ѣхать въ Амстердамъ. Тотъ съ неизмѣннымъ добродетельствомъ исполнилъ его просьбу.

Ломоносовъ еще въ первый разъ видѣлъ шуть вельможу, во всемъ блескѣ его могущества, великолѣпія и образа жизни. Ольдекопъ, хотя не столь радушный въ приѣмѣ и сильный въ помощи, сдѣлалъ на него впечатлѣніе также пріятное. Между шѣмъ, вспомнимъ, какую жизнь велъ самъ и съ кѣмъ жилъ до сихъ поръ Ломоносовъ, и не будемъ удивляться, если онъ былъ очарованъ привлекательною спороною знапныхъ людей.

«Вошъ истинные люди!» размышлялъ онъ. «Вошъ благодѣтели человѣчества!... Я испыталъ много измѣненій въ жизни; знаю людей разныхъ состояній; я родился и выросъ посреди мужиковъ: это грубые, несносные, часпо безмысленные невѣжды! Долго жилъ я подъ ферулою монаховъ, и нахожу, что для человѣка, назначаемаго къ свѣтской жизни, они не могутъ быть ни шоварищами, ни друзьями, ни даже наставниками; они живутъ въ какой-то особенной, только для нихъ пригодной сферѣ. О, какъ я радъ, что избавился наконецъ ошъ Нѣмецкихъ ученыхъ и вообще ошъ Нѣмецкой жизни! Надоѣли мнѣ эти пощія души! Рускому надобно совсѣмъ иное: надобна иная душа, кошорая даетъ характеръ всѣмъ нашимъ поспупкамъ, всѣмъ дѣйствіямъ и даже уму. И вошъ наконецъ я вижу, гдѣ сосредотошено все благородное, прекрасное, достойное человѣка!

Вошъ обществу, гдѣ развязаны умъ и душа, гдѣ не надобно приводить ихъ въ мѣрку. Какъ грустно, что я не рожденъ для общества этихъ людей!»

Понятно такое ослѣпленіе въ человѣкѣ, не имѣвшемъ никакой свѣтской опытности. Блескъ, представительность, кшаши сказанное слово, кажутся ему чѣмъ-то превосходнымъ, пошому что самъ онъ не обладаетъ средствами для этого. Жаль, что пріятныя заблужденія рѣдко бывають продолжительны!

Возвратившись въ Амстердамъ, Ломоносовъ имѣлъ время осмотрѣть эшотъ славный городъ. Бродя по берегамъ Амстеля, по каналамъ и мостамъ Голландской столицы, онъ понялъ мысль Петра Великаго, который шолько любилъ Голландцевъ и ихъ спихію, море, что перенесъ даже свою резиденцію въ болопа Финскія, для шого шолько, чтобы воспользо-ваться шамошнимъ *многоводіемъ*, и создашь новый Амстердамъ. Какъ великій геній, Пешръ соединилъ шупъ многіе, обширные государ-ственныя виды: и время оправдало большую часть его плана. Пешербургъ спалъ на чреду первыхъ шорговыхъ городовъ въ мірѣ; но за шю мысль Великаго не оправдалась самымъ Пешербургомъ: онъ не имѣеть сходства съ Амстердамомъ и ничего подобнаго себѣ; эшо, можно сказашь, единственный, первый по красо-

ствъ своей городъ въ мірѣ, *только!* Но это не Амстердамъ.

Ломоносовъ жалѣлъ, что не могъ побывать въ Заандамѣ, не могъ поклониться священной для каждого Рускаго хижинѣ Пепра, въ кошорой скрывалъ свое величіе преобразишель Россіи. Изъ Амстердама надобно переѣзжаешь туда черезъ проливъ, а Ломоносовъ не смѣлъ удаляться, пошому что корабельщикъ, съ кошорымъ договорился онъ плыть въ Петербургъ, ожидалъ шолько попушнаго вѣпра. Наконецъ эиошъ благопріятный вѣперъ вспорхнулъ, расшевелилъ шяжелый воздухъ Голландіи, и шлюпки опъ всѣхъ опшлывавшихъ кораблей спѣшили забрать своихъ пассажировъ. Ломоносовъ возшелъ на корабль, и черезъ нѣсколько часовъ уже въ опдаленіи видѣлъ за собою берега Голландіи.

Привольно, весело спало ему на обширной синевѣ моря, кошорое шумя и пѣнясь влекло его къ берегамъ милаго опечесшва. Давно разспался онъ съ Россіей, и еще больше прошло времени съ шой поры, какъ онъ не видалъ опкрышаго моря. Но душа его не опвыкла любить родину, не опвыкла и чувспшовашь красошу, величіе, поэзію моря! Какъ спараго друга вспрѣшилъ онъ знакомую спихію, какъ родныхъ привѣспшивалъ бодрыхъ машросовъ, и съ весельемъ разговаривалъ съ ними о всѣхъ по-

дробностяхъ пуши. На какомъ языкѣ говорилъ онъ съ Голландцами? Матросы изобрѣшаютъ свой особенный языкъ, такъ что посредствомъ немногихъ словъ объясняются съ жителями всѣхъ странъ. Соспарѣвшійся на кораблѣ матросъ бывалъ вездѣ, и отовсюду вывезъ запасъ словъ, не хуже нѣхъ, которыми щеголяли наши земляки, споявшіе на бивакахъ въ Парижѣ.

Къ вечеру первого дня пуши вѣтеръ усилился чрезвычайно. Легкій кунеческій корабль, на которомъ плылъ Ломоносовъ, сражался съ могучими волнами, какъ ловкій боецъ съ многочисленными пропивниками; онъ скрипѣлъ и споналъ и вздрагивалъ, но, разсѣкая бурную пучину, при попульномъ вѣтрѣ все подвигался впередъ. Ломоносовъ долго смотрѣлъ на эту борьбу человѣческаго искусства съ природою; когда совсѣмъ спемнѣло, онъ ушелъ въ свою каюшу и бросился на койку. Спранное чувство помилло его: это былъ не спрахъ, а какой-то несперпѣливый порывъ души, уполенной борьбою съ жизнью. Въ нападающихъ волнахъ видѣлъ онъ нѣхъ неспріязненныхъ обспоятельствъ, которыя сполько разъ доводили его до опчаянія. «Неужели и спеперь, почти при входѣ въ опещество, сама природа хочетъ испыпашъ силу моего духа?» мыслилъ онъ. «Неужели эспою грозною борьбою съ слабыми усилиями человѣка, она хочетъ еще напомнипъ мнѣ жизнь, въ

которой я точно какъ будно осужденъ испытывать всѣ возможныя препяшствія?»

Такъ самые обыкновенные случаи — въ самомъ дѣлѣ, что обыкновеннѣе на морѣ какъ не буря?—иногда поражающъ въ насъ цѣлый хаосъ ощущеній, часто не имѣющихъ ничего близкаго къ наспоющему нашему положенію. Но человекъ, занятой всегда собою, своею мыслью, своимъ я, воображаетъ, что и природа существуетъ только для него, для его ощущеній.

Какъ-бы то ни было, но Ломоносовъ легъ спать въ тревожномъ состояніи духа, и заснулъ подъ завываніемъ бури. Постепенно измѣнялись передъ нимъ картины моря: то видѣлъ онъ, что корабль ихъ опускался все ниже, ниже, и вдругъ взлеталъ на такую высоту, съ которой видны были и Пешербургъ, и хижина, гдѣ обитаетъ жена его, и Холмогоры, и деревня, въ которой родился онъ. То встрѣчалъ онъ на волнахъ обломки разбиаго корабля, и на нихъ людей, которые жалобно молили его о спасеніи, и быстро уносились вдаль. Наконецъ, онъ увидѣлъ образъ драгоцѣнный ему, образъ отца, который, въ рыбацкой ладѣ своей, боролся съ волнами близъ одного оспрова въ Ледовитомъ морѣ. Ломоносовъ много разъ бывалъ подлѣ этого оспрова, много разъ жилъ на берегу его, и помнилъ каждый кусокъ на немъ. Онъ былъ гошовъ бросишься на по-

мощь къ опцу, но чувствовалъ руки и ноги свои крѣпко связанными, онѣмѣлыми. Спенаніе вырвалось изъ груди его, когда онъ увидѣлъ, что ладья опца его грянулась о берегъ и разлетѣлась, а бѣдный опецъ опустился въ воду, вынырнулъ изъ нея, вскричалъ: « Михайло! » и опяшь исчезъ въ волнахъ. Съ невыразимою поскою видѣлъ все это Ломоносовъ, и какъ будто ждалъ еще чего-то. Наконецъ, грозный девятый валъ шумно плеснулся на берегъ и выкинулъ на него бездыханное шло Василья Ломоносова.

При эшомъ зрѣлищѣ Ломоносовъ проснулся. Холодный потъ градомъ выступилъ на лицѣ его, и бѣдный спрадалецъ долго не могъ опомнишься, не могъ поспигнуть: во снѣ или наяву было видѣнное имъ. Темнопа ночи и свиспъ бури усиливали обманъ. Наконецъ онъ пришелъ въ себя, увѣрился, что видѣнное имъ было сонъ, щечпная мечша, порожденная пригопвленнымъ къ шому воображеніемъ; но эшопъ сонъ былъ пакъ ясенъ, живъ передъ нимъ, что онъ не вѣрилъ разсудку своему, и до самага ушра не могъ прогнашь опъ себя какого-то убѣжденія въ истинѣ всего видѣннаго имъ.

«Да, шочно опецъ мой часшо плавалъ къ эшому необишаемому ошрову въ Ледовишомъ морѣ. Я самъ бывалъ тамъ съ нимъ много разъ, и никогда еще сонъ не предспавлялъ мнѣ пакъ

живо сущесгвенности. Только я помню, что приспавали не въ помѣ мѣспѣ, и если-бы на яву вздумалъ кто нибудь, особенно въ бурю, зайдти къ противоположному берегу, подлѣ котораго представился мнѣ отецъ, онъ вѣрно погибнулъ-бы. Неужели этотъ сонъ предвѣщаетъ горестную для меня сущесгвенность? О, Боже! сбери лучше надъ моею головою новыя бѣдствія, но пощади моего отца! Пусть я одинъ, столько виновный передъ нимъ, испкуплю назначенныя для него несчастія!... И неужели не сбудется мечта моя, успокоинъ бѣднаго спарика, убѣдишь его, что я не былъ только непослушный ему сынъ, что я не ошибался въ своемъ назначеніи, и бѣжалъ отъ него употребить во благо данныя мнѣ отъ Бога способности? Спарикъ не понялъ-бы моихъ словъ, но слова другихъ убѣдили-бы его, и почесъ, какою бываетъ окружено дарованіе, утѣшила-бы его. Да, какъ желалъ я всегда окружить моего спарика нѣмъ почтеніемъ, котораго достоинъ отецъ уважаемаго сына! Сынъ можетъ быть въ славѣ, въ почести, а отецъ долженъ наслаждаться эшимъ.»

Такъ разсуждалъ Ломоносовъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить своему сну; но тайное убѣжденіе запало въ его душу, и образъ бездыханнаго отца, на берегу необитаемаго острова, не выходилъ изъ его мыслей. Чтобы успокоинъ самого

себя, онъ рѣшился, поспѣвъ по прїѣздѣ въ Пешербургъ, развѣдать объ ошцѣ своемъ опъ Архангелогородцевъ, кошорые часшо прїѣзжали въ Пешербургъ.

Но это спранные событіе, это сновидѣніе оправило для него все оспальное время пуши. За бурей наспала ясная, прелеспная погода, и попушпый вѣшерокъ легко мчалъ корабль; но Ломоносовъ уже не любовался ни карпинами моря, ни видами цвѣшущихъ береговъ Даніи и Швеціи. Онъ не замѣпилъ даже какъ миновали они Копенгагенъ, какъ пронеслись мимо Борнгольма, прославленнаго волшебнымъ перомъ писателя другаго вѣка.

Кшо долго былъ въ разлукѣ съ ошечеспвомъ, пошъ пойметъ, чшѣ чувспвовалъ Ломоносовъ, когда завидѣлъ онъ вдали берега Россіи. Сначала они оспавались у него въ правой споронѣ; напоследокъ и передъ нимъ зазмѣлилась полоса земли, а впереди ея выдвигался ошровъ *Кронштатъ*.

« Онъ вездѣ первый ! » подумалъ Ломоносовъ. « При первомъ взглядѣ на ошечеспво, вижу созданіе Пешра ! Онъ вспрѣчаетъ меня въ эшихъ врапахъ своего могущеспва, такъ-же какъ его мысль провожала меня за границу. »

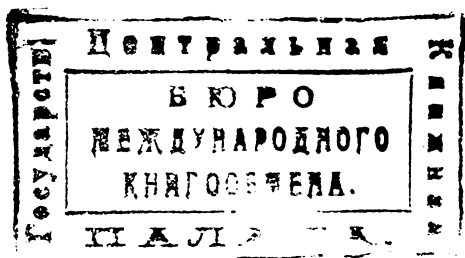
Кронштатъ еще не былъ такимъ красивымъ городомъ и шакою неприспушною швердынею

лѣтъ за сто, какъ теперь; но тогда онъ болѣе изумлялъ путешественника, который зналъ, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ это былъ необитаемый островъ. Пепръ, съ необыкновенною своею проникательностью, постигъ всю важность его для возникавшаго изъ болотъ Пепербурга, и заботился о немъ столько-же какъ о своей столицѣ. Счастливая мысль Великаго была довершена преемниками его.

Ломоносовъ вышелъ на *Русскую* землю, еще недавно покорную Шведамъ; посѣтилъ домикъ Пепра, существующій и донинѣ; полюбовался на кипѣвшую въ гавани дѣятельность; но болѣе въ Кронштаптѣ нечего было видѣть, и онъ, вмѣстѣ съ корабельщикомъ, нетерпѣливо ждалъ оплышнѣя въ Пепербургъ. Это исполнилось черезъ нѣсколько часовъ, и вскорѣ путешественники наши бросили якорь въ сердце Пепербурга, на величавой Невѣ. Веселый крикъ привѣщивалъ ихъ съ берега, и Ломоносовъ почувствовалъ это счастливымъ признаменіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

7

